

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2(6)
2018

ISSN 2542-1840 (print)
ISSN 2541-9145 (online)

СЕРИЯ:

Гуманитарные и общественные науки



vestnik-hss.kemsu.ru

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Главный редактор: Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Бибило В. Н., д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Грицков Ю. В., д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Желтов В. В., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зникин В. К., д-р юрид. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Касаткина Н. Э., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Ляковска К., д-р права (habil), проф., Белостокский университет (UwB, Белосток, Польша).

Осипова С. И., д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Самович Ю. В., д-р юрид. наук, проф., КФУ (Казань, Россия).

Черненко Т. Г., д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Чистякова С. Н., д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик РАО, академик-секретарь РАО (Москва, Россия).

Чурекова Т. М., д-р пед. наук, проф., научный редактор серии, КемГУ (Кемерово, Россия).

Шепель Т. В., д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Щенников В. П., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

Editor-in-Chief: Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Valentina N. Bibilo, Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Yuriy V. Gritskov, Dr. of Philosophy, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Viktor V. Zheltov, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy K. Znikin, Dr. of Law, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Nataliya E. Kasatkina, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Katazyna Laskowska, Dr. of Law (habil), Prof., University of Bialystok (UWB, Bialystok, Poland).

Yuliya V. Samovich, Dr. of Law, Prof., Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Svetlana I. Osipova, Dr. of Pedagogic, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Tamara G. Chernenko, Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Svetlana N. Chistyakova, Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic of the RAE, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Tatiana M. Churekova, Dr. of Pedagogic, Prof., Science Editor of the series, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Tamara V. Shepel, Dr. of Law, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Shennikov, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Научный журнал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67379

Выходит 4 раза в год.

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842)58-12-26
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, тел. 8(3842)58-13-01

Сайт издания: <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 94032

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания. Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

16+

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2018
© Авторы научных статей, 2018

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. Scientific Journal

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77-67379

Published 4 times a year

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: 8(3842)58-12-26
Fax: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St., tel.: 8(3842)58-13-01

Web-site: <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Subscription indices:
94032 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition. Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

16+

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2018
© The authors of scientific articles, 2018

ПЕДАГОГИКА

Педагогическая поддержка и фасилитация в модели развития обучающегося в системе непрерывного образования

Гапиенко Т. А., Козырев Н. А., Митькина Е. В. 5

Тьюторское сопровождение как механизм формирования ИКТ-компетентности педагогов в процессе непрерывного образования

Жуланова В. П., Вострикова Е. А., Фомичев Р. С. 11

Роль юридического образования и юридической науки в подготовке высококвалифицированных специалистов

Отческая Т. И. 20

Педагогическая поддержка как модель и продукт педагогической деятельности и непрерывного образования

Туманова Т. Н., Козырев Н. А., Митькина Е. В. 25

ФИЛОСОФИЯ

К проблеме русской национальной идентичности

Казakov Е. Ф., Чеснокова Е. А. 31

Специфика некоторых общих методик мыслительного моделирования: диалектика, системно-структурный подход, синергетика

Красиков В. И. 37

Модернизация и политико-правовые институты

Равочкин Н. Н. 42

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

К вопросу правового значения государственной идеологии в Российской Федерации

Абакумова Е. Б. 51

Интеграция правовых институтов мусульманской школы права в правовую систему Республики Казахстан

Бакирова А. М. 58

Непоименованные способы защиты гражданских прав

Берилло М. С. 62

Правовой статус члена общественной организации в Российской империи и РСФСР: сравнительно-правовой анализ

Боголюбов Е. А. 67

Договор возмездного оказания услуг: особенности заключения и исполнения

Бодяк Н. Е. 71

Исправительные лагеря и иные специальные учреждения для несовершеннолетних

Грбич-Павлович Н. 77

PEDAGOGICS

Pedagogical Support and Facilitation in the Development Model within the System of Continuous Education

Gapienko T. A., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. 9

Tutor Support as a Mechanism for Informational and Communicative Competence Formation in Teachers in the Process of Continuous Education

Zhulanova V. P., Vostrikova E. A., Fomichev R. S. 17

The Role of Legal Education and Legal Science in the Training of Highly Qualified Specialists

Otcheskaya T. I. 23

Pedagogical Support as a Model and Product of Pedagogical Activity and Continuous Education

Tumanova T. N., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. 29

PHILOSOPHY

The Problem of Russian National Identity

Kazakov E. F., Chesnokova E. A. 35

Specificity of Some General Methods of Thought Modeling: Dialectics, System-Structural Approach, and Synergetics

Krasikov V. I. 40

Modernization of Political and Legal Institutions

Ravochkin N. N. 48

JURISPRUDENCE

The Legal Meaning of the State Ideology in the Russian Federation

Abakumova E. B. 56

Integration of Legal Institutions of the Muslim School of Law in the Legal System of the Kazakhstan Republic

Bakirova A. M. 60

Non-defined Ways of Civil Rights Protection

Berillo M. S. 65

Legal Status of a Public Organization Member in the Russian Empire and the Russian Soviet Federative Socialist Republic: a Comparative Legal Analysis

Bogolyubov E. A. 70

Services Agreement: Conclusion and Execution

Badziak N. E. 75

Correctional Boot Camps and Other Special Institutions for Juveniles

Grbić-Pavlović N. 84

Некоторые аспекты установления, введения и взимания курортного сбора в республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском крае <i>Евсикова Е. В.</i>	86	Some Aspects of Establishment, Introduction and Collection of Resort Fee in the Republic of Crimea, Altai, Krasnodar and Stavropol Region <i>Evsikova E. V.</i>	91
Правовая природа новации как способа прекращения обязательства <i>Подгорбунская Н. О.</i>	93	The Legal Nature of Novation as Termination of Obligation <i>Podgorbunskaya N. O.</i>	97
К вопросу о соотношении единого недвижимого комплекса и сложной вещи <i>Рахвалова Д. О.</i>	99	Single Real Estate Complex vs. Complex Thing <i>Rakhvalova D. O.</i>	101
К вопросу о взаимной обусловленности экстремистских проявлений и протестной активности представителей ЛГБТ-сообществ <i>Смылова В. Н.</i>	103	Interdependence of Extremist Manifestations and Protest Activity of LGBT Communities <i>Smyslova V. N.</i>	107
Социальная политика в отношении служащих милиции в 1920–1930-е гг. <i>Токарева С. Н.</i>	109	Social Policy towards Militia Personnel in 1920–1930s <i>Tokareva S. N.</i>	115
ПЕРСОНАЛИИ <i>Марина Игнатьевна Смычкова:</i> наш учитель, наставник и коллега	117		

УДК 378.1; 371.3

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА И ФАСИЛИТАЦИЯ В МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Тамара А. Гапиенко^{1, 2, @1}, Николай А. Козырев^{1, @2}, Елена В. Митькина^{1, 2, @3}

¹ Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42

² Средняя общеобразовательная школа № 26 г. Новокузнецка Кемеровской области, 654007, Россия,

г. Новокузнецк, пр-т Пионерский, 36

@¹ nauka-dpo@yandex.ru

@² kozirev-na@yandex.ru

@³ dpo-nvkz@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.01.2018. Принята к печати 08.05.2018.

Ключевые слова: педагогическая поддержка, фасилитация, педагогическое моделирование, педагогическая методология, модель педагогической поддержки.

Аннотация: В статье определяются понятия «педагогическая поддержка» и «фасилитация» в широком, узком, локальном, унифицированном смыслах построения детерминаций. Уточняются понятия широкого, локального, узкого, унифицированного смыслов в структуре реализации идей современной педагогической методологии. Приводятся модели связи понятий «педагогическая поддержка» и «фасилитация» в структуре реализации идей гуманизма, возрастосообразности, культуросообразности, системности детерминации и использования научного знания в педагогике. Успешность решения задач педагогической деятельности зависит от качества и возможностей решения задач педагогической поддержки обучающегося, фасилитации включения личности в систему социальных, образовательных и профессионально-трудовых отношений. Особенности построения модели воспитания, обучения, развития, социализации, самореализации обучающегося не обходятся без качественно построенной модели педагогической поддержки и фасилитации. Возможность повышения качества педагогических процессов, в структуру которых входят составные процессы воспитания, обучения, развития, социализации, самореализации, самосовершенствования, самоактуализации, будут визуально определены в модели использования такого современного профессионально-педагогического конструкта, как «педагогические условия». В работе представлены понятие и содержание педагогических условий оптимизации качества решения задач развития личности обучающегося средствами и методами персонифицировано детерминированной и востребованной педагогической поддержки. Способность педагога гибко перестраивать спланированные виды деятельности в структуре организации уроков и внеурочной деятельности опирается на процесс фасилитации и педагогической поддержки. Построенные перспективы научного поиска будут определены в структуре реализации технологии фасилитации и педагогической поддержки обучающегося, включённого в систему непрерывного образования.

Для цитирования: Гапиенко Т. А., Козырев Н. А., Митькина Е. В. Педагогическая поддержка и фасилитация в модели развития обучающегося в системе непрерывного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 5–10.

Системность научно-педагогического поиска определяет направление связи категориальных единиц современной педагогики. Неоднозначность задач определения и решения противоречий развития личности и системы образования выделяет два конструкта и категории (фасилитация и педагогическая поддержка), гарантирующих повышение качества решения задач за счет приспособления условий и средств развития к модели реальных возможностей и научно обоснованных способов решения задач. В таком поиске категория «фасилитация» и категория «педагогическая поддержка» [1–5] в структуре

реализации основ педагогической деятельности определяют объективные возможности повышения качества решения задач, способствуют повышению комфортности развития личности и сотрудничества, определения возможностей повышения уровня притязаний личности и оптимальности решения задач продуктивной самореализации и персонифицированной социализации.

Для повышения качества решения задач педагогической поддержки и фасилитации можно использовать педагогические технологии [6–10], направляющие и концентрирующие внимание на проблеме учета

условий развития личности, специфики нормального распределения способностей и здоровья обучающихся, формирования профессионализма, потребности в продуктивности и конкурентоспособных отношениях.

В структуре реализации основ педагогической поддержки и фасилитации решения задач педагогическое моделирование [11–16] как метод продуцирования профессионально-педагогических средств определяет персонафицированные возможности и условия включения личности в социально-образовательное пространство и профессионально-трудовые отношения. Педагогическая поддержка обучающегося [14; 17] в таком понимании выступает как объект исследования и продукт научно-педагогического определения и решения задач развития (конструкт «хочу, могу, надо, есть») в единстве детализирующих успешность личности обучающегося и продуктивность самореализации и становления педагога как субъекта ведущей деятельности, научно-педагогического поиска и культуры. Продуктивность в такой практике определяется на уровне математического выбора детерминированной задачей, на уровне общепедагогического и профессионально-педагогического выбора – качеством продуцируемого средства, на уровне методов оптимизации качества решения задач развития личности – средствами и методами современного обучения и образования в иерархии выделяемых и воплощаемых на практике видов деятельности (видов обучения).

Научное обоснование [16] необходимости рассмотрения педагогической поддержки в модели развития личности обусловлено рядом изменений в современном образовании и культуре деятельности. Практика акмеверификации основ педагогической поддержки определяет в моделях педагогической деятельности возможность детерминации и верификации в различных направлениях поиска и масштабах описания научно обоснованных способов определения и детализации явлений и результатов научной деятельности, примером такого рода практики могут быть приняты работы [17–20].

Определим в конструктах общепринятых масштабов и смыслов описания явлений и понятий (широкий, узкий, локальный, унифицированный) модели категорий научной педагогики «педагогическая поддержка» и «фасилитация», определив в итоге детерминаций модель связи понятий «педагогическая поддержка» и «фасилитация».

Широкий смысл определяет макроуровневые способы построения моделей в структуре научного исследования в педагогике; узкий смысл определяет мезоуровневые конструкты и модели детерминант и способов решения задач научного поиска и научного исследования; локальный смысл гарантирует качественное микроуровневое и ситуативное построение задач развития и решения всех выделенных в таких условиях противоречий; унифицированный смысл определяется через уникальное научное знание, гарантирующее построение моделей и их использование вне зависимости от масштаба описания и решения поставленных педагогом задач.

Педагогическая поддержка (широкий смысл) – категория современной педагогики, определяющая через

системность и полидетерминантность способов, методов, средств и технологий решения задач развития возможность уточнения качества развития и его повышения за счет специально организуемой деятельности педагога, направленной на создание комфортных условий обучающемуся как субъекту организуемой деятельности в образовательной организации, определяющей перспективность достижений обучающегося смыслом всех выстраиваемых в работе педагога планов и программ, обеспечивающих многоуровневое конкурентоспособное построение основ развития личности в модели непрерывного образования с учетом всех составных развития и востребованности личности на рынке социальных, образовательных и профессионально-трудовых отношений.

Педагогическая поддержка (узкий смысл) – педагогический процесс определения и решения задач персонафицированного развития обучающегося в иерархии выделенных приоритетов и способов оптимизации качества развития (конструкт развития личности «хочу, могу, надо, есть»), гибко детализирующий практику повышения качества педагогической деятельности в соответствии с условиями развития общества, системы образования, социальных и профессиональных отношений, особенностями пространственно-временного генеза и прочими кейс-конструктами оптимизации современного образования.

Под кейс-конструктами оптимизации современного образования будем понимать систему ограничений и возможностей, определяемых в современной педагогике через системы принципов, педагогические условия, тенденции, модели выбора, проектные возможности самостоятельной работы и самостоятельной деятельности обучающегося и педагога (конкурсы, гранты, соревнования и пр.).

Педагогическая поддержка (локальный смысл) – процедура реализации деятельности педагога в модели развития обучающегося, в структуре которой происходит учет уровня и особенностей развития обучающегося, специфики сформированности мотивов, целеполагания, способов акмеверификации качества решаемых задач, ситуативность и многомерность познания и визуализации объективных достижений науки, образования, техники, культуры, общения и прочих направлений рассматриваемого в деятельности педагога способов и механизмов самореализации и самоутверждения, социализации и сотрудничества личности и общества.

Педагогическая поддержка (унифицированный смысл) – педагогический конструкт оптимизации качества развития обучающегося средствами и продуктами реализации основ педагогической деятельности, определяющей самостоятельность личности обучающегося и возможности обучающегося базовым условием выбора модели реализации деятельности в структуре описываемого явления. В такой практике уровень развития обучающегося гарантирует надлежащий уровень деятельности педагога в структуре описываемого явления на процессуальном, технологическом, процедурном уровнях определяемых и решаемых задач и проблем, условия оптимизации качества которых будут систем-

но модифицироваться и уточняться через макро-, мезо-, микросистемы детерминации и реализации педагогической деятельности.

В определении «педагогическая поддержка» (унифицированный смысл) прослеживается реализуемая теория и практика качественного решения задач развития обучающегося с ОВЗ в системе специальных школ (школы восьми типов), т. е. учет системы ограничений обучающегося гарантирует построение его развития таким образом, что обучающийся в комфортных условиях получает образование надлежащего уровня и соответствующего выбранному уровню качества.

Фасилитация (широкий смысл) – категория современной педагогики, определяющая через специальные средства и методы, условия и комплексы педагогического сопровождения и реализации задач педагогической деятельности и общения возможность коррекции и подстройки содержания реализуемой деятельности обучающегося в соответствии с уровнем его развития и способности к развитию, т. е. система самоорганизации качества педагогической деятельности через описываемое явление создает условия и модели повышения качества, гарантируя в модели «упрощение-усложнение» дидактического материала возможность персонализации развития и самореализации обучающегося.

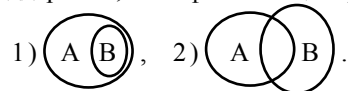
Фасилитация (узкий смысл) – педагогический процесс формирования основ и практики педагогической деятельности в соответствии с выявленными условиями развития личности и общества (конструкт «хочу, могу, надо, есть») в модели «упрощение-усложнение» дидактического материала, социально-образовательных, профессионально-трудовых, оздоровительно-досуговых способов решения задач возможности персонализации развития и самореализации, социализации и сотрудничества, взаимодействия и самовыражения обучающегося.

Фасилитация (локальный смысл) – процедура оптимального решения задач подстройки модели педагогической деятельности в развитии обучающегося или группы обучающихся, направленная на коррекцию уровня раскрытия дидактического и общекультурного материала, гарантирующего успешное включение обучающегося в систему социальных, образовательных, профессиональных отношений.

Фасилитация (унифицированный смысл) – педагогический конструкт, определяющий персонализацию и унификацию в качестве моделей оптимизации качества развития обучающихся, включенных в систему непрерывного образования, реализующих основы деятельности через теоретико-эмпирические особенности моделирования и проектирования будущего, определяющего для личности потенциальные способы, механизмы, проекты решения конструкта «хочу, могу, надо, есть».

Модель связи понятий «педагогическая поддержка» и «фасилитация» может быть представлена в структуре описания функций педагогической поддержки, определяющей фасилитацию одной из своих функций и способов оптимизации качества решения детерминированных задач.

Другой моделью связи понятий «педагогическая поддержка» и «фасилитация» может быть модель визуализации и иллюстрации связи понятий через диаграммы Эйлера, в структуре которых могут быть определены следующие конструкты связей (А – «педагогическая поддержка», В – «фасилитация»):



Теория и практика определения и описания понятийного аппарата современной педагогики гарантирует в структуре выявления моделей детерминацию объекта, предмета, цели и задач раскрываемого явления или феномена.

Объект педагогической поддержки – система построения основ и моделей, теории и практики педагогической деятельности, в структуре которой учтены индивидуальные особенности обучающихся и возможности их развития средствами современного непрерывного образования.

Предмет педагогической поддержки – эффективные модели, концепции, средства, технологии развития обучающегося в системе непрерывного образования.

Цель педагогической поддержки – реализация акмеперсонализированного развития личности обучающегося, построенного с учетом интересов обучающегося и государства.

Задачи педагогической поддержки – составные части цели педагогической поддержки, определяемые в соответствии с условиями научного поиска и решаемых задач научного исследования.

Объект фасилитации – упрощение, персонализация, унификация и прочие конструкты педагогической деятельности, гарантирующие учет возможностей развития обучающегося на определенном уровне образования, реализующего в целостности непрерывное образование личности.

Предмет фасилитации – эффективные модели, концепции, средства, технологии упрощения, персонализации, унификации решения задач развития личности в модели непрерывного образования.

Цель фасилитации – повышение качества решения задач педагогической деятельности средствами и методами упрощения, персонализации, унификации решения задач развития личности в модели непрерывного образования.

Задачи фасилитации – составные части цели фасилитации, определяемые в соответствии с условиями научного поиска и решаемых задач научного исследования.

Непрерывное образование определяет возможность развития обучающегося на протяжении всего периода жизнедеятельности, создает условия целостности становления личности в структуре акмеверификации основ ведущей деятельности личности обучающегося в моделях «обучение», «труд».

Возможность повышения качества современного непрерывного образования – актуальная задача научного поиска, в структуре которой необходимо уделять общепринятым условиям, уровням и возможностям

развития обучающегося должно внимание, акцент на успешности развития личности обучающегося через качественное решение конструкта «хочу, могу, надо, есть» должен определять систему конструктов мониторинга и контроля за качеством реализации и внедрения продуктов научно-педагогической деятельности в систему образования, за состоятельностью продуктивности современной педагогической деятельности в моделях оптимизации и модернизации.

Разработка моделей и технологий педагогической поддержки и фасилитации развития личности в модели непрерывного образования должна определять условия учета развития личности, включения лично-

сти в систему непрерывного образования, построение которого должно учитывать все законодательные акты образовательной политики государства и особенности учета мировой практики решения задач педагогической поддержки и фасилитации. В структуре моделирования и проектирования технологий педагогической поддержки и фасилитации необходимо выделить общие, частно-предметные и частно-специальные особенности разработки педагогической технологии, определяющей условия и особенности реализации педагогической поддержки и фасилитации в модели современного развития личности и включения обучающегося в систему непрерывного образования.

Литература

1. Абашина Н. Н. Педагогическая поддержка как гуманная технология развития личности // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе. 2012. № 11. С. 10–13.
2. Албитова Е. П. Современное звучание понятия «педагогическая поддержка» в образовании // European Social Science Journal. 2013. № 4. С. 28–34.
3. Герман Ю. Л. Сущность понятия «педагогическая поддержка» // Актуальные проблемы современной науки. 2011. № 4. С. 79–83.
4. Губанова А. В. Педагогическая поддержка становления и развития в образовательном процессе // Омский научный вестник. 2006. № 7. С. 301–305.
5. Зонина О. Ф. Педагогическая поддержка учащихся с признаками одаренности // Человек и образование. 2010. № 3. С. 35–38.
6. Козырева О. А. Технология системно-педагогического моделирования в условиях непрерывного профессионального образования // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 3-2. С. 355–359.
7. Козырева О. А., Гайко М. Е., Горбунова И. А., Седова К. С. Модели формирования и управления культурой самостоятельной работы педагога в условиях непрерывного профессионального образования // European Social Science Journal. 2012. № 8. С. 83–90.
8. Козырева О. А., Козырев Н. А., Свиначенко В. Г. Воспитание в профессиональной подготовке педагогов. М.: МИФИ, 2017. 400 с.
9. Козырева О. Е. Возможности организации педагогической поддержки в работе будущего педагога // Территория науки. 2016. № 5. С. 7–10.
10. Козырева О. А. Культура самостоятельной работы личности: модели и возможности формирования // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 3. С. 95.
11. Козырева О. А., Козырев Н. А. Саморазвитие личности в системе непрерывного образования // Интернетнаука. 2016. № 9. С. 63–71.
12. Коновалов С. В., Козырева О. А. Возможности педагогического моделирования в решении задач научно-исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 12. С. 129–135.
13. Коновалов С. В., Козырева О. А. Педагогическое моделирование в конструктах современного образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 58–63.
14. Митькина Е. В., Сорокин С. В., Свиначенко В. Г. Педагогическая поддержка обучающегося: модели и технологии. М.: МИФИ, 2017. 120 с.
15. Свиначенко В. Г., Сорокин С. В., Тарасевич М. В. Возможности педагогического моделирования в системе непрерывного образования. М.: МИФИ, 2017. 148 с.
16. Свиначенко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования. М.: МИФИ, 2014. 92 с.
17. Судьбина Л. Н., Козырева О. А. Педагогическая поддержка будущего педагога в адаптивном обучении как ресурс социализации и самореализации личности // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 152–156.
18. Туктагулова М. Н. Генезис феномена «педагогическая поддержка школьника» // Преподаватель XXI век. 2013. № 4. С. 144–148.
19. Шудегова Ю. В. Понятие педагогической поддержки в современной науке // Вестник Пятигорского государственного университета. 2009. № 2. С. 376–379.
20. Щур Е. Д. Педагогическая поддержка в поликультурном социально-воспитательном пространстве // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 470–475.

PEDAGOGICAL SUPPORT AND FACILITATION IN THE DEVELOPMENT MODEL WITHIN THE SYSTEM OF CONTINUOUS EDUCATION

Tamara A. Gapienko^{1, 2, @1}, Nikolai A. Kozyrev^{1, @2}, Elena V. Mitkina^{1, 2, @3}

¹ The Siberian State Industrial University, 42, Kirov St., Novokuznetsk, Russia, 654007

² Secondary school № 26 in Novokuznetsk, Kemerovo region, 36, Pionersky Ave., Novokuznetsk, Russia, 654007

@¹ nauka-dpo@yandex.ru

@² kozirev-na@yandex.ru

@³ dpo-nvkz@yandex.ru

Received 23.01.2018. Accepted 08.05.2018.

Keywords: pedagogical support, facilitation, pedagogical modeling, pedagogical methodology, model of pedagogical support.

Abstract: The article defines the concepts of «pedagogical support» and «facilitation» in a broad, narrow, local, unified sense of constructing determinants. It refines the concepts of a broad, local, narrow, unified meaning in the structure of the realization of the ideas of modern pedagogical methodology. The study features the models of the connection between the concepts of «pedagogical support» and «facilitation» in the structure of the realization of the ideas of humanism, the age-appropriate, cultural relevance, the systematic character of determination and the use of scientific knowledge in pedagogy. The success of the solution of the tasks of pedagogical activity depends on the quality and possibilities of solving the problems of pedagogical support for the student, facilitation of the inclusion of the personality in the system of social, educational and professional-labor relations. A model of education, training, development, socialization, self-realization of the learner is impossible without a qualitatively constructed model of pedagogical support and facilitation. The possibility of improving the quality of pedagogical processes, the structure of which includes composite processes of upbringing, education, development, socialization, self-realization, self-improvement, self-actualization will be visually defined in the model of using such a modern professional pedagogical construct as «pedagogical conditions»; the paper presents the concept and content of pedagogical conditions for optimizing the quality of solving problems of the development of a person trained by means and methods of personified deterministic and popular pedagogical support. The ability of the teacher to flexibly reconstruct the planned activities in the structure of the organization of lessons and extracurricular activities is based on the process of facilitation and pedagogical support. Constructed prospects for scientific search will be defined in the structure of the implementation of facilitation technology and pedagogical support of the student, included in the system of continuing education.

For citation: Gapienko T. A., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. Pedagogicheskaya podderzhka i fasilitatsiya v modeli razvitiya obuchaiushchegosya v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya [Pedagogical Support and Facilitation in the Development Model within the System of Continuous Education]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 5–10.

References

1. Abashina N. N. Pedagogicheskaya podderzhka kak gumannaya tekhnologiya razvitiya lichnosti [Pedagogical support as a humane technology of personal development]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Novye obrazovatel'nye sistemy i tekhnologii obucheniya v vuze = Izvestiya Volgograd State Technical University. Series: New educational systems and technologies of education in the university*, no. 11 (2012): 10–13.
2. Albitova E. P. Sovremennoe zvuchanie ponyatiya «pedagogicheskaya podderzhka» v obrazovanii [The modern sounding of the concept of «pedagogical support» in education]. *European Social Science Journal*, no. 4 (2013): 28–34.
3. German Yu. L. Sushchnost' ponyatiya «pedagogicheskaya podderzhka» [The essence of the concept of «pedagogical support»]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki = Actual problems of modern science*, no. 4 (2011): 79–83.
4. Gubanova A. V. Pedagogicheskaya podderzhka stanovleniya i razvitiya v obrazovatel'nom protsesse [Pedagogical support of formation and development in the educational process]. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk scientific bulletin*, no. 7 (2006): 301–305.
5. Zonina O. F. Pedagogicheskaya podderzhka uchashchikhsya s priznakami odarennosti [Pedagogical support of students with attributes of endowments]. *Chelovek i obrazovanie = Man and education*, no. 3 (2010): 35–38.
6. Kozyreva O. A. Tekhnologiya sistemno-pedagogicheskogo modelirovaniya v usloviyakh nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya [Technology of system-pedagogical modeling in conditions of continuous vocational education]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technology*, no. 3-2 (2016): 355–359.

7. Kozyreva O. A., Gayko M. E., Gorbunova I. A., Sedova K. S. Modeli formirovaniia i upravleniia kul'turoi samostoiatel'noi raboty pedagoga v usloviakh nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniia [Models of the formation and management of the culture of independent work of the teacher in conditions of continuous professional education]. *European Social Science Journal*, no. 8 (2012): 83–90.
8. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Svinarenko V. G. *Vospitanie v professional'noi podgotovke pedagogov* [Education in the professional training of teachers]. Moscow: MIFI, 2017, 400.
9. Kozyreva O. E. Vozmozhnosti organizatsii pedagogicheskoi podderzhki v rabote budushchego pedagoga [Possibilities of organizing pedagogical support in the work of the future teacher]. *Territorii nauki = Science Territory*, no. 5 (2016): 7–10.
10. Kozyreva O. A. Kul'tura samostoiatel'noi raboty lichnosti: modeli i vozmozhnosti formirovaniia [Culture of independent individual work: models and possibilities of formation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 3 (2017): 95.
11. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A. Samorazvitie lichnosti v sisteme nepreryvnogo obrazovaniia [Self-development of personality in the system of continuous education]. *Internetnauka = Internet Science*, no. 9 (2016): 63–71.
12. Konovalov S. V., Kozyreva O. A. Vozmozhnosti pedagogicheskogo modelirovaniia v reshenii zadach nauchnogo issledovaniia [Features pedagogical modeling in solving the tasks of scientific research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk state pedagogical university bulletin*, no. 12 (2015): 129–135.
13. Konovalov S. V., Kozyreva O. A. Pedagogicheskoe modelirovanie v konstruktakh sovremennoogo obrazovaniia [Teacher modeling constructs of contemporary education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk state pedagogical university bulletin*, no. 1 (2017): 58–63.
14. Mitkina E. V., Sorokin S. V., Svinarenko V. G. *Pedagogicheskaiia podderzhka obuchaiushchegosia: modeli i tekhnologii* [Pedagogical support of the student: models and technologies]. Moscow: MIFI, 2017, 120.
15. Svinarenko V. G., Sorokin S. V., Tarasevich M. V. *Vozmozhnosti pedagogicheskogo modelirovaniia v sisteme nepreryvnogo obrazovaniia* [Possibilities of pedagogical modeling in the system of continuous education]. Moscow: MIFI, 2017, 148.
16. Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. *Nauchnoe issledovanie po pedagogike v strukture vuzovskogo i dopolnitel'nogo obrazovaniia* [Scientific research on pedagogy in the structure of higher and further education]. Moscow: MIFI, 2014, 92.
17. Sud'ina L. N., Kozyreva O. A. Pedagogicheskaiia podderzhka budushchego pedagoga v adaptivnom obuchenii kak resurs sotsializatsii i samorealizatsii lichnosti [Pedagogical support of the future teacher in the adaptive learning as a resource of socialization and personal fulfillment]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*, no. 1 (2016): 152–156.
18. Tuktagulova M. N. Genezis fenomena «pedagogicheskaiia podderzhka shkol'nika» [Genesis of the phenomenon of «pedagogical support of a schoolchild»]. *Prepodavatel' XXI vek = Teacher XXI century*, no. 4 (2013): 144–148.
19. Shudegova Yu. V. Poniatie pedagogicheskoi podderzhki v sovremennoi nauke [The concept of pedagogical support in modern science]. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo universiteta = Pyatigorsk State University Bulletin*, no. 2 (2009): 376–379.
20. Shchur E. D. Pedagogicheskaiia podderzhka v polikul'turnom sotsial'no-vospitatel'nom prostranstve [Pedagogical support in a multicultural social and educational space]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Izvestiia Tula State University. Humanitarian sciences*, no. 3 (2012): 470–475.

УДК 378

Тьюторское сопровождение как механизм формирования ИКТ-компетентности педагогов в процессе непрерывного образования

Валентина П. Жуланова^{1. @1}, Елена А. Вострикова^{2. @2}, Роман С. Фомичев^{1. @3}

¹ Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 650070, Россия, г. Кемерово, ул. Заузелкова, 3

² РОББО, г. Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 5 Г

@¹ zhulanova51@gmail.com

@² vostrikova@robbo.ru

@³ rf87@mail.ru

Поступила в редакцию 22.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: тьютор, тьюторское сопровождение, непрерывное образование, информационно-коммуникационные технологии, компетентность, сетевые проекты, цифровая среда.

Аннотация: В статье представлен опыт практической реализации концепции непрерывного образования педагогов в условиях тьюторского сопровождения. Показана актуальность и необходимость повышения педагогической и предметно-педагогической информационно-коммуникационной компетентности учителей в связи с требованиями ФГОС ОО к сформированности ИКТ-компетенций, навыков проектной и исследовательской деятельности учащихся. Обоснована позиция авторов, состоявшая в том, что повышение уровня профессионализма педагога – это итог его непрерывного самообразования, вектор самообразования может быть задан на курсах повышения квалификации или в среде профессионального сообщества. Рассмотрены особенности организации тьюторства и его функции при работе со взрослыми. Описан опыт подготовки тьюторов, организации профессионального сообщества педагогов и его роли в вовлечении учителей в процесс непрерывного неформального обучения в области освоения и использования в образовательной деятельности информационно-коммуникационных и проектных технологий, разработки и реализации сетевых проектов. Предложен механизм организации тьюторского сопровождения непрерывного обучения учителей, в котором ключевую роль играет как организационный центр (формального или неформального образования), так и уровень взаимного сотрудничества тьюторов. Показан результат деятельности тьюторов как профессионального сообщества, выраженный в количестве учащихся, вовлеченных к участию в сетевых проектах, получивших опыт обучения и взаимодействия в цифровой среде.

Для цитирования: Жуланова В. П., Вострикова Е. А., Фомичев Р. С. Тьюторское сопровождение как механизм формирования ИКТ-компетентности педагогов в процессе непрерывного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 11–19.

На сегодняшний день актуальной проблемой является повышение качества образования, уровня итогов Единого государственного экзамена, позиции России в международных рейтингах и результатов независимой оценки качества образования. Ключевой фигурой повышения качества образования является педагог. От его профессионализма, уровня ИКТ-компетентности напрямую зависят результаты учеников. Поэтому одной из главных задач органов управления образованием, педагогических учебных заведений и системы повышения квалификации педагогических кадров является подготовка педагогов к профессиональной деятельности в условиях информационно-образовательной, цифровой среды, которые предоставляют большую свободу и возможности учащимся в получении знаний помимо учителя, но требуют от учащихся сформированных умений присвоения этих знаний, применения их на практике, наращивания

личностных и метапредметных результатов обучения. Именно задача формирования таких умений становится сейчас главной для учителя. Для этого учитель сам должен быть поставлен в такие же условия обучения, уметь получать, осваивать и усваивать новые знания и навыки, может быть, даже одновременно и вместе со своими учениками.

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) общего образования содержат требования к ИКТ-компетентности учащихся и педагогических кадров, определяющие педагогические технологии, подлежащие использованию в школе, в число которых входят обязательные проектные технологии и исследовательская деятельность.

ИКТ-компетенции, которые должны быть сформированы у выпускника начальной школы, включают в том числе использование средств ИКТ для поиска, сбора, обработки, анализа и передачи информации

в процессе решения познавательных задач учебных предметов¹. Из ФГОС основного общего образования² следует, что формирование большинства ИКТ-компетенций у обучающихся должно происходить также при изучении практически всех предметов основной школы, при этом каждый учитель должен владеть компьютером на уровне профессионального пользователя. ФГОС среднего (полного) общего образования учитывает, что основные ИКТ-компетенции у обучающихся уже сформированы в основной школе и применяются для решения учебных и практических задач. Поэтому в старшей школе требуется уже сформированность умений использовать средства ИКТ в решении когнитивных, коммуникативных и организационных задач³.

В профессиональном стандарте педагога⁴ в качестве трудовых действий педагогического работника образовательного учреждения любого уровня указано формирование у обучающихся навыков, связанных с использованием ИКТ; в качестве необходимых умений педагога – владение общепользовательской, общепедагогической и предметно-педагогической ИКТ-компетентностями, необходимыми и достаточными для планирования, реализации и оценки образовательной работы с детьми.

Таким образом, умение использовать информационно-коммуникационные технологии в образовательной деятельности является одним из важнейших требований к профессиональному уровню современного учителя.

Для анализа степени соответствия учителей этому требованию проводилось исследование уровня ИКТ-компетентности учителей, обучавшихся на курсах повышения квалификации. Некоторые результаты исследования приведены на рисунке.

Анкетирование педагогов всех категорий, работающих в системе общего образования и преподающих различные дисциплины, проводилось в начале обучения по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации. Опрос проводился анонимно, что способствовало более адекватному самооцениванию имеющих ИКТ-компетенций.

Как видно из рисунка, уровень пользовательской ИКТ-компетентности и предметно-педагогической ИКТ-компетентности примерно одинаков во всех трех периодах исследования и не зависит от количества респондентов.

Около 40 % опрошенных педагогов отметили, что являются начинающими пользователями компьютера, при-

мерно 50 % оценили себя как уверенных пользователей, только около 6–7 % опрошенных ответили, что владеют образовательными ресурсами сети Интернет и могут использовать их в своей профессиональной деятельности.

Предметно-педагогическая ИКТ-компетентность учителя включает знание современных педагогических технологий, методов, приемов организации образовательной деятельности с использованием ИКТ. Сюда входит умение организовать самостоятельную работу обучающихся на базе электронных образовательных ресурсов, сетевую коммуникацию обучающихся и педагогов с образовательными целями на базе облачных сервисов, владение элементами электронного и дистанционного обучения. Для определения уровня сформированности предметно-педагогической ИКТ-компетентности был предложен ряд вопросов по использованию информационно-коммуникационных технологий для организации образовательной деятельности обучающихся. На рисунке представлены результаты ответов на некоторые вопросы, которые характеризуют необходимые умения, отмеченные в профессиональном стандарте как составляющие трудовой функции «Педагогическая деятельность по проектированию и реализации основных общеобразовательных программ»⁵. Только 8–10 % педагогов отметили, что знают достаточное количество электронных образовательных ресурсов (ЭОР) по своему предмету и владеют методикой их внедрения в образовательный процесс. 20 % педагогов могут организовать самостоятельную работу обучающихся с ЭОР. Владеть сетевыми ресурсами для коллективного взаимодействия и умеют использовать их для организации образовательной деятельности только 6–7 % педагогов. Более 40 % педагогов знают, что такое «облачные» технологии, используют их для организации своей информационной среды, но только 5–6 % опрошенных отметили, что владеют методами организации коллективной деятельности обучающихся с использованием «облачных» сервисов. Более подробно результаты исследования представлены в [1].

Как видно из представленных результатов, у большинства педагогов констатируется несформированность педагогической и предметно-педагогической ИКТ-компетентности, отсутствие навыков организации образовательной деятельности обучающихся с использованием электронных ресурсов, сетевого учебного взаимодействия, что особенно важно для формирования умений самостоятельного освоения знаний, неформального обучения на дистанционных и online курсах⁶.

¹ Примерная основная образовательная программа начального общего образования. Режим доступа: https://минобрнауки.рф/документы/922/файл/8262/поор_noo_geestr.pdf (дата обращения: 07.01.2018).

² Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Режим доступа: <https://минобрнауки.рф/документы/938> (дата обращения: 07.01.2018).

³ Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. Режим доступа: <https://минобрнауки.рф/документы/2365> (дата обращения: 07.01.2018).

⁴ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)». Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/18/pedagog-dok.html> (дата обращения: 07.01.2018).

⁵ Там же.

⁶ Об утверждении Порядка применения организациями осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.08.2017 № 816. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201709200016?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 07.01.2018); Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgJAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf> (дата обращения: 07.01.2018).

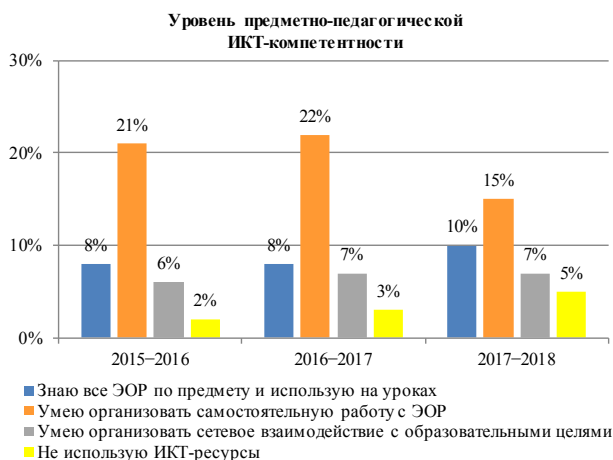
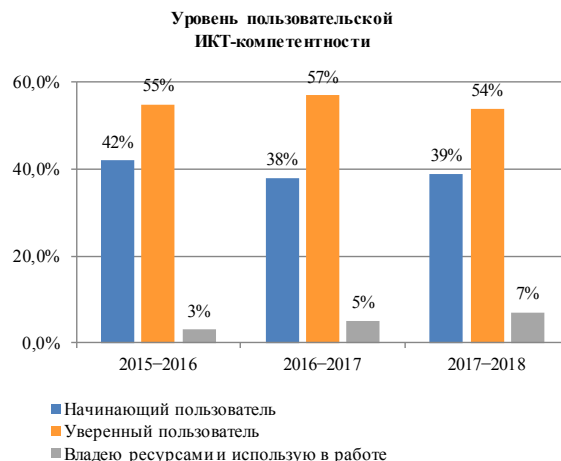


Рис. Результаты анализа уровня сформированности ИКТ-компетентности учителей, обучавшихся на курсах повышения квалификации в 2014–2017 гг.

Fig. Analysis of the level of informational and communicative competence formation in teachers who followed the courses of advanced training in 2014–2017

Как показало наше исследование, кратковременное обучение на курсах повышения квалификации, на специализированных online или дистанционных курсах не позволяет сформировать практические навыки применения каких-либо новых ресурсов или технологий, но может и должно стать толчком для дальнейшего непрерывного образования учителя с целью формирования педагогической ИКТ-компетентности и повышения профессионализма. При этом необходима методическая и организационная помощь и поддержка учителя в его неформальном непрерывном образовании.

В данной статье предлагается механизм организации тьюторского сопровождения педагогов в процессе их непрерывного образования, целью которого является повышение профессиональной компетентности в области внедрения информационно-коммуникационных и проектных технологий, и отражены результаты его практической реализации.

Рассмотрим сущность понятия «тьютор» и особенности деятельности тьютора в системе образования взрослых. По мнению В. Ф. Габдулхакова, этимология этого слова (лат. “tuetor” – заботиться, оберегать) связана с понятиями «защитник», «покровитель»,

«страж» [2]. В русский язык слово «тьютор» пришло из английского языка, в котором “tutor” дословно переводится как «наставник, в обязанности которого входит обучение и сопровождение ученика», «руководитель группы студентов». Как выделяющаяся концепция образования и один из ведущих способов организации образовательной деятельности тьюторство берет начало в средневековых европейских университетах XII–XIV вв. [3]. Во второй половине XX в. понятие тьюторства получило новый импульс к развитию и практическому применению в образовательной деятельности, в том числе с использованием дистанционных образовательных технологий, что отражено в работах [4–8].

Современная практика тьюторства в России базируется на принципах культурно-исторического подхода Л. С. Выготского, психологии развития Д. Б. Эльконина, личностно-ориентированного подхода как в теоретическом, так и в практическом аспектах [9, с. 17; 10, с. 495].

Отечественными исследователями было предложено множество трактовок понятия «тьютор» и «тьюторство» (Е. А. Александрова, Т. М. Крылова, П. Г. Щедровицкий, С. А. Щенников и др. [3; 11; 12]), что свидетельствует

о несомненной актуальности и востребованности самой концепции тьюторского сопровождения и о повышенном интересе к ней со стороны педагогов-исследователей.

Примечательным является тот факт, что в отечественной педагогике понятие «тьютор» чаще рассматривается не только с позиции процесса обучения и не в рамках процесса воспитания, а в контексте всестороннего развития личности учащегося. Термин «тьюторство» как «педагогическая поддержка», что более применимо к роли тьюторства при образовании взрослых, рассматривался в исследованиях таких ученых, как О. С. Газман, О. А. Коряковцева, Н. Б. Крылова и др. [13–15].

В исследовании И. В. Жижиной [16] на первый план тьюторской деятельности выходит организационная функция: тьюторство – это организованная деятельность по становлению у учащегося умения работать со своей индивидуальной программой. Задача тьютора – выявить «ученика», проявляющего повышенный интерес к поисковой и исследовательской деятельности и последовательно формировать необходимые организационно-педагогические условия для его результативной деятельности. При этом немаловажным является то, что в роли «ученика» может выступать и взрослый человек – коллега, единомышленник тьютора.

Исходя из основной задачи тьютора как наставника в определенном виде деятельности, учеными был определен ряд функций современного тьютора, осуществляющего свою деятельность в условиях модернизации образования.

Из выделенных в исследованиях [15; 17] функций тьютора наиболее важными, на наш взгляд, в системе образования взрослых являются следующие:

- аналитическая: изучение и анализ индивидуальных особенностей обучающихся, процесса становления коллектива;

- прогностическая: предвидение результата образовательного действия; прогнозирование сроков прохождения коллективом этапов становления; определение ближних и дальних перспектив деятельности обучающихся; предвидение последствий складывающихся в коллективе отношений;

- организационно-координирующая: помощь, сотрудничество с обучающимися в организации общественно значимой деятельности,

- коммуникативная: содействие в построении оптимальных взаимоотношений в коллективе обучающихся.

Е. В. Белицкой определены и описаны основные направления использования опыта функционирования тьюторской системы обучения:

- организация четкой структуры тьюторской системы обучения, ясное прописывание должностных обязанностей и направлений деятельности как тьюторов, так и их учащихся;

- внедрение наиболее эффективных и перспективных видов тьюторства;

- использование методических рекомендаций и советов тьюторам и их учащимся;

- создание методических рекомендаций (руководств) для тьюторов; применение тьюторской системы обучения на всех ступенях образования и др. [18, с. 11].

В процессе нашего исследования мы отмечали, что перечисленные принципы также являются актуальными в процессе тьюторского сопровождения педагогов, т. е. лиц, уже имеющих высшее профессиональное образование.

Характерной чертой современной системы образования, формирующейся в результате поэтапной модернизации ее структуры, является множественность подходов к решению проблемы обучения и развития людей разных возрастов. Одним из таких подходов является концепция непрерывного образования – «образования в течение всей жизни»⁷ [19].

А. Л. Пикина и А. В. Золотарева справедливо отмечают, что «в контексте тьюторского сопровождения профессионального развития педагога задачами тьютора будут своевременная помощь в построении индивидуальной программы профессионального роста, определение внешних и внутренних ресурсов для достижения поставленных результатов, создание мотивации к наиболее полной реализации личностного потенциала педагога» [20, с. 85].

Таким образом, именно концепция непрерывного образования педагогов является, по нашему мнению, основой для результативного тьюторского сопровождения по формированию ИКТ-компетентности педагогов в нашем исследовании.

Методологической основой исследования явились: личностно-деятельностный подход к изучению и развитию личности (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн и др.), концепция развивающего обучения (В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин и др.), индивидуальный и дифференцированный подходы к обучению (Д. А. Данилов, И. М. Осмоловская и др.); кибернетическая концепция обучения (Г. М. Коджаспирова, Е. И. Машбиц и др.) и др.

В качестве методов исследования были использованы следующие: метод теоретических построений (анализ объекта и предмета исследования, выдвижение гипотезы); методы эмпирического исследования (анкетирование, тестирование, ранжирование, беседа и др.). Ведущим методом исследования являлся эксперимент, направленный на разработку и реализацию механизма тьюторского сопровождения педагогов по формированию их ИКТ-компетентности. Для обработки данных эксперимента и анализа полученных результатов использовались методы математической статистики.

Для организации целенаправленной деятельности по решению задачи повышения ИКТ-компетентности педагогов, оказания методической помощи педагогам при освоении ими технологии проектной деятельности и навыков использования информационно-коммуникационных технологий в Кемеровской области были организованы два центра подготовки тьюторов для дальнейшей работы с учителями: на базе МАОУ ДПО «Институт повышения квалификации» г. Новокузнецка и Кузбасского регионального ИПКиПРО г. Кемерово.

⁷ Концепция организации системы непрерывного образования взрослых в Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.irdpo.ru/concept.html> (дата обращения: 05.01.2018).

Хотя задачи центров изначально различались, формы подготовки тьюторов были схожи: неформальное длительное (не менее 3-х месяцев) практико-ориентированное обучение, в результате которого каждым педагогом создавался реальный продукт в виде сетевых или локальных проектов, учебных программ семинаров или тренингов для учителей.

В центре на базе МАОУ ДПО «Институт повышения квалификации» г. Новокузнецка педагоги обучались технологии разработки сетевого проекта, разрабатывали свои проекты с целью наполнения всероссийской базы сетевых проектов и реализации их в образовательном пространстве России (в продолжение завершившей свою деятельность международной программы INTEL «Обучение для будущего»).

В Кузбасском региональном ИПКиПРО г. Кемерово был начат региональный проект «Тьюторская поддержка формирования ИКТ-компетентности педагогических работников Кемеровской области в условиях современной информационной образовательной среды», целью которого было подготовить тьюторов для дальнейшей работы с педагогами своих школ или муниципальных территорий. В процессе реализации регионального проекта были разработаны организационные (концепция института тьюторов, положение о тьюторе, сообщество тьюторов), методические и учебные материалы и ресурсы (сайт с учебными материалами, программа обучения, сайты для размещения проектов).

В обоих центрах было организовано самостоятельное при поддержке сотрудников института освоение учителями предложенной программы обучения, проводились вебинары, консультации. После подготовки тьюторов деятельность участников обоих центров была объединена.

В итоге было сформировано самоорганизующееся международное профессиональное сообщество педагогов-тьюторов (в него вошли также учителя Беларуси, Украины), целью которого является взаимообучение и взаимопомощь в освоении технологии проектной деятельности, внедрение данной технологии в образовательную деятельность школ России и Беларуси. Более подробно о деятельности сообщества описано в статье Е. А. Востриковой и Н. П. Макаровой [21].

Задачей тьюторов – членов сообщества – являлось вовлечение коллег, учителей своих школ или муниципалитетов в процесс неформального образования и обучение их технологии проектной деятельности, методике использования информационно-коммуникационных технологий и образовательных ресурсов сети Интернет. Координаторами и организаторами обучения также являлись сотрудники института, которые разрабатывали и предлагали программы обучения и сетевые ресурсы с учебными материалами, организовывали вебинары, создавали ресурсы коммуникации, инициировали коллективную деятельность по обсуждению, самооценке и экспертизе созданных в процессе обучения продуктов – сетевых или локальных проектов.

Обучение всех желающих педагогов проводилось в трех вариантах: для начинающих осваивать технологию проектной деятельности – изучение учебных материалов и разработка локального проекта или участие с командой обучающихся в сетевом проекте; для прошедших первый этап обучения – разработка сетевого проекта.

Всего было организовано и проведено пять сессий обучения: октябрь-декабрь 2015 г., 2016 г., 2017 г.; февраль-апрель 2016 г., 2017 г.

Процесс неформального обучения педагогов рассчитан на три месяца, за это время каждый педагог осваивает под руководством тьютора технологию проектной деятельности, методические особенности включения в проект образовательных интернет-ресурсов и сервисов коллективной деятельности, разрабатывает проект, реализует его с обучающимися, проводит рефлексию своей деятельности.

Педагогами разработаны и реализованы 47 локальных и 34 сетевых проекта, которые вошли в общую базу «Путеводитель сетевых проектов», где сейчас содержатся около 80 проектов, имеющих заключение общественно-профессиональной экспертизы о готовности проекта к реализации. Большинство авторов выходят со своими проектами на региональные и всероссийские конкурсы педагогических учебных материалов и занимают призовые места.

Большое внимание уделялось рекламе проектов и вовлечению педагогов России, Беларуси и др. стран к участию в них вместе со своими учениками. Всего за 2016–2017 уч. гг. и первое полугодие 2017–2018 уч. г. проведено участниками международного профессионального сообщества более 80 сетевых проектов, в которых только из Кемеровской области приняли участие около 1100 команд обучающихся под руководством учителей.

В 2018 г. работа созданного профессионального сообщества также направлена на включение новых членов и создание новых проектов в рамках международного образовательного мероприятия «Марафон «Купаловские проекты», которое в рамках деятельности международного профессионального сообщества организует и координирует Гродненский государственный университет им. Я. Купалы.

В процессе анализа проведенного исследования были выделены основные аспекты деятельности тьюторов и предложен механизм организации тьюторского сопровождения и поддержки педагогов в процессе их непрерывного образования:

1) наличие организующего центра для формального обучения педагогов (на базе ВУЗа, ИМЦ, ИПКиПРО, ИРО и др.) или неформального обучения педагогов (на базе профессионального сообщества или педагога-лидера);

2) организация системы коммуникации обучающихся тьюторов и педагогов: для очного общения (система очных семинаров, сетевая коммуникация между образовательными организациями, муниципальными методическими центрами и т.п.) или дистанционной коммуникации (система вебинаров, online общения

в чатах, offline общения через профессиональные сообщества, социальные сети);

3) подготовка команды тьюторов:

– разработка организационных, методических и учебных материалов: положение о тьюторе (при формальном обучении) или свод согласованных и принятых профессиональным сообществом правил деятельности тьютора, его прав и обязанностей (при неформальном обучении); программа обучения с учебно-тематическим планированием и привязкой к календарным срокам; электронные ресурсы с учебными материалами; другие организационно-методические материалы;

– набор групп заинтересованных, мотивированных педагогов и их практико-ориентированное обучение: освоение теоретических знаний в области методики внедрения информационно-коммуникационных и проектных технологий в образовательную деятельность и особенности организации сетевой коммуникации обучающихся; знакомство с дидактическими возможностями интернет-ресурсов для обработки информации; формирование практических навыков использования интернет-ресурсов для создания продукта учебной деятельности;

– оценка уровня подготовки тьютора; документальное подтверждение статуса тьютора;

4) обучение педагогов:

– набор тьюторами групп заинтересованных, мотивированных педагогов; организация тьюторами в группе коллективной учебной деятельности; предоставление обучающимся программы обучения, учебных материалов, ресурсов коммуникации и др. организационно-методических материалов;

– проведение обучающих вебинаров;

– взаимодействие обучающихся педагогов с тьютором;

5) взаимодействие тьюторов:

– коллективное обеспечение организационно-методической деятельности сообщества тьюторов по обучению педагогов;

– проведение учебных мероприятий: тренингов, вебинаров, мастер-классов и др.;

– взаимооценивание продуктов деятельности обучающихся;

6) проведение общественно-профессиональной экспертизы продуктов учебной деятельности обучающихся педагогов;

7) мотивация прошедших обучение педагогов к участию в профессиональном сообществе в качестве тьютора и вовлечению своих коллег в деятельность по внедрению ИК и проектных технологий в образовательную деятельность.

Практический опыт подтвердил необходимость и важность каждого из пунктов предложенного механизма, но особенно хочется выделить два условия, без которых невозможна относительно длительная деятельность такого неформального профессионального сообщества: наличие организационного центра и коллективная работа тьюторов, основанная на само- и взаимоуважении и взаимной ответственности всех членов сообщества.

Основным преимуществом деятельности таких сообществ является их самостоятельность, отсутствие необходимости исполнять различные формальности; тьютор и автор проекта может сделать перерыв в работе сообщества, потом вновь войти в круг деятельности. Но это является и затруднением, так как вся полезная для общества и для системы образования деятельность педагогов проводится ими вне рабочего, за счет своего личного времени, зачастую не только не поощряется администрацией образовательной организации, но и не учитывается при оценивании деятельности педагога. Это же затруднение стоит и перед организаторами такой деятельности. Но это требует уже организационных и управленческих решений администрации образовательных организаций и органов управления образования.

Таким образом, в работе представлен пример деятельности профессионального сообщества тьюторов, результатом которой является увеличение числа педагогов, имеющих высокий уровень ИКТ-компетентности и готовых к работе в условиях введения ФГОС.

Литература

1. Жуланова В. П., Кирюхина Т. Л., Тютюнникова Е. В., Фомичев Р. С. Инновационные методы обучения в системе повышения квалификации педагогов: задачи, результаты, перспективы // Инновационные методы обучения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Кемерово, 2–18 апреля 2018 г. Кемерово: КРИПКиПРО, 2018. С. 76–91.
2. Габдулхаков В. Ф. Тьюторинг творческой деятельности: компоненты педагогической технологии. М.: МОДЭК; Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2013. 250 с.
3. Александрова Е. А., Андреева Е. А. Теория и практика тьюторской деятельности в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 2. Вып. 2. С. 222–231.
4. Azevedo R., Cromley J. G. Does training on self-regulated learning facilitate students' learning hipermedia? // Journal of Educational Psychology. 2004. Vol. 96. № 3. P. 523–535.
5. Gordon E. E., Gordon E. H. Centuries of Tutoring. A History of Alternative Education in America and Western Europe. University Press of America. Inc., 2008.
6. Greenberg A. D. Mapping the latest research into video-based distance education. Expanded analysis navigating the sea of research. Policom, 2009.
7. Lee Y., Driscoll M. P., Nelson D. W. The Past, present, and future of research in distance education // Journal of Library & Information Services in Distance Learning. 2006. № 2. P. 45–61.
8. Tyler S. The Manager's Good Study Guide (3d ed.). The Open University, 2007.

9. Выготский Л. С. Психология. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 1008 с.
10. Эльконин Д. Б. Избранные педагогические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
11. Щедровицкий П. Г. Выступление на открытии конференции // Тьюторство: идея и идеология: материалы 1-й межрегиональной тьюторской конференции (29 февраля – 2 марта 1996 г.). Томск, 1996. С. 4–10.
12. Щенников С. А. Современные тенденции социально-экономического развития, определяющие облик ОДО взрослых // *Alma mater*. 2002. № 7. С. 21–28.
13. Газман О. С. От авторитарного образования к педагогике свободы // Новые ценности образования: содержание гуманистического образования / под ред. О. С. Газмана, Р. М. Вейсс, Н. Б. Крыловой. М., 1995. С. 16–45.
14. Коряковцева О. А., Тарханова И. Ю., Доссэ Т. Г. Тьюторское сопровождение взрослых обучающихся: возможности и перспективы // *Ярославский педагогический вестник*. 2015. № 5. С. 100–103.
15. Крылова Н. Б. Тьютор – новый тип педагога в условиях индивидуализации образования // *Управление современной школой*. Завуч. 2009. № 5. С. 61–70.
16. Жижина И. В. Современные подходы к организации работы тьютора в системе дополнительного профессионального образования // *Концепт*. 2014. № 9. С. 106–110. Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2014/14248.htm> (дата обращения: 07.01.2018).
17. Чернявская А. Г. Деятельностный подход в образовании взрослых: инструментарий успешного тьютора. М.: ОнтоПринт, 2013. 199 с.
18. Белицкая Е. В. Тьюторская система обучения в современном образовании Англии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2012. 24 с.
19. Резинкина Л. В. Образовательные стратегии проектирования полифункциональной системы непрерывного образования // *Человек и образование*. 2014. № 4. С. 49–52.
20. Пикина А. Л., Золотарева А. В. Тьюторское сопровождение профессионального развития педагога // *Ярославский педагогический вестник*. 2015. № 4. С. 85–92.
21. Вострикова Е. А., Макарова Н. П. Дистанционные образовательные события в сетевом сообществе как средство профессионального развития педагогов // *Технологии информатизации и управления (ТИМ-2016): материалы III Международной научно-практической конференции (14–15 апреля 2016 г.)*. Гродно, 2016. С. 1–6.

TUTOR SUPPORT AS A MECHANISM FOR INFORMATIONAL AND COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION IN TEACHERS IN THE PROCESS OF CONTINUOUS EDUCATION

Valentina P. Zhulanova^{1, @1}, Elena A. Vostrikova^{2, @2}, Roman S. Fomichev^{1, @3}

¹ Kuzbass Regional Institute of Professional Development and Retraining of Education, 3, Zauzelkova St., Kemerovo, Russia, 650070

² ROBBO, St. Petersburg, Karpovka Quay, 5 G

@¹ zhulanova51@gmail.com

@² vostrikova@robbo.ru

@³ rf87@mail.ru

Received 22.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: tutor, tutorial condition, continuous education, information and communication technologies, competence, network projects, digital environment.

Abstract: The article features some experience in practical implementation of the concept of continuing education of teachers in conditions of tutoring. The research states the relevance and necessity of improving the pedagogical and subject-pedagogical information and communication competence of teachers in connection with the requirements of Federal state educational standards to the formation of informational and communicative Competence, the skills of design and research activities of students. The authors believe that the increase in the level of the teacher's professionalism is the result of their continuous self-education, and the vector of self-education can be set on the courses of professional development or among the professional community. The paper describes some features of tutoring organization and its functions in working with adults. It focuses on the experience of training tutors, organization of professional community of teachers and its role in involving teachers in the process of continuous informal education in the field of development and use of information and communication and design technologies in the educational activity, development and implementation of network projects. The authors propose a mechanism of organization of tutoring for the continuous training of teachers, in which the key role is played by both the organizational center (formal or non-formal education) and the level of tutorial

collaboration. The article describes the result of the activity of tutors as a professional community expressed in the number of students involved in participating in network projects that have experience of training and interaction in the digital environment.

For citation: Zhulanova V. P., Vostrikova E. A., Fomichev R. S. T'utorskoe soprovozhdenie kak mekhanizm formirovaniia IKT-kompetentnosti pedagogov v protsesse nepreryvnogo obrazovaniia [Tutor Support as a Mechanism for Informational and Communicative Competence Formation in Teachers in the Process of Continuous Education]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 11–19.

References

1. Zhulanova V. P., Kiruhina T. L., Tyutyunnikova E. V., Fomichev R. S. Innovatsionnye metody obucheniia v sisteme povischeniia kvalificatsii pedagogov: zadachi, rezul'tati, perspective [Innovative methods of teaching in the system of professional development of teachers: tasks, results, prospects]. *Innovatsionnye metody obucheniia: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kemerovo, 2–18 apreliia 2018* [Innovative teaching methods: Proc. All-Russian Sc.-Prac. Conf., Kemerovo, April 2–18, 2018]. Kemerovo: KRIPKiPRO, 2018, 76–91.
2. Gabdulkhakov V. F. *T'utoring tvorcheskoi deiatel'nosti: komponenty pedagogicheskoi tekhnologii* [Tutoring creative activity: the components of pedagogical technology]. Moscow: MODEK; Kazan': Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi un-t, 2013, 250.
3. Aleksandrova E. A., Andreeva E. A. Teoriia i praktika t'utorskoi deiatel'nosti v Rossii [Theory and practice of tutoring in Russia]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaiia seriia. Serii Akmeologiiia obrazovaniia. Psikhologiiia razvitiia = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2, no. 2 (2012): 222–231.
4. Azevedo R., Cromley J. G. Does training on self-regulated learning facilitate students' learning hipermedia? *Journal of Educational Psychology*, 96, no. 3 (2004): 523–535.
5. Gordon E. E., Gordon E. H. *Centuries of Tutoring. A History of Alternative Education in America and Western Europe*. University Press of America. Inc., 2008.
6. Greenberg A. D. *Mapping the latest research into video-based distance education. Expanded analysis navigating the sea of research*. Policom, 2009.
7. Lee Y., Driscoll M. P., Nelson D. W. The Past, present, and future of research in distance education. *Journal of Library & Information Services in Distance Learning*, no. 2 (2006): 45–61.
8. Tyler S. *The Manager's Good Study Guide* (3d ed.). The Open University, 2007.
9. Vygotskii L. S. *Psikhologiiia* [Psychology]. Moscow: Eksmo-Press, 2000, 1008.
10. El'konin D. B. *Izbrannye pedagogicheskie trudy* [Selected pedagogical works]. Moscow: Pedagogika, 1989, 560.
11. Shchedrovitsky P. G. Vystuplenie na otkrytii konferentsii [Speech at the opening of the conference]. *T'utorstvo: ideia i ideologiiia: materialy 1-i mezhtsebnogo t'utorskoi konferentsii (29 fevralia – 2 marta 1996 g.)* [Tutoring: Idea and Ideology: Proc. 1st Interreg. Tutorial Conf. (February 29 – March 2 1996)]. Tomsk, 1996, 4–10.
12. Shchennikov S. A. Sovremennye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia, opredeliaiushchie oblik ODO vzroslykh [Modern tendencies of social and economic development, defining the appearance of adult adolescents]. *Alma mater*, no. 7 (2002): 21–28.
13. Gazman O. S. Ot avtoritarnogo obrazovaniia k pedagogike svobody [From authoritarian education to the pedagogy of freedom]. *Novye tsennosti obrazovaniia: coderzhanie gumanisticheskogo obrazovaniia* [New values of education: the content of humanistic education]. Ed. Gazman O. S., Veiss R. M., Krylova N. B. Moscow: B. i., 1995, 16–45.
14. Koryakovtseva O. A., Tarkhanova I. Yu., Dosse T. G. T'utorskoe soprovozhdenie vzroslykh obuchaiushchikhsia: vozmozhnosti i perspektivy [Tutor support for adult learners: opportunities and perspectives]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 5 (2015): 100–103.
15. Krylova N. B. T'utor – novyi tip pedagoga v usloviakh individualizatsii obrazovaniia [Tutor – a new type of teacher in conditions of individualization of education]. *Upravlenie sovremennoi shkolo. Zavuch = Management of modern school. The head teacher*, no 5 (2009): 61–70.
16. Zhizhina I. V. Sovremennye podkhody k organizatsii raboty t'utora v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniia [Modern approaches to the organization of the tutor in the system of additional vocational training]. *Kontsept = Concept*, no. 9 (2014): 106–110. Available at: <https://e-koncept.ru/2014/14248.htm> (accessed 07.01.2018).
17. Cherniavskaia A. G. *Deiatel'nostnyi podkhod v obrazovanii vzroslykh: instrumentarii uspehnogo t'utora* [The activity approach in adult education: a tool for a successful tutor]. Moscow: OntoPrint, 2013, 199.
18. Belitzkaya E. V. *T'utorskaia sistema obucheniia v sovremennom obrazovanii Anglii*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Tutor system of education in modern education in England. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2012, 24.
19. Rezinkina L. V. Obrazovatel'nye strategii proektirovaniia polifunktsional'noi sistemy nepreryvnogo obrazovaniia [Educational strategies of designing multifunctional system of continuing education]. *Chelovek i obrazovanie = Man and Education*, no. 4 (2014): 49–52.

20. Pikina A. L., Zolotariova A. V. T'iutorskoe soprovozhdenie professional'nogo razvitiia pedagoga [Tutor's support of the teacher's professional development]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 4 (2015): 85–92.

21. Vostrikova E. A., Makarova N. P. Distsionnye obrazovatel'nye sobytiia v setevom soobshchestve kak sredstvo professional'nogo razvitiia pedagogov [Remote educational events in the network community as a means of professional development of teachers]. *Tekhnologii informatizatsii i upravleniia (TIM-2016): materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (14–15 apreliia 2016 g.)* [Technologies of Informatization and Management (TIM-2016): Proc. III Intern. Sc.-Prac. Conf. (April 14–15 2016)]. Grodno, 2016, 1–6. Available at: <http://depository.bas-net.by/EDNI/Deposits/Details.aspx?Id=457> (accessed 07.01.2018).

УДК 378

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПОДГОТОВКЕ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Татьяна И. Отческа¹. @

¹ Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
@otcheskayaproff@gmail.com

Поступила в редакцию 07.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: юрист, образование, вуз, учебный процесс, самостоятельная работа студентов, использование судебной практики.

Аннотация: Переход на многоуровневую систему образования повлек за собой изменение методов преподавания учебных дисциплин. Решение задачи по воспитанию творческой личности зависит от высокоорганизованного учебного процесса, в котором должны широко применяться написание обучающимися докладов, рефератов, статей; подготовка сообщений; решение задач. При этом самостоятельная работа обучающихся формирует у них самоорганизацию на примере совершенствования юридического образования и юридической науки. Действующие образовательные стандарты предполагают, что студенты значительную часть времени в процессе обучения даже по очной форме должны уделять самостоятельной подготовке, объем которой нередко сопоставим с объемом контактной работы с профессорско-преподавательским составом. Понимая особое практическое значение юридического образования и социальную роль юриста, в процессе реализации образовательных программ требуется уделять значительное внимание практической деятельности, формированию навыков публичных выступлений, оттачиванию мастерства письменной речи. Безусловно, для формирования компетенций квалифицированных юристов студенты в процессе всего обучения в университете должны особое внимание уделять актуальным вопросам правоприменения, разбирать практические задачи. В статье показана потребность научно-педагогических работников вузов организовать, провести и методически обеспечить самостоятельную работу студентов.

Для цитирования: Отческа Т. И. Роль юридического образования и юридической науки в подготовке высококвалифицированных специалистов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 20–24.

Произошедшие в Российской Федерации изменения подходов в образовании существенно затрагивают практически каждого гражданина нашего государства. Ведь до недавнего времени юристов готовили не только в известных юридических вузах страны либо знаменитых образовательных учреждениях, но и в многочисленных филиалах, которые были размещены в небольших городах, не имели достаточной учебной базы, профессорско-преподавательского состава, где качество образования оставляло желать лучшего.

Переход на многоуровневую систему образования повлек за собой переосмысление многих, казалось бы, устоявшихся методов преподавания учебных дисциплин. Основной задачей высшего образования сегодня является формирование творческой личности специалиста, способного к саморазвитию и самореализации. Эта задача может быть решена только при переориентировании студента из пассивного потребителя знаний в активного их творца [1].

Успешное решение задачи по формированию творческой личности специалиста во многом зависит от высоко организованного учебного процесса в вузе.

Все дисциплины, которые проводит кафедра Организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) по прокурорскому надзору в бакалавриате, магистратуре и в будущем специалитете, обеспечены рабочими учебными программами, в которых отражены не только цели освоения указанной дисциплины, профессиональные задания, к выполнению которых готовится студент, но и формируют у него общепрофессиональные и профессиональные компетенции.

Практически по каждой программе кафедрой Организации судебной и прокурорско-следственной деятельности МГЮА подготовлены учебники (учебные пособия) с тем, чтобы облегчить студентам поиск учебного и научного материала к будущим практическим занятиям, на которых используется широкий спектр образовательных технологий: подготовка рефератов, докладов, анализ конкретных ситуаций, участие в дискуссиях, приглашение практических работников, ветеранов прокуратуры, правоохранительных, судебных органов при проведении учебных занятий.

Совершенствованию данного образовательного процесса в значительной мере способствует активизация и повышение самостоятельной работы студентов в образовательном процессе.

Всеми исследователями и практиками самостоятельная работа интерпретируется как сложная, многозначная в смысле целенаправленной, активной и самостоятельной учебно-познавательной деятельности обучающегося [2].

Е. Н. Трущенко рассматривает самостоятельную работу студентов как «внутренне мотивированную деятельность, предполагающую осознание ее цели, придание ей личностного смысла, подчинение выполнению этой задачи других интересов и форм своей занятости, самоорганизацию во времени и самоконтроль в выполнении» [3].

Если обратиться к учебным планам, то общая трудоемкость учебной дисциплины «Прокурорский надзор» в бакалавриате Института прокуратуры МГЮА для студентов очной формы обучения составляет 3 зачетных единицы – 108 часов. Формой контроля является зачет.

При количестве лекций в 20 часов, практических занятий – 34 часа – на самостоятельную работу студентов запланировано 54 часа, т. е. половина от запланированных часов на изучение данной дисциплины.

В этой связи вопрос, связанный с самостоятельной работой студентов, которых в будущем мы хотим видеть высококвалифицированными специалистами, крайне актуален. Тем более что самостоятельная работа, ее планирование, организационные формы и методы, система отслеживания результатов являются одним из наиболее слабых мест в практике вузовского образования и одной из наименее исследованных проблем педагогической теории, особенно применительно к современной образовательной ситуации [4]. (Имеется в виду диверсификация высшего образования, введение образовательных стандартов, внедрение системы педагогического мониторинга).

Действующие и принятые федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, предусматривая общие требования, обязательные при реализации основных образовательных программ высшего образования, каких-либо конкретных правил организации самостоятельной работы студентов не устанавливают.

Нормативное регулирование вопроса самостоятельной работы студентов носит формальный характер. Так, из п. 53 Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, утвержденного Приказом Министерства образования и науки РФ от 19.12.2013 № 1367¹, следовало, что учебные занятия по образовательным программам проводятся в форме контактной работы обучающихся с преподава-

телем и в форме самостоятельной работы обучающихся. Ныне действующий Порядок, утвержденный Приказом Минобрнауки России от 05.04.2017 № 301, устанавливает открытый перечень форм образовательной деятельности, включающий в себя контактную работу обучающихся с педагогическими работниками организации и (или) лицами, привлекаемыми организацией к реализации образовательных программ на иных условиях, самостоятельную работу обучающихся и иные разрабатываемые образовательной организацией формы².

В качестве общих требований при реализации основных образовательных программ высшего образования названо наличие специальных помещений для самостоятельной работы, которые должны быть оснащены компьютерной техникой с возможностью подключения к сети Интернет и обеспечением доступа в электронную информационно-образовательную среду организации.

Однако любая самостоятельная работа студента начинается с работы преподавателя. Не секрет, что большинство студентов-юристов видят в период учебы только «вершину» своей карьерной лестницы, не всегда задумываются над тем, что в скором будущем у них будут суровые будни, где полученные в процессе обучения знания будут крайне необходимы.

В Российской Федерации сегодня остро стоит вопрос о соблюдении интересов общества в проводимых в стране преобразованиях, поэтому значительно повышается роль прокуратуры как важнейшего государственного института.

Без усиления прокурорской защиты публичного интереса в экономике невозможно продвижение социально-ориентированных реформ и решение задач защиты общества, его граждан, обеспечения устойчивого экономического роста.

Этот пример судебной и прокурорской практики наглядно подтверждает то, что частные интересы предпринимательского корпуса должны быть согласованы с интересами защиты прав рядовых граждан как потребителей качественных товаров и услуг, защиту их здоровья.

Так, ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ установлено, что нарушения изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов к продукции, повлекшие причинение вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений либо создавшие угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, влекут наложение административного штрафа на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в размере от 30000 до 40000 рублей с конфискацией предметов административного правонарушения либо без таковой.

¹ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Приказ Минобрнауки России от 19.12.2013 № 1367 (ред. от 15.01.2015) (утратил силу) // Российская газета. 2014. № 56.

² Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Приказ Минобрнауки России от 05.04.2017 № 301 // Официальный интернет-портал правовой информации (№ 0001201707170035). Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>

Отношения в области обеспечения качества пищевых продуктов и их безопасности для здоровья человека регулируются Федеральным законом от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов».

На основании п. 2 ст. 3 Федерального закона № 29-ФЗ не могут находиться в обороте пищевые продукты, материалы и изделия, которые имеют явные признаки недоброкачества, и сроки годности которых истекли.

В соответствии с ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» граждане, индивидуальные предприниматели и юридические лица, осуществляющие производство, закупку, хранение, транспортировку, реализацию пищевых продуктов, пищевых добавок, продовольственного сырья, а также контактирующих с ними материалов и изделий, должны выполнять санитарно-эпидемиологические требования.

Продажа товара (выполнение работы) по истечении установленного срока годности, а также товара (выполнение работы), на который должен быть установлен срок годности, но он не установлен, запрещается (п. 5 ст. 5 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»).

Согласно ст. 7 Закона № 2300-1 потребитель имеет право на то, чтобы товар (работа или услуга) при обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации был безопасен для жизни, здоровья потребителя, окружающей среды, а также не причинял вред имуществу потребителя.

Материалами дела № А03-19069/2014, рассмотренного Арбитражным судом Алтайского края, установлено, что 16.09.2014 прокуратурой Локтевского района Алтайского края совместно со специалистом Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Алтайскому краю проведена проверка исполнения предпринимателем обязательных требований в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения и защиты прав потребителей в магазине.

В ходе данной проверки выявлены нарушения обязательных требований к продукции, процессам ее хранения и реализации, несоблюдение которых может повлечь угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан. В частности, на витринах магазина выставлены для продажи пищевые продукты с истекшими сроками годности; при наличии оформленных ценников находилась продукция, на которую проведена предпродажная расфасовка в потребительскую упаковку (полиэтиленовые пакеты, пластиковые емкости); осуществлялась реализация печенья сдобного без информации о дате его изготовления; производилась реализация парфюмерно-косметических средств с истекшим сроком годности. Установленные нарушения зафиксированы в акте проверки соблюдения санитарно-эпидемиологического надзора от 16.09.2014.

Указанные обстоятельства послужили основанием для вынесения 03.10.2014 прокурором постановления о возбуждении в отношении предпринимателя дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ, и обращения

в арбитражный суд с заявлением к индивидуальному предпринимателю Г. Д. Фомину о привлечении к административной ответственности.

Решением от 03.12.2014 Арбитражного суда Алтайского края, оставленным без изменения постановлением от 12.02.2015 Седьмого арбитражного апелляционного суда, заявленное прокурором требование удовлетворено. Г. Д. Фомин привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ в виде штрафа в размере 30000 руб.

Удовлетворяя заявленное требование, суды первой и апелляционной инстанций исходили из наличия в действиях Г. Д. Фомина состава вменяемого административного правонарушения и отсутствия нарушений при проведении проверки и оформлении фактов выявленных нарушений.

Суд кассационной инстанции признал выводы судов правомерными, соответствующими обстоятельствам дела и действующему законодательству.

Постановлением Верховного Суда РФ от 31.08.2015 жалоба индивидуального предпринимателя Г. Д. Фомина была оставлена без удовлетворения, поскольку допущенные им нарушения обязательных требований к продукции и процессам ее реализации создают угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, что свидетельствует о наличии в действиях индивидуального предпринимателя состава вменяемого административного правонарушения.

При этом суд второй кассационной инстанции указал, что вопреки доводам подателя жалобы, нарушений порядка производства по делу об административном правонарушении, имеющих существенный характер, не установлено; срок привлечения предпринимателя к административной ответственности соблюден, штраф назначен в минимальном размере санкции ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ.

Обсуждая с будущими прокурорами и судьями данное дело, которое им поручалось изучить самостоятельно, преподаватели кафедры решают различные задачи в рамках формирования у студентов той или иной компетенции, добиваются применения полученных знаний в подготовке ими докладов, рефератов и статей в научные сборники.

Так, по инициативе кафедры Организации судебной и прокурорско-следственной деятельности в ноябре 2016 г. шесть магистрантов Института прокуратуры Университета им. О. Е. Кутафина по магистерской программе «Прокурорская деятельность» подготовили свои статьи в рамках проводимой юридическим факультетом Новосибирского государственного технического университета Всероссийской студенческой научно-практической конференции, которые были проверены научными руководителями, скорректированы по оформлению и рекомендованы к публикации.

Все они были опубликованы в сборнике, индексируемом в РИНЦ, в январе 2017 г. Магистранты на защите своих магистерских диссертаций выражали искреннюю признательность своим научным руководителям, называя эти статьи «первым шагом в науку».

В этой связи написание обучающимися рефератов, статей способствует логически верно, аргументиро-

ванно и ясно строить свою письменную речь, повышать уровень своей профессиональной компетенции. Подготовка сообщений и докладов способствует освоению методов получения, хранения и переработки информации. Решение задач направлено на применение обучающимися актов норм материального и процессуального права в правоприменительной деятельности. Все формы самостоятельной работы обучающихся формируют у них способности самоорганизации и самообучения [5, с. 27–33].

Только самоорганизованному юристу по плечу будет разрешение многочисленных письменных обращений граждан в прокуратуру. Статистика свидетельствует, что только в 2016 г. в органы прокуратуры поступило 4,7 млн таких обращений, из которых 2,1 млн разрешено по существу, 405 тыс. обращений удовлетворено

[6, с. 18]. Это подтверждает, что активная правозащитная деятельность прокуратуры вызывает возрастающее доверие российских граждан, что ко многому обязывает нынешних студентов и преподавателей.

Не вызывает сомнений, что имеющийся в судебной и прокурорской системе научный потенциал, накопленный опыт, профессионализм судей и прокуроров, их ответственность будут способствовать повышению и эффективной защите прав граждан, хозяйствующих субъектов и государства в экономике.

Однако на сегодняшний день все научно-педагогические работники вузов должны уметь организовать, провести и методически обеспечить самостоятельную работу обучающихся с тем, чтобы подготовить из нынешних студентов высококвалифицированных специалистов.

Литература

1. Панкратова Г. В. Самостоятельная работа студентов, цели и особенности организации // Социальная сеть работников образования «Наша сеть». 02.03.2014. Режим доступа: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2014/03/02/samostoyatel'naya-rabota-studentov> (дата обращения: 20.04.2018).
2. Суржикова Т. Б. Системный подход к организации самостоятельной работы студентов технического вуза в процессе обучения экономической теории: дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2004. 206 с.
3. Трущенко Е. Н. Организация самостоятельной работы студентов вуза на основе компетентностного подхода к профессиональной подготовке специалистов: дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 168 с.
4. Юшко Г. Н. Научно-дидактические основы организации самостоятельной работы студентов в условиях рейтинговой системы обучения: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2001. 250 с.
5. Ершова И. В., Енькова Е. Е. Самостоятельная работа студентов: теоретико-прикладные лакуны и коллизии // Юридическое образование и наука. 2017. № 2. С. 27–33.
6. Буксман А. Э. Прокурорский надзор за исполнением федерального законодательства в современных условиях // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 1. С. 16–25.

THE ROLE OF LEGAL EDUCATION AND LEGAL SCIENCE IN THE TRAINING OF HIGHLY QUALIFIED SPECIALISTS

*Tatyana I. Otcheskaya*¹.@

¹ *Kutafin Moscow State Law University, 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russia, 125993
@otcheskayaproff@gmail.com*

Received 07.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: lawyer, education, high school, educational process, independent work of students, use of judicial practice.

Abstract: The transition to a multi-level educational system entailed a change in the methods of teaching academic disciplines. The solution of the task of educating a creative personality depends on a highly organized educational process, in which the writing of lectures, abstracts, and articles should be widely used, as well as reports and problem solving. At the same time, independent work of students forms their self-organization by the example of improving legal education and legal science. The current educational standards suggest that even full-time students should devote most of their time to self-preparation, the amount of which is often comparable with the amount of contact work with the faculty in the process of training. Realizing the special practical importance of legal education and the social role of a lawyer, the process of implementing educational programs requires considerable attention to practice, formation of public speaking and writing skills. Of course, for the formation of the competencies of qualified lawyers, students should pay special attention to current issues of law enforcement, to understand practical problems. The article shows the need for scientific and pedagogical workers of higher educational institutions to organize, conduct and methodically provide independent work for students.

For citation: Otcheskaya T. I. Rol' iuridicheskogo obrazovaniia i iuridicheskoi nauki v podgotovke vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov [The Role of Legal Education and Legal Science in the Training of Highly Qualified Specialists]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 20–24.

References

1. Pankratova G. V. *Samostoiatel'naia rabota studentov, tseli i osobennosti organizatsii* [Independent work of students, goals and organizational features]. 02.03.2014. Available at: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2014/03/02/samostoyatel'naya-rabota-studentov> (accessed 20.04.2018).
2. Surzhikova T. B. *Sistemnyi podkhod k organizatsii samostoiatel'noi raboty studentov tekhnicheskogo vuza v protsesse obucheniia ehkonomicheskoi teorii*. Diss. kand. ped. nauk [System approach to the organization of independent work of students of a technical university in the process of teaching economic theory. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Omsk, 2004, 206.
3. Trushchenko E. N. *Organizatsiia samostoiatel'noi raboty studentov vuza na osnove kompetentnostnogo podkhoda k professional'noi podgotovke spetsialistov*. Diss. kand. ped. nauk [Organization of independent work of university students on the basis of competence approach to professional training of specialists. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Moscow, 2009, 168.
4. Yushko G. N. *Nauchno-didakticheskie osnovy organizatsii samostoiatel'noi raboty studentov v usloviakh reitingovoi sistemy obucheniia*. Diss. kand. ped. nauk [Scientific-didactic bases of organization of independent work of students in conditions of rating system of training. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Rostov on Don, 2001, 250.
5. Ershova I. V., Enkova E. E. Samostoiatel'naia rabota studentov: teoretiko-prikladnye lakuny i kollizii [Self-Study of Students: Theoretical and Applied Gaps and Conflicts]. *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka = Juridical Education and Science*, no. 2 (2017): 27–33.
6. Buksman A. E. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem federal'nogo zakonodatel'stva v sovremennykh usloviakh [Prosecutor's supervision over execution of federal legislation in modern conditions]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, no. 1 (2017): 16–25.

УДК 378.1; 371.3

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КАК МОДЕЛЬ И ПРОДУКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Тамара Н. Туманова^{1. @1}, Николай А. Козырев^{1. @2}, Елена В. Митькина^{1. @3}

¹ Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42

@1 nauka-dpo@yandex.ru

@2 kozyrev_na@mtsp.sibsiu.ru

@3 dpo-nvkz@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.01.2018. Принята к печати 08.05.2018.

Ключевые слова:

педагогическая поддержка, педагогическое моделирование, педагогическая методология, модель педагогической поддержки, принципы педагогической поддержки, педагогические условия оптимизации качества педагогической поддержки.

Аннотация: В статье описываются возможности решения задач педагогической деятельности в конструктах и моделях педагогической поддержки обучающегося, включенного в систему непрерывного образования. Определены виды и типы педагогической поддержки, раскрыты модели, описывающие типологию и нюансы педагогической поддержки как продукта развития современного образования. Принципы педагогической поддержки определяются в нелинейной модели, характеризующей специфику и возможности педагогической деятельности в структуре реализации основ непрерывного образования. Специфика построения и объединения принципов педагогической поддержки в систему оправдана традиционным пониманием реализации любого педагогического процесса, в том числе и процесса педагогической поддержки. Педагогические условия оптимизации качества педагогической поддержки определяются в решении задач развития обучающегося, включенного в систему непрерывного образования, детализирующего условия и способы, формы и методы, средства и конструкты, технологии и модели педагогической поддержки как формы самоорганизации качества педагогической деятельности в структуре продуктивного поиска и реализации основ государственной политики в структуре услуг, оказываемых в системе образовательных организаций, определяющих в единстве возможность личности быть включенной в систему непрерывного образования. Педагогическая поддержка обучающегося определяет перспективность построения, уточнения и использования педагогических технологий, учитывающих возрастосообразность, уровень сформированности и развития потребностей, мотивов, целеполагания и прочих внутриличностных новообразований. Успешность решения задач педагогической деятельности напрямую зависит от качества и возможностей решения задач педагогической поддержки обучающегося.

Для цитирования: Туманова Т. Н., Козырев Н. А., Митькина Е. В. Педагогическая поддержка как модель и продукт педагогической деятельности и непрерывного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 25–30.

Педагогическая поддержка как одна из реализуемых практик акмеверификации условий развития личности, включенной в систему непрерывного образования, проектирования и реализации комфортных гуманно-личностных основ самоактуализации и самореализации, определяет возможность персонифицированного решения задач развития, социализации, самореализации и самоутверждения через социально значимые продукты развития личности и коллектива.

Педагогическая поддержка [1–6] как категория современной педагогики рассматривается в различных направлениях детерминации понятийного аппарата. Успешность решения задач педагогического моделирования в такой системе проецирования научно-педагогического опыта определяется в иерархии моделей педагогической технологии [6; 7], словесно-логических моделей [8], информационно-коммуникационных и информационно-средовых моделей стимулирования

и коррекции развития личности в системе ресурсов непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений [9; 10], педагогических конструктах и системах оптимизации качества выстраиваемых моделей педагогической поддержки личности, в которых можно выделить конструкторы принципов, педагогических условий и прочих составных современной педагогической деятельности [11; 12], педагогического процесса как целостного явления и способа решения задач современного образования [13], учета конструкта и способа оптимизации результатов развития за счет признания справедливости закона нормального распределения способностей и здоровья обучающихся, в структуре которых одаренности наряду с обучающимися, имеющими особые образовательные потребности, уделяется немаловажное значение, определяются персонифицированные и ситуативно варьируемые способы оптимизации качества решения

задач педагогической деятельности [14; 15], детерминации педагогической поддержки в системе психологического консультирования и основ психокоррекции опыта социальных отношений личности.

Возможности детерминации основ педагогической поддержки личности обучающегося согласованно детализируемы через математические основы уточнения модели развития личности в структуре акмеверификации и персонификации основ обучения и самореализации, что может быть выделено в направлении признания важности формирования культуры деятельности и культуры самостоятельной работы.

Научное исследование [15] и возможности построения моделей педагогической поддержки в системе среднего профессионально-педагогического образования [14] можно использовать в уточнении нюансов системного изучения педагогической поддержки личности как формы и способа оптимизации качества современного образования и профессионально-педагогической деятельности.

Возможности решения задач педагогической деятельности в конструктах и моделях педагогической поддержки обучающегося, включенного в систему непрерывного образования, будут в работе определены через выделение видов и типов педагогической поддержки, характеризующих и обуславливающих все составные целостного познания основ педагогической поддержки личности как объекта и продукта научного поиска и научного исследования в педагогике.

Выделим типы и виды педагогической поддержки, охарактеризуем модели педагогической поддержки обучающегося, подтверждающие справедливость учета всех условий научно-дидактического знания [14] в традиционной и инновационной педагогике.

Классификация видов и типов педагогической поддержки обучающегося, включенного в систему непрерывного образования:

1) по принадлежности обучающегося к группе, условно определяемой на кривой нормального распределения способностей и здоровья:

– обучающийся группы «А» (обучающийся, нуждающийся в специальных условиях организации обучения, развития, социализации; к данной группе относят «трудных детей», детей с ОВЗ, педагогически запущенных детей и т. д.);

– обучающийся группы «Н» (обучающийся основной группы, нормальная составная которых ярко выражена и подтверждается результатами социализации и самореализации личности);

– обучающийся группы «О» (одаренный обучающийся, результаты социализации и самореализации которого максимально отражены в его достижениях и которые можно определить через портфолио обучающегося, наблюдение и пр.);

2) по модели, способу, механизму и условиям формирования и развития личности обучающегося в контексте учета современных представлений о формировании коры головного мозга:

- левополушарные обучающиеся (праворукие дети);
- правополушарные обучающиеся (леворукие дети);

– обучающиеся с отсутствием асимметрии головного мозга (по статистике наиболее одаренные обучающиеся с высокими результатами достижений в различных областях науки, искусства, спорта и пр.);

3) по учету особенностей развития в социальной среде:

- дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей;

- дети-инвалиды и дети с ОВЗ;

- одаренные дети;

- дети из семей с нахождением родителя (родителей) в местах лишения свободы;

- дети из семей с жестоким обращением с детьми;

- дети из малообеспеченных семей;

- дети из религиозных семей;

- дети из семей с высоким достатком;

- дети из семей, имеющих сводных братьев и сестер;

- дети из семей с одним ребенком;

- дети из многодетных семей;

- дети из семей с гиперопекой;

- дети из семей с гипоопекой и пр.;

4) по модели получения педагогической поддержки:

- традиционная модель (формы получения могут быть в традиционной модели – традиционная беседа, игра, сотрудничество и пр.);

- модель поддержки через социальные сети, средства электронной почты и прочие ресурсы Интернета;

- модель поддержки с использованием методов психокоррекции личности (арт-терапия, библиотерапия, куклотерапия, сказкотерапия и тому подобное) и пр.

Определим конструктор принципов педагогической деятельности, обеспечивающий построение основ педагогической поддержки обучающегося, включенного в систему непрерывного образования:

- принцип научности в постановке и решении задач педагогической деятельности и педагогической поддержки;

- принцип последовательности, системности, точности, объективности решения задач развития обучающегося в модели непрерывного образования;

- принцип адаптации и фасилитации личности к происходящим и планируемым изменениям в обществе, раскрывающий через смыслы, приоритеты, целеполагание, мотивацию возможность к самостоятельному труду и жизнеобеспечению;

- принцип активизации внимания личности и общества на проблемах здоровья, здоровьесбережения, активного самовыражения личности в поле продуктивных форм сотрудничества и единоличного продуцирования идеальных и материальных объектов антропосреды;

- принцип взаимодополнения традиционного и инновационного научного знания в педагогике, определяющего через призму развития и синергетических условий самосохранения оптимальные модели функционирования образовательной организации и развития личности в деятельности и общении;

- принцип включения личности в социальные отношения через инновационные ресурсы информационных и информационно-коммуникационных систем;

- принцип возрастосообразности развития и сотрудничества личности в структуре образовательной,

научной, спортивной и прочих составных деятельности и общения личности и среды (личности в среде);

– принцип гарантированного учета возможностей личности обучающегося в построении адаптированных программ в образовательной организации;

– принцип единства деятельности и сознания в актуализации основ развития личности в модели социальной, образовательной и прочих видов педагогической поддержки;

– принцип единства идеального и материального в воспитании, развитии, обучении, образовании, социализации, формировании, становлении личности в обществе;

– принцип единства педагогической поддержки, фасилитации, социализации и самореализации личности в модели непрерывного образования и профессионально-трудовых отношениях;

– принцип единства теории и практики в решении задач развития (конструкт «хочу, могу, надо, есть»), определяющих все составные продуктивного поиска условий и способов, форм и методов, технологий и методик формирования потребностей, моделей деятельности, способов акмеверификации качества рефлексии и самопрезентации;

– принцип определения эффективности в решении задач развития личности и производства, системы образования и образовательной организации и пр.;

– принцип персонификации в моделях сотрудничества, самовыражения, фасилитации, общения, самоактуализации и пр.;

– принцип поликультурной самоорганизации основ сотрудничества и взаимопомощи в модели непрерывного образования;

– принцип построения математической модели оптимизации качества развития личности в структуре получения / оказания образовательных услуг;

– принцип пролонгации позитивного опыта деятельности в системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношениях;

– принцип пролонгации социальной защиты личности в модели непрерывного образования и профессионально-трудовых отношениях;

– принцип пролонгации стимулирования интереса личности к системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений;

– принцип разнообразия форм, методов и средств психокоррекции основ развития и самовыражения, самореализации и самоутверждения (библиотерапия, сказкотерапия, танцевальная терапия, ритмопластика и пр.);

– принцип регулярного экологического контроля за качеством идей, реализуемых в структуре продуцирования предметов и объектов совместной и единоличной деятельности обучающегося и педагога (по итогам визуализации самопрезентаций и планов работы на год / месяц);

– принцип самодетерминации и самоактуализации основ развития и становления в различных плоскостях социального опыта и поликультурных отношений;

– принцип самосовершенствования личности в акмеверификации качества включения в образовательное пространство и социально-профессиональные отношения;

– принцип своевременности в контроле, педагогической поддержке, решении задач развития и самореализации личности;

– принцип системности, диалектичности и синергетической самоорганизации качества постановки и решения задач педагогической деятельности и педагогической поддержки;

– принцип сознательного выбора продуктивного, персонифицированного самоутверждения личности как готовность к самостоятельной жизни и труду;

– принцип сострадания и гуманизма в иерархии моделируемых и уточняемых форм педагогической поддержки;

– принцип социализации личности через оптимальное воспроизводство идей и ценностей гуманизма в модели деятельности и культуры;

– принцип стратегического и тактического, ситуативного и долговременного управления основами самоорганизации качества развития и функционирования образовательного пространства организации, определяющей личности обучающегося реализуемые и потенциальные возможности получения непрерывного образования и включенность в конкурентоспособные отношения в модели профессионально-трудовых отношений;

– принцип учета возможностей развития личности в структуре формирования потребностей и способов креативного самовыражения;

– принцип учета гендерных различий в модели формирования ценностей и приоритетов развития;

– принцип учета нормального распределения способностей в разработке и организации основ педагогической деятельности с обучающимися и их родителями;

– принцип формирования внутренней мотивации деятельности, гарантирующей акмеперсонификацию развития и продуктивную самореализацию личности в структуре направлений «наука», «образование», «культура», «спорт» и пр.;

– принцип формирования личности в коллективе и через коллектив, определяющий условия сотрудничества, модели поддержки, качество рейтинговых моделей самоорганизации основ развития и коррекции нежелательных отклонений от допустимых значений исследуемых и верифицируемых переменных развития и самосохранения личности и общества;

– принцип формирования объективного персонифицированного уровня притязаний личности в поле формируемых ценностей, моделей деятельности и общения;

– принцип формирования потребности в акмедостижениях как продукта персонификации и унификации основ развития и саморазвития личности и общества;

– принцип формирования потребности в продуктивном самовыражении личности и коллектива;

– принцип формирования стиля и условий развития личности в системе выделенных приоритетов и моделей деятельности и общения, сотрудничества и самореализации;

– принцип четкости, ясности, правдивости, гуманизма в раскрытии позитивных перспектив сотрудничества и самовыражения личности, определяющей

через модель педагогической поддержки акмеодостижения и продуктивность самореализации и пр.

Принципы педагогической поддержки в структуре продуктивного поиска педагога должны в конечном счете определяться в нелинейной модели, характеризующей специфику и возможности педагогической деятельности в структуре реализации основ непрерывного образования. Специфика построения и объединения принципов педагогической поддержки в систему оправдана традиционным пониманием реализации любого педагогического процесса, в том числе и процессов фасилитации, социализации, самоактуализации и педагогической поддержки.

Выделим педагогические условия оптимизации качества педагогической поддержки, которые определяются в решении задач развития обучающегося, включенного в систему непрерывного образования, детализирующего условия и способы, формы и методы, средства и конструкты, технологии и модели педагогической поддержки как формы самоорганизации качества педагогической деятельности в структуре продуктивного поиска и реализации основ государственной политики в структуре услуг, оказываемых в системе образовательных организаций, определяющих в единстве возможность личности быть включенной в систему непрерывного образования.

Педагогические условия оптимизации качества педагогической поддержки обучающегося:

- формирование ценностей и мотивов, рефлексии и модели конкурентоспособных отношений в иерархии решаемых задач непрерывного образования;
- формирование потребностей в высоких результатах деятельности и стимулирования личности и коллектива;

– учет нормального распределения способностей обучающихся в модели разработки и уточнения программно-педагогического сопровождения целостного образовательного процесса и функционирования на конкурентоспособных моделях и технологиях образовательного пространства;

– создание доступной возможности включения личности в систему непрерывного образования в моделях дополнительного образования (повышение квалификации), а также аспирантуры и докторантуры, гарантирующих получение высокого качества продуктов развития и самореализации личности через продуцируемые инновации в производстве, науке, образовании, культуре, спорте и пр.;

– создание рабочих мест, определяющих возможности общества в развитии и самосохранении личности, менталитета государства и народной культуры.

Педагогическая поддержка обучающегося определяет перспективность построения, уточнения и использования педагогических технологий, учитывающих возрастосообразность, уровень сформированности и развития потребностей, мотивов, целеполагания и прочих внутриличностных новообразований.

Успешность решения задач педагогической деятельности напрямую зависит от качества и возможностей решения задач педагогической поддержки обучающегося, что доказывает актуальность построения моделей современного образования в иерархии выделяемых и решаемых задач, условий оптимизации качества развития и саморазвития личности и системы непрерывного образования.

Литература

1. Албитова Е. П. Современное звучание понятия «педагогическая поддержка» в образовании // *European Social Science Journal*. 2013. № 4. С. 28–34.
2. Вайндорф-Сысоева М. Е. Система информационно-педагогической поддержки средствами виртуальной образовательной среды учреждений профессионального образования // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2009. № 2. С. 202–215.
3. Герман Ю. Л. Сущность понятия «педагогическая поддержка» // *Актуальные проблемы современной науки*. 2011. № 4. С. 79–83.
4. Губанова А. В. Педагогическая поддержка становления и развития в образовательном процессе // *Омский научный вестник*. 2006. № 7. С. 301–305.
5. Зонина О. Ф. Педагогическая поддержка учащихся с признаками одаренности // *Человек и образование*. 2010. № 3. С. 35–38.
6. Козырева О. А. Технология системно-педагогического моделирования в условиях непрерывного профессионального образования // *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 3-2. С. 355–359.
7. Козырева О. А., Гайко М. Е., Горбунова И. А., Седова К. С. Модели формирования и управления культурой самостоятельной работы педагога в условиях непрерывного профессионального образования // *European Social Science Journal*. 2012. № 8. С. 83–90.
8. Козырева О. А., Козырев Н. А., Свиноаренко В. Г. Воспитание в профессиональной подготовке педагогов. М.: МИФИ, 2017. 400 с.
9. Козырева О. Е. Возможности организации педагогической поддержки в работе будущего педагога // *Территория науки*. 2016. № 5. С. 7–10.
10. Козырева О. А. Культура самостоятельной работы личности: модели и возможности формирования // *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 3. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26432> (дата обращения: 05.01.2018).
11. Коновалов С. В., Козырева О. А. Возможности педагогического моделирования в решении задач научного исследования // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015. № 12. С. 129–135.

12. Коновалов С. В., Козырева О. А. Педагогическое моделирование в конструктах современного образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 58–63.
13. Макеева Т. В. Гуманистическая позиция учителя в сфере оказания педагогической поддержки школьникам // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 1. С. 95–97.
14. Митькина Е. В., Сорокин С. В., Свиначенко В. Г. Педагогическая поддержка обучающегося: модели и технологии: М.: МИФИ, 2017. 120 с.
15. Свиначенко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования. М.: МИФИ, 2014. 92 с.

PEDAGOGICAL SUPPORT AS A MODEL AND PRODUCT OF PEDAGOGICAL ACTIVITY AND CONTINUOUS EDUCATION

Tamara N. Tumanova^{1, @1}, Nikolay A. Kozyrev^{1, @2}, Elena V. Mitkina^{1, @3}

¹ *The Siberian State Industrial University, 42, Kirov St., Novokuznetsk, Russia, 654007*

^{@1} *nauka-dpo@yandex.ru*

^{@2} *kozyrev_na@mtsp.sibsiu.ru*

^{@3} *dpo-nvkz@yandex.ru*

Received 23.01.2018. Accepted 08.05.2018.

Keywords: pedagogical support, pedagogical modeling, pedagogical methodology, model of pedagogical support, principles of pedagogical support, pedagogical conditions for optimizing the quality of pedagogical support.

Abstract: The article offers solutions for the problems of pedagogical activity in constructs and models of pedagogical support in the system of continuous education. The study defines types and subtypes of pedagogical support; it reveals various models describing the typology and nuances of pedagogical support as a product of the development of modern education. The authors offer a nonlinear model of the principles of pedagogical support, which allows them to characterize the specifics and possibilities of pedagogical activity in the structure of the implementation of the foundations of continuing education. The specifics of the construction and integration of the principles of pedagogical support into the system are justified by the traditional understanding of the implementation of any pedagogical process, including the pedagogical support process. The pedagogical conditions for optimizing the quality of pedagogical support are determined in solving the developmental tasks of the student involved in the system of continuous education that determines the conditions and approaches, forms and methods, tools and constructs, technologies and models of pedagogical support as forms of self-organization of the quality of pedagogical activity in the structure of productive search and implementation of the fundamentals state policy in the structure of services provided in the system of educational organizations, which determine one's inclusion the system of continuous education. Pedagogical support determines the prospects for the construction, refinement and use of pedagogical technologies, which take into account the age, level of formation and development of needs, motives, goal-setting and other intrapersonal neoplasms. The success of solving the tasks of pedagogical activity directly depends on the quality and the possibilities of solving the problems of pedagogical support of the student.

For citation: Tumanova T. N., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. Pedagogicheskaja podderzhka kak model' i produkt pedagogicheskoi deiatel'nosti i nepreryvnogo obrazovaniia [Pedagogical Support as a Model and Product of Pedagogical Activity and Continuous Education]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 25–30.

References

1. Albitova E. P. Sovremennoe zvuchanie poniatiiia «pedagogicheskaja podderzhka» v obrazovanii [Modern sounding concepts «pedagogical support» in education]. *European Social Science Journal*, no. 4 (2013): 28–34.
2. Vaindorf-Syssoeva M. E. Sistema informatsionno-pedagogicheskoi podderzhki sredstvami virtual'noi obrazovatel'noi sredy uchrezhdenii professional'nogo obrazovaniia [System of information pedagogical support by means of virtual educational environment in professional educational institution]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences*, no. 2 (2009): 202–215.

3. German Iu. L. Sushchnost' ponyatii «pedagogicheskaiia podderzhka» [The essence of the concept of «pedagogical support»]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki = Actual problems of modern science*, no. 4 (2011): 79–83.
4. Gubanova A. V. Pedagogicheskaiia podderzhka stanovleniia i razvitiia v obrazovatel'nom protsesse [Pedagogical support to establishment and development of professional self-consciousness in gifted school senior pupils at educational process]. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk scientific bulletin*, no. 7 (2006): 301–305.
5. Zonina O. F. Pedagogicheskaiia podderzhka uchashchikhsia s priznakami odarennosti [Pedagogical support of schoolers with signs of endowments]. *Chelovek i obrazovanie = Man and education*, no. 3 (2010): 35–38.
6. Kozyreva O. A. Tekhnologiia sistemno-pedagogicheskogo modelirovaniia v usloviakh nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniia [Technology system-pedagogical modeling on continuous education]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technology*, no. 3-2 (2016): 355–359.
7. Kozyreva O. A., Gaiko M. Ie., Gorbunova I. A., Sedova K. S. Modeli formirovaniia i upravleniia kul'turoi samostoiatel'noi raboty pedagoga v usloviakh nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniia [Models of the formation and management of the culture of independent work of the teacher in conditions of continuous professional education]. *European Social Science Journal*, no. 8 (2012): 83–90.
8. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Svinarenko V. G. *Vospitanie v professional'noi podgotovke pedagogov* [Education in the professional training of teachers]. Moscow: MIFI, 2017, 400.
9. Kozyreva O. E. Vozmozhnosti organizatsii pedagogicheskoi podderzhki v rabote budushchego pedagoga [Possibilities of organizing pedagogical support in the work of the future teacher]. *Territoriia nauki = Science Territory*, no. 5 (2016): 7–10.
10. Kozyreva O. A. Kul'tura samostoiatel'noi raboty lichnosti: modeli i vozmozhnosti formirovaniia [Culture of independent individual work: models and possibilities of formation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 3 (2017). Available at: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26432> (accessed 05.01.2018).
11. Konovalov S. V., Kozyreva O. A. Vozmozhnosti pedagogicheskogo modelirovaniia v reshenii zadach nauchnogo issledovaniia [Possible pedagogical modeling in solving problems in scientific research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 12 (2015): 129–135.
12. Konovalov S. V., Kozyreva O. A. Pedagogicheskoe modelirovaniie v konstruktakh sovremennoogo obrazovaniia [Pedagogical modeling in the constructs of modern education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 1 (2017): 58–63.
13. Makeeva T. V. Gumanisticheskaiia pozitsiia uchitelia v sfere okazaniia pedagogicheskoi podderzhki shkol'nikam [The humanist position of the teacher in the sphere of pedagogical support to schoolchildren]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 1 (2003): 95–97.
14. Mit'kina E. V., Sorokin S. V., Svinarenko V. G. *Pedagogicheskaiia podderzhka obuchaiushchegosia: modeli i tekhnologii* [Pedagogical support of the student: models and technologies]. Moscow: MIFI, 2017. 120.
15. Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. *Nauchnoie issledovaniie po pedagogike v strukture vuzovskogo i dopolnitel'nogo obrazovaniia* [Scientific research on pedagogy in the structure of higher and further education: a textbook for pedagogical universities and the system of additional professional education]. Moscow: MIFI, 2014. 92.

УДК 130.2

К ПРОБЛЕМЕ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Евгений Ф. Казаков^{1, @1}, Елизавета А. Чеснокова^{1, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@1 ketcitykazakov@mail.ru

@2 say.liz.say@gmail.com

Поступила в редакцию 23.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

русская идентичность, русская душа, русская культура, русская ментальность, Россия, кризис идентичности, культура, цивилизация, душа русской культуры, психика цивилизации.

Аннотация: В статье рассматривается не теряющая свою актуальность проблема поиска русской национальной идентичности, находящаяся во взаимосвязи с поиском «моей» идентичности. Исследуя своеобразие русской ментальности, «я» пишу портрет собственной ментальности. Русская идентичность для «меня» – это «зеркало», в котором «я» пытаюсь разглядеть и Россию, и самого себя. Поиск «моей» идентичности заключается в нахождении ответов на вопрос «сохранились, или потерялись, или изменились во мне традиционные черты русской ментальности?». Данная проблема включает в себя не только смыслообразующие для всех людей и культур вопросы «Кто мы?», «Зачем мы здесь?», но и подразумевает своим главным основанием глубокий философский вопрос: «Что есть человек?». Смотри на мир, мы можем всех людей (достаточно условно) разделить на три части: люди Восточного мира, люди Запада и русские люди. Можно добавить к этому ещё «гражданина мира», человека глобализации, несущего в себе во многом уже космополитические черты. Кризис русской национальной идентичности обусловлен превращением культуры в цивилизацию, приведшем к превращению души в психику. Культура души превращается в психику цивилизации. Превратившаяся в психику русская душа теряет «русскость». Одной из важнейших тем для размышлений русских философов и писателей на протяжении последних столетий становится судьба России, русская душа, русская идея. Россия не просто продолжает поиски своей идентичности, а формулирует ряд важных выводов на этом пути. Как будто бы устами поэтов, художников, музыкантов и философов Россия осознаёт, утверждает себя, произнося «Аз есмь». Самоидентификация достигается только на стадии зрелости культуры. Зрелость обретается тогда, когда оформляется душа русской культуры. Достижение душой русской культуры стадии самоактуализации и даёт основание с достаточной определённой говорить о своеобразии её структуры и динамики.

Для цитирования: Казаков Е. Ф., Чеснокова Е. А. К проблеме русской национальной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 31–36.

Процесс глобализации поднимает актуальность вопроса об основаниях истинного человеческого бытия, т. е. «выносит» на обсуждение вопрос о глобальной идентичности, которая связана с изменением роли национальной идентичности в постоянно глобализирующемся мире [1, с. 4]. Каждый человек – это гражданин какой-либо страны, представитель национальности и этноса. Причем это не всегда совпадающие аспекты. Например, человек является гражданином Канады, но при этом он – русский, которому пришлось по каким-то обстоятельствам эмигрировать. Из-за различий в культурах стран у индивидов и возникает кризис национальной идентичности. Он не знает, кем ему себя считать – русским или канадцем? С одной стороны, он был рожден в России, но с другой – жизнь

в другой стране наложила отпечаток на его мировоззрение и менталитет. Но возможна и другая ситуация. Оставим условия теми же, но только поменяем один аспект – чтобы избежать вопросов к самому себе и от других, индивид громко заявляет, что он – «человек мира». На первый взгляд, он пытается таким способом уйти от этой проблемы, но если рассматривать глубже, можем увидеть, что это решение есть не что иное, как сокрытие для себя кризиса идентичности [2].

Смотри на мир, мы можем всех людей (достаточно условно) разделить на три части: люди Восточного мира, люди Запада и русские люди. Рассмотрим в сравнении черты восточного, западного и русского человека (таблица) [3, с. 98].

Таблица. Черты восточного, западного и русского человека
Table. The features of the Eastern, Western and Russian people

Восточный человек	Западный человек	Русский человек
«Правое полушарие»: нерациональное (иррациональное) восприятие мира: вера, интуиция, инсайт, медитация). Религиозность, спиритуальность	«Левое полушарие»: (рациональное восприятие мира: логика, причинно-следственные связи, расчёт). Светскость, научность	Синтез (обусловленный «срединным» географическим положением) Востока и Запада (будущая «архитектура» мира в России уже существует на протяжении тысячи лет). Россия смотрит на мир из будущего
Человек – песчинка мира как целого. Поиск путей слияния с миром (часть стремится слиться с Целым)	Человек отделён от мира, противостоит ему. Поиск путей доминирования над миром, подчинения его себе (часть стремится подчинить Целое себе)	Своеобразие русского человека: нерациональность (Д. Фонвизин «Недоросль»: «ум, коли он только ум, – сушая безделица»), несистемность («зачем делать то, что и без того сделают немцы»)
Слияние с природой	Потребительское отношение к природе, утилитаризм	Женственность русской души (страна рек и озёр, стихия – вода, женщина как архетип русской души, Богородица, праздник Покрова, вера, смирение, покорность, ожидание, терпение, умиротворение-утишение, сострадание; всё это – качества святости, святой женственности)
Опора на религию и нравственность	Опора на экономику	Религиозность («народ-богоносец», богоизбранность)
Вера в незыблемость мира и его законов	Вера в человека, его безграничные возможности познания и деятельности	Антропоцентризм (размышления о месте и предназначении человека); космизм (планетарное, вселенское мышление, «русские космисты»; Э. В. Ильенков «Космология духа»)
Цельность (единство образа мыслей и образа жизни), последовательность, предсказуемость	«Расколотость» (человек говорит одно, думает другое, поступает по-третьему), противоречивость	Неоформленность духа («авось», «небось», «малая сила формы и великая сила стихии» (Н. Бердяев)
Интровертность: «Внутренний» человек	Экстравертность: «Внешний» человек	Широта, размах русской души

Для русской ментальности характерна контрастность, соединение «полюсов»: пассивность (сонливость – долгие холодные зимы – жизнь на печи), с одной стороны, активность – с другой (русский мужик «медленно запрягает, да быстро едет», гоголевское «какой русский не любит быстрой езды», пушкинское «страшен русский бунт, бессмысленный и беспощадный»); с одной стороны, обожествление власти, с другой – анархизм; с одной стороны, патриархальность, традиционализм, с другой – нигилизм (разрыв с прошлым в 1917 г.); «святая Русь» превратилась в страну «красных дьяволят»; непредсказуемость (наполеоновское «не будите русского медведя»; «бегство капиталов и мозгов»). Для русской культуры характерна связь с практикой (стремление не только сформулировать красивую идею, но и усовершенствовать мир); мессианство, стремление спасти человечество (филофеевское «первый Рим пал, второй Рим пал, Москва – третий Рим, а четвёртому Риму не бывать») сначала через христианскую идею, потом – через коммунистическую. Для жен-

ственной русской души свойственно сочувствие, помощь «сырым и убогим» людям и народам; жертвенность («народ-Христос», суворовское «сам погибай, а товарища выручай»); коллективизм, соборность («мы» важнее, чем «я»; фёдоровское «в одиночку спастись нельзя, спастись можно только всем вместе со всеми»). Для России характерна направленность в будущее (бердяевское «Россия всегда беременна, и никак не может разродиться», коммунизм как «светлое будущее», роман В. Белова «Всё в будущем»), обуславливающая недооценку, обесценивание настоящего (предстоящего лишь ступенькой в будущее).

Если попробовать в одном слове определить сущностную особенность Западной культуры, то это будет панлогизм (сфокусированный в картезианском «человек – существо мыслящее»); а в русской культуре – панморализм (сфокусированный в соловьёвском «человек – существо стыдящееся»). О нравственных переживаниях как образующих для русской ментальности писали и А. И. Герцен («Мы не врачи,

мы – боль»); и Н. А. Некрасов («Кому на Руси жить хорошо»); и В. М. Шукшин («жить по совести»); и В. С. Высоцкий («я всю скорбь скорблю мировой»); и А. И. Солженицын («жить не по лжи»); и А. Б. Мозговой («Мы заразим совестью весь мир»). Особенность русского интеллигента – это чувство ответственности за всё происходящее в мире, максимальная открытость всем мировым болям и бедам (выраженная в максиме Ф. М. Достоевского «все виноваты во всём»). В русской мысли всегда особо подчёркивалась связь истины со справедливостью, утверждалось, что истина (божественная) – объективна, её постижение одновременно и нравственное совершенствование (поэтому «на верхних ступенях познания стоят не учёные и философы, а святые»). Для России характерно самовыражение больше не через действие, а через Слово. Западный взгляд выразил гётевский Фауст («в начале было дело»); и Х. Марти («лучшее слово – это дело»). А для России «Слово – это уже Дело», потому что «вначале было Слово», потому что Христос – это и есть «Слово, облечённое плотью» (Г. Гачев в «Русском эссе» пишет, что кульминация чувств выражается в русской литературе не в действии, а в слове). В sacramentalной фразе «Пушкин – наше всё», в латентном виде пребывает «Слово – наше всё». Слово – это «стрела», которая «напрямую» попадает из души в души, преобразуя её, низвергая или превознося.

Русская идентичность – это то, что уже заложено в наши гены и мемы, то, что переходит от поколения к поколению, сохраняя и изменяя себя. Спор западников, славянофилов и евразийцев, в явном или неявном виде, продолжается до сих пор. Пока ясно одно: русская культура на протяжении многих веков предстаёт «плавильным тиглем», в котором осуществляется синтез черт западной и восточной культур, соединяющихся с самобытными чертами, сформированными в ходе уникальной отечественной истории. И кроме того, в русской душе сохраняется неизбывность, невыраженность (обусловленная её непрерывной «беременностью»), незавершённость (в этом в определённой мере есть сходство с восточной душой, которая традиционно отличается non-finito), «вечная тайна», заключающая в себе никогда не разгадываемую до конца «загадку русской души». Иррациональные «тёмные аллеи» русской души, в которых таится и ангельское и демоническое (есенинское «но колы черти в душе гнездились, значит, ангелы жили в ней») недоступны рациональному дискурсу. Эти глубины постигаются интуитивно, по наитию, в результате мистического озарения, религиозного откровения, веры или творческого вдохновения.

Федор Иванович Тютчев писал:

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная часть –

В Россию можно только верить [4].

В драматичное нынешнее время возникает несколько вопросов: «Как же мы вошли в кризис идентичности?» и «Как из него выйти?». Русская национальная идентичность в настоящий момент переживает глубо-

кий кризис, причиной чему стала трансформация государства в 1991 г. К этому времени у русских имперское самосознание заменило этническое, большинство людей идентифицировало себя «советскими». С распадом Советского союза данная идентичность естественным образом распалась. Воссоздать же русскую идентичность не удалось из-за слабости национальной политики нового государства. Ещё одной причиной является то, что русская идентичность, её культурные признаки были фактически стёрты за советский период. Советская идентичность как форма гражданской идентичности несла в себе ряд противоречий. Приезжающие на территорию РСФСР идентифицировали себя «советскими», при этом сохраняя этническую идентичность. Русские же не имели возможность укреплять и развивать этническую идентичность и полностью приняли идентичность гражданскую. Итогом стало то, что именно в России, после распада СССР, обозначился явный кризис этнокультурной и национальной идентичности в свете крушения «советской идентичности».

Ещё Н. В. Гоголь, призывая к серьёзному изучению своей страны, постижению души народа со всеми светлыми и темными её свойствами, приходил к невеселому выводу: «Велико незнание России посреди России» [5, с. 287]. И сейчас одним из насущных является «вопрос о том, что такое российская идентичность» [6, с. 14]. Противоречивость души русской культуры, её многоликость, и даже разнополюсность, не разрушили её целостность. До сих пор проблема единства многополюсности русской культуры осмыслена недостаточно, «не выработан теоретический язык для его описания... В этом – наша дальновзорность. Мы видим хорошо то, что далеко, но невнимательны к тому, что у нас «под рукой». Нас должно интересовать это и с теоретической и с практической точки зрения» [6, с. 15].

Одним из главных путей поиска и сохранения русской национальной идентичности является возвращение к «историческим корням». Особенно это касается осмысления ключевых этапов русской истории, сыгравших образующую роль в формировании национальной идентичности. Одним из таких этапов является, например, «серебряный век», представший «новым ренессансом» русской культуры и одновременно периодом обретения катастрофического опыта, опыта бесчеловечности. Как стало возможным такое расчеловечивание? Этот вопрос «до конца, по-настоящему, не осмыслен не только в философии, но и в нашей культуре в целом» [6, с. 15]. Во многом события именно этого периода задали направленность процессов, произошедших в России в XX–XXI вв. [7]. Как «вся русская литература вышла из гоголевской шинели», так история современной России вышла в той или иной степени из жёлтой блузы В. Маяковского, «новояза» В. Хлебникова и «Чёрного квадрата» К. Малевича. Революционный, переломный характер, переплетение старого и нового в русской культуре того времени при всех различиях имеет несомненные аналогии с современной духовной ситуацией. И на рубеже XIX–XX вв.

проявляется стремление выработать некий комплексный подход к познанию жизни, соединить данные науки с художественными интуициями и духовно-религиозными прозрениями [8]. По необычайному расцвету всех жанров искусства, богатству идей и образов, многообразию и оригинальности течений живописи, музыки и поэзии именно начало XX в. можно назвать «золотым веком» русской культуры. В значительной степени мы до настоящего времени питаемся этими «живительными соками».

Практически не разработанное в литературе понятие «душа русской культуры», вполне вероятно, и может явиться тем понятийно-методологическим инструментарием (обладающим достаточной степенью эвристичности и продуктивности), который позволит сделать важный шаг в определении идентичности русской культуры. «Душа, в сконцентрированном, виде несет в себе своеобразие человеческой жизни. Ей свойственны целостность, внутренняя различность, процессуальность, открытость, творческая интенция» [9, с. 478]. История культуры в данном случае предстает как выражение пробуждения, актуализации, оформления «души культуры» (О. Шпенглер). «Одушевление» культуры позволит не просто выявить те или иные душевные переживания, а понятийно отразить их. «Одушевленная» история культуры не постигается только рациональным путем (позволяющим исследователю занять позицию постороннего созерцания). Объективированная в истории культуры душевная жизнь в решающей степени постигается посредством душевного «вчувствования» исследователя. Душевная жизнь культуры, таким образом, становится «моей» историей, историей «моей» души; позволяет и делает необходимым превращение душевного опыта истории культуры в «мой» опыт. «Запад, – пишет немецкий исследователь В. Шубарт, – подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, государственности и связи, но он лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям...» [10, с. 95].

Особое место в изучении самобытности русской идентичности занимают произведения русской философии и культурологии XIX–XX вв., подводящие своеобразный итог развитию данного подхода к исследованию души культуры (как в плане её генезиса, так и в структурно-функциональном аспекте). Сюда относятся исследования В. С. Соловьёва, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, В. В. Зеньковского и др. Так, в книге «Судьба России» Н. А. Бердяев говорит об «антиномичности» русской души. «В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в рус-

ской равнине... У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Русский народ не был народом культуры... он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности... Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие... В русском человеке живет «хоровое чувство», «соборность», смирение, готовность к самоотречению; это – цельность русской души, единство личного и общественного» [11, с. 86]. По убеждению И. А. Ильина, в русском народе «все основано не на моральной рефлексии, не на «проклятых долге и обязанности», не на принудительной дисциплине или страхе греховности, а скорее «на свободной доброте и на несколько мечтательном сердечном созерцании». «Умного человека в России почитают, перед волевым склоняются, фантазерам дивятся, но более всего любят человека сердечного, а если он к тому же и совестливый, то его почитают превыше всего как своего рода святого или, в понимании русских, как сосуд Божий». В русской культуре творящим актом является «сердечное видение и религиозно совестливый порыв»; она построена «на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы. Это они являются первичными силами и установками русской души, которая задает тон их могучему темпераменту» [12, с. 85].

Кризис русской национальной идентичности обусловлен превращением культуры в цивилизацию, приведшем к превращению души в психику. Культура души превращается в психику цивилизации. Душа лишается метафизичности, предстаёт не самодостаточным образованием, а объектом воздействия внешних и внутренних сил. Это нашло выражение в произошедшем в истории мысли отождествлении души с психикой [13; 14, с. 112]. Превратившаяся в психику русская душа теряет «русскость». Одной из важнейших тем для размышлений русских философов и писателей на протяжении последних столетий становится судьба России, русская душа, русская идея. Россия не просто продолжает поиски своей идентичности, а формулирует ряд важных выводов на этом пути. Как будто бы устами поэтов, художников, музыкантов и философов Россия произносит «Аз есмь». Самоидентификация достигается только на стадии зрелости культуры. Зрелость обретается тогда, когда оформляется душа русской культуры. Достижение душой русской культуры стадии актуализации и даёт основание с достаточной определённой говорить о своеобразии её структуры и динамики.

Литература

1. Батырев Д. Н. Проблема национальной идентичности в глобализирующемся мире: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2009. 196 с.
2. Березкин А. К. Кризис национальной идентичности в России // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2012. № 10. С. 35–37. Режим доступа: jurnal.org/articles/2012/polit14.html (дата обращения: 28.03.2018).
3. Казаков Е. Ф. Антропология. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2017. 309 с.

4. Тютчев Ф. И. Умом Россию не понять. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/281.html> (дата обращения: 28.03.2018).
5. Гоголь Н. В. Соч. В 8 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. 298 с.
6. Интервью с директором Института философии РАН, академиком РАН А. В. Смирновым // Вестник Российского философского общества. 2016. № 4. С. 11–26.
7. Gritskovich T. I., Kazakov E. F., Konovalov A. B. Value Of Reforming Social And Economic Models Of Interaction In Society Development // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2017. Vol. XXXV. P. 402–428. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.49>.
8. Типикина Л. П. Душа русской культуры «серебряного века» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-4. С. 232–235.
9. Зиммель Г. О сущности культуры // Соч. В 2 т. М.: Юрист, 1996. Т. 1. С. 475–483.
10. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. 446 с.
11. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Мысль, 1998. 191 с.
12. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Наука, 1993. 203 с.
13. Казаков Е. Ф. От души к психике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-4. С. 206–209.
14. Казаков Е. Ф. Душа: метафизика самоопределения. Кемерово, 2014. 273 с.

THE PROBLEM OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

Eugeny F. Kazakov^{1, @1}, *Elizabeth A. Chesnokova*^{1, @2}

¹ *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*

^{@1} *kemcitykazakov@mail.ru*

^{@2} *say.liz.say@gmail.com*

Received 23.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: Russian identity, Russian soul, Russian culture, Russian mentality, Russia, identity crisis, culture, civilization, soul of Russian culture, mentality of civilization.

Abstract: The article deals with the problem of the search for Russian national identity, which connected with the search for «my» identity. By exploring the peculiarity of the Russian mentality, «I» create a portrait of my own mentality. Russian identity is a «mirror» for «me», where «I» try to see both Russia and myself. The search for «my» identity means answer to the following question: Are the traditional features of the Russian mentality preserved, lost or changed in me? This problem includes the global issues of «Who are we?», «Why are we here?», but also implies the deep philosophical matter of «What is a man?» Looking at the world, we can conventionally divide all people into three parts: people of the Eastern world, people of the West and the Russian people. We can add to this classification the «citizen of the world», the man of globalization and cosmopolitan features. The crisis of Russian national identity is caused by the transformation of culture into civilization, which has led to the transformation of the soul into the psyche. The culture of the soul turns into the psyche of civilization. As a psyche, the Russian soul loses its «Russianness». Over the past centuries, one of the most important topics for reflection of Russian philosophers and writers has been the fate of Russia, the Russian soul, the Russian idea. Russia not only continues its search for identity, but formulates a number of important conclusions along the way. Out of the mouths of poets, artists, musicians and philosophers, Russia realizes and asserts itself by saying «I am». Self-identification is achieved only at the stage of maturity of culture. Maturity is acquired when the soul of Russian culture is formed. The achievement of the self-actualization stage by the soul of the Russian culture gives grounds to speak, with sufficient certainty, about the originality of its structure and dynamics.

For citation: Kazakov E. F., Chesnokova E. A. K probleme russkoi natsional'noi identichnosti [The Problem of Russian National Identity]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 31–36.

References

1. Batyrev D. N. *Problema natsional'noi identichnosti v globaliziruiushchemsya mire: sotsial'no-filosofskii analiz*. Diss. kand. philos. nauk [The problem of national identity in the globalizing world: social and philosophical analysis. Cand. Philos. Sci. Diss.]. Rostov on Don, 2009, 196.

2. Berezkin A. K. Krizis natsional'noi identichnosti v Rossii [Crisis of national identity in Russia]. *Zhurnal nauchnykh publikatsii aspirantov i doktorantov = Journal of Scientific Publications of Post-Graduate Students and Doctoral Students*, no. 10 (2012): 35–37. Available at: jurnal.org/articles/2012/polit14.html (accessed 28.03.2018).
3. Kazakov E. F. *Antropologiya* [Anthropology]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2017, 309.
4. Tiutchev F. I. *Umom Rossiiu ne poniat'* [The Mind cannot understand Russia]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/281.html> (accessed 28.03.2018).
5. Gogol N. V. *Soch.* [Works]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, vol. 8 (1952): 298.
6. Interv'iu s direktorom Instituta filosofii RAN, akademikom RAN A. V. Smirnovym [Interview with the Director of the Institute of philosophy RAS, academician Smirnov A. V.]. *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva = The Bulletin of the Russian Philosophical Society*, no. 4 (2016): 11–26.
7. Gritskevich T. I., Kazakov E. F., Konovalov A. B. Value Of Reforming Social And Economic Models Of Interaction In Society Development. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, vol. XXXV (2017): 402–428. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.49>.
8. Tipikina L. P. Dusha russkoi kul'tury «serebriannogo veka» [The Soul of Russian culture of the «silver age»]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2-4 (2015): 232–235.
9. Simmel G. *Soch.* [Works]. Moscow: Iurist, vol. 1 (1996): 475–483.
10. Schubart W. *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the soul of the East]. Moscow: Russkaia idea, 2000, 216.
11. Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Mysl', 1998, 191.
12. Ilyin I. A. *Put' k ochevidnosti* [Way to evidence]. Moscow: Nauka, 1993, 203.
13. Kazakov E. F. Ot dushi k psikhike [From the heart to the psyche]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2-4 (2015): 206–209.
14. Kazakov E. F. *Dusha: metafizika samoopredelenia* [Soul: metaphysics of self-determination]. Kemerovo, 2014, 273.

УДК 167

СПЕЦИФИКА НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ МЕТОДИК МЫСЛИТЕЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ: ДИАЛЕКТИКА, СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД, СИНЕРГЕТИКА

Владимир И. Красиков¹. @. *

¹ Всероссийский государственный университет юстиции, 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, 2, кор. 1
@ KrasVladIv@gmail.com

Поступила в редакцию 09.06.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: методология, методики мыслительного моделирования, диалектика, системно-структурный подход, синергетика, онтологические схемы, методологические предписания.

Аннотация: Автор рассматривает особенности трех методик мыслительного моделирования, которые применяются как общенаучные: диалектику, системно-структурный подход и синергетику. Аргументируется позиция, согласно которой эти методологии являются логиками отличных друг от друга концепций бытия. Разные миропонимания по-разному репрезентируют основоструктуры мира, что, в свою очередь, задает основные особенности их методологических стандартов. Раскрывая суть данной позиции, автор описал содержание особых связей между онтологическими схемами указанных методов и их нормативными требованиями к проведению исследований. Полученные результаты выявили наличие некоторых ограничений и предостережений. Так, по-видимому, следует применять указанные методологии только в тех дисциплинах, в которых пользуются схожими онтологическими схемами. И напротив, некритичное применение методологий в качестве «нейтрально-общенаучных» приводит к размыванию собственных дисциплинарных онтологических моделей. Полученные выводы могут заинтересовать теоретиков социальных и гуманитарных наук.

Для цитирования: Красиков В. И. Специфика некоторых общих методик мыслительного моделирования: диалектика, системно-структурный подход, синергетика // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 37–41.

Если вкратце обозначить общеприемлемое содержание термина «методология», то таковым будет философская дисциплина, исследующая условия, способы и возможности организации мышления в некие упорядоченности. Говоря в общем антропологическом смысле, мышление людей, с одной стороны, обращено к практике, обслуживает реальное познание, науку; с другой же – оно способно и к самодовлеющему развитию – в пределах самого себя [1]. И в целом в основе многообразия методов, общенаучных и общеполитических, лежат два: *метод проб и ошибок и метод мыслительного конструирования*, или же эмпирико-дедуктивный и аксиоматически-дедуктивный [2].

Первый из них вкратце можно представить так: ученый, столкнувшись с определенной проблемой, предлагает, в порядке предположения, определенное решение – теорию, некое индуктивное объяснение. Эта теория рассматривается другими учеными, чья задача – осуществить ее проверку и подвергнуть критике. И если проверка свидетельствует против теории – она отвергается. По сути, это метод сокращений. И здесь важно соблюдение трех условий: теорий должно быть много, их разнообразие – достаточно, проверки – достаточно строги. Тем самым ожидается выживание наиболее пригодной теории через отбор менее подходящих.

Второй метод, исходящий и ориентированный на мышление, представляет собой вариации мыслительного мо-

делирования, к которым и относятся обсуждаемые здесь диалектика, системно-структурный подход и синергетика. Они выражают скорее развитие самой мыслительной сферы, менее связаны с повседневностью и научной практикой. Апологеты диалектики, синергетики или системно-структурного подхода часто утверждают, что именно их сценарии понимания мира (мира-в-развитии, мира-становления, мира-множества систем) и есть подлинное объяснение мира. Однако сама работоспособность их методов напрямую зависит от безусловного и однозначного принятия их онтологических схем. Таким образом, здесь работает неявное правило: для пользования методом необходимо принять и те метафизические картинки, с которыми «сцеплен» этот метод. Иначе он просто не будет «работать».

Можно сказать, что исследование, основывающееся на методе проб и ошибок, индуктивной обработке эмпирического материала, и исследование, прежде всего ориентирующееся на суверенность, самодостаточность мышления, его внутреннюю конгруэнтность остальному строю сущего – просто несоизмеримы. Формат «единственности, материальности и естественной причинной обусловленности» в понимании видимой вселенной органично противоречит признанию наличия еще какого-то иного, сопоставимого, а то и доминирующего невидимого «мира» моделей, матриц – как законосообразной «начинки» вселенной материи (законы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00075.

диалектики, систем-структур, становления). Но и диалектик (системщик, синергетик) часто не видит всей условности, метафоричности своих конструкций, являющихся фактически онтологизациями понятий – в сопоставлении с повседневностью. Подобные мыслительные методики, которые претендуют (часто неявно) на всеобщность, потому имеют серьезные отличия от простых операциональных методов типа синтез-анализ, индукция-дедукция.

Метод становится бессмысленным для применения в той дисциплине, чья метафизика миропонимания противоречит исходным аксиомам используемого метода. Многовариантные картины мира – в разных историко-философских, научных или культурных традициях – рождают каждый раз свои, разные «логики». И такие вот методологии являются тем самым логиками различных картин миропонимания, которые по-разному представляют себе объектную среду и способы ее существования. Это, в свою очередь, определяет специфику их методологических стандартов: каким образом, при помощи каких понятий выстраивать модели «развития», «системы-структуры» или же «становления».

Вероятно, исторически первый из них в историко-философской традиции – это *диалектика*. Как правило, выделяют две ее исторические формы. Первая, античная диалектика, была скорее субъективным методом, искусством вести беседу согласно своим целям и разумениям. Ее можно назвать учением о возможностях скрытых манипуляций в управлении повседневными рассуждениями. В отличие от рассуждений специальных (научных, логических), которые в своем развертывании опираются на согласованные обоюдные договоренности о том, что считать непререкаемым (истинным), какова цель спора и каковы критерии оценки, в обычных разговорах нет изначальных уславливания, и потому умелый спорщик-манипулятор может по своему усмотрению скрытно усиливать или ослаблять свои послышки, изменять определения и т.п. По сути, диалектика была софистикой [4, с. 62].

Как известно, объективистская версия диалектики, базирующаяся на принципах тождества бытия-мышления и легализации противоречия, появляется в результате усилий Г. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса, а потом и «диалектического материализма». Здесь утверждалось, что природа, общество и мышление представляют собой один универсум, развивающийся по универсальной диалектической логике. Отражая то, что есть в действительности, он также указывает и на то, как адекватно мыслить о соответствующей области действительности, из чего и выросло понимание диалектики как некоей супертеории, науки о наиболее общих законах развития сущего. Соответственно, любой универсальный закон развития объективного и духовного мира является одновременно и законом познания [5, с. 32].

Необходимо помнить о том, что диалектика – это, прежде всего, теория развития, где основной ее объект – развитие. Значит она может «работать» лишь там, где онтологически присутствует само это развитие. Это сразу резко ограничивает сферу применимости диалектики, ибо понятие «развитие» относимо к характери-

сти лишь части мировых изменений. Той его части, в которой мы «видим», «можем предполагать», «вменяем» некоторым объектам (как правило, сложноорганизованному) некие сложные внутренние изменения: необратимость, качественность (долговременная самоидентичность) и целенаправленность. Цель и самоорганизация воплощены в особенностях их конституции, задавая направление последовательности и динамику изменений. И только по отношению к подобного рода объектам и будет «работать» диалектика – тем, к которым и применимы признаки развития [6, с. 71]. Это живые организмы, социальные процессы и мыслительная жизнь (в том числе наши взгляды и представления о мире).

Диалектика – это моделирование в мысли таких объектов, как «развивающихся». Ее матрицей является триада: представление развития как последовательности тезиса-антитезиса-синтеза. Нормативы выстраивания диалектического объекта включают в себя использование, помимо триады, еще и других объяснительных схем или «законов диалектики»: взаимного перехода количественных и качественных изменений, сопряжения и взаимодействия противоположностей, отрицание отрицания – как бы «внутренних механизмов» развития. Метафора развития – возносящаяся спираль (смыслы самоусложнения и самосовершенствования).

Диалектика не дает никакого приращения нового знания, помимо тривиальных утверждений о том, что развитие имеет свои основания в самом себе и имеет стадии. И мы, «применяя» диалектику, просто предопределенно найдем ее «законы» там, где ищем. Часто диалектика становится основой худшего вида догматизма, ничем не хуже античной софистики: объявляя противоречие нормой, любое указание на противоречивость своих же положений она объявляет незнанием себя, т. е. диалектики. Соответственно, ее эвристический потенциал довольно ограничен, а претензии на объяснение как физического, так и социального мира неосновательны [7, с. 18].

Вместе с тем, несомненно, работает диалектика в описаниях истории идей и теорий, когда при помощи понятий можно раскрыть их сложные отношения взаимного отрицания и преемственности. Работает она по-иному, нежели как методологическое средство, оно скорее отличное *дидактическое* средство воспитания гибкого операционального мышления, демонстрации пределов опыта – в мышлении человека: где на самом деле мысли «перетекают» друг в друга, взаимно превращаются, а идеи еще и «борются» друг с другом [8]. Очень важным является историко-философский аспект в развитии сферы самого мышления, прекрасно продемонстрированный Гегелем в его «Истории философии».

Диалектика «пострадала» в силу ее идеологического функционирования как методологической основы воинствующего утопического социального проекта. Ее резкая критика объяснима все же более диктатом и непомерными амбициями ее носителей, догматиков советско-марксистской философии. Не будь этой идеологической составляющей, никто особенно бы и не ополчился на диалектику. Это ведь одна из исторических теорий развития мысли, форма категориальной

систематизации в рамках философского универсализма, которая представляла собой яркий, грандиозный и интересный проект [9, с. 13]. Не накидываемся же мы на Платона, Плотина или Фому Аквинского, хотя их системы так же далеки от житейских реалий, как и гегелевская диалектика.

Все же диалектика – несомненно, выдающееся интеллектуальное событие истории философии. Она максимально воплощает логико-рациональные аксиомы философского универсализма (в ряду Парменида, Платона, Плотина, Спинозы). Это первая монументальная форма упорядочивания большинства имевшихся тогда в философской традиции категорий в единую систему, хотя и онтологизированная – в качестве «каркаса» сущего. Наконец, она стала удачной формой интеллектуальной демонстрации истории самого мышления: разных линий размышления, рассуждений и аргументации, выстроенных в единую генетическую последовательность.

Современное значение диалектики заключается в том, что она представляет собой лишь одну из возможных методик мыслительного моделирования (экстраполяции), знаменитый в прошлом вариант систематизации категорий. Бесспорен и опыт использования диалектики в преподавательской практике – как демонстрации внутренней самобытности мыслительной сферы и ее уникальных операциональных возможностей [3]. Особенно в жизни зрелой мысли, которая становится более динамичной, менее скованной фиксирующими условностями жесткого, удерживающего определения, свойственного мысли не культивируемой и повседневной.

Попробуем дать более формализованное определение диалектики. Она близка к своим генетически исходным операциям античной диалектики. Ее можно охарактеризовать как способ оперирования понятиями, базирующийся на последовательно осуществляемые процедуры расчленения и отождествления наших понятий. Однако, в отличие от элементарных процедур анализа и синтеза диалектика осуществляет свои процедуры в аксиоматически задаваемом континууме значений, *идеализированных допущений ее картины мира*. «Мир диалектики» – есть мир: единства во времени и целостности, направленно усложненного развития с сохранением инвариантов предшествующего. И только в таком онтологическом контексте правомерно существование «диалектических объектов».

В XX в. появляются и другие методики мыслительного моделирования. Возрастает степень их самоотчетности, они уже не гипостазировывают свою объектную среду в качестве «глубинных оснований» вселенной, сознавая ее относительность и «региональный» характер, т. е. применимость в какой-то определенно-локальной онтологической области.

Во многом пересекаются, составляя одно целое, *системный и структурный подходы*, где различия имеют уже скорее второстепенный характер. Системный подход представляется более универсальным и гибким, чем структурный, который задает часто узконаправленный фокус исследовательского внимания-объяснения «объекта» через «структуру-функцию». Возникли они в разных сферах: системный – в биологии, экономике

и теориях управления, структурный – в языкознании, социологии, экологии и этнологии.

Центральный концепт метода и одновременно матрица моделирования исследуемых объектов – понятие «системы», совокупности элементов, взаимосвязанных между собой таким образом, что возникает определенная целостность, единство.

Системный подход ориентирует исследование на раскрытие значений целостности объекта и обеспечивающих его механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину. Можно сказать о некоторых нормативах моделирования объектов как «системных» следующие [10]:

– целостность: свойства целого принципиально несводимы к сумме свойств составляющих его элементов. Специфика каждого из них зависит от определения его места и функций в системе;

– структурность: поведение системы объясняется не столько особенностями ее отдельных элементов, сколько свойствами всей ее структуры;

– контекстуальность: система формирует и проявляет свои свойства во взаимодействии со средой;

– иерархичность (принцип матрешки): каждый компонент системы – также отдельная система (подсистема), а исследуемая в данном случае система – также элемент более широкой системы;

– множественность описаний: адекватное воспроизведение в мысли сложноорганизованного объекта требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает только его определенный аспект, приближаясь совокупно к идеалу полноты репрезентации.

В основе *структурного* метода лежит экспликация значений «структуры» как совокупности отношений, инвариантных при большинстве изменений исследуемого объекта. Это не онтологический «скелет» объекта, а совокупность правил, по которым из значений одного объекта можно получить значения другого. Это не природная данность, а некое обретаемое системой идеальное качество. Здесь можно говорить о таких процедурах. Сначала надо найти в реалиях сам предмет исследования, некое множество объектов, в которых можно предполагать наличие единой структуры. Его следует разделить на множества с элементарными сегментами (частями), где типичные, повторяющиеся отношения связывают разнородные пары элементов, и выявить существенные для них реляционные свойств. На основе подобного анализа потом моделируем отношения преобразования между сегментами, систематизируем их и выстраиваем некую абстрактную структуру. В завершение формулируем теоретически возможные следствия из полученной ранее структуры.

Главное же в том, что *идеализирующие допущения* системно-структурного метода существенно отличны от допущений диалектики. Здесь исследование выстраивается на выделении абстрактных инвариантов, сохраняющихся на протяжении всего периода «жизни» данного объекта, и вообще система и структура рассматриваются изолировано, т. е., как правило, отвлекаются

от развития теоретического объекта в глобальном контексте, редуцируя важнейшее условие диалектики.

Наконец, другой вариант универсального рассмотрения мира в неких абстрактных моделях – синергетика. Ее часто позиционируют как некий синтез диалектики и системно-структурного подхода, ибо представляет она свои объекты в виде систем, находящихся в сложных изменениях. В отличие от «диалектических» объектов здесь отсутствуют внутренние биполярные конфигурации, являющиеся проявлением зрелой, упорядоченной внутренней жизни, базирующейся изначально на некотором «порядке». В «синергетических» объектах осуществляется постоянное, недетерминированное «становление».

Синергетические «изменения» интерпретируются иначе, нежели диалектические, хотя и присутствуют многие сходные признаки (качественные изменения, возникновение новых качеств). Синергетические объекты существуют в своей особой «синергетической вселенной» или соответствующим образом выстроенной картине мира. Ее идеализирующие допущения основаны на следующих предположениях.

В мировых изменениях отсутствует линейная направленность, заданная самоорганизацией; важную роль в «истории» синергетических объектов играют как регулярные законы, так и фазы нестабильности, неравновесности между сменой законов; наряду с законом и определенностью приобретают равноправный онтологический статус случайность, неопределенность; стабильное це-

лое, порядок создаются как выражение кооперативных процессов объединения всей суммы отдельных взаимодействий на уровне частей. Таким образом, в сравнении с диалектикой синергетика охватывает больший бытийный спектр изменчивости.

Универсальное мировидение не может не нести в себе неизбежных экстраполяций и онтологизаций. Имеется и здесь любопытная для философии онтологизация синергетического мировидения в отношении попытки решения традиционной проблемы соотношения духа и материи. Дух и материя, согласно одной из версий, являются двумя сторонами одной и той же медали, совпадая в мозге. Выражаясь на языке синергетики, дух является как бы параметром порядка, а нервные клетки – частями, подчиненными ему. И напротив, в результате циклической причинности коллективное поведение нервных клеток определяет параметр порядка – дух.

Итак, вышеприведенные методологии являются логиками разных картин миропонимания со своими специфическими онтологическими схемами. Они по-разному представляют свою объектную среду и способы ее существования. И от этого в итоге и зависят основные особенности их методологических стандартов – как, при помощи каких операций строить модели «диалектического», «системного» или «синергетического» миров, процессов «развития», «систем», «становления» или «эволюции» в нем.

Литература

1. Казаков Е. Ф. Двойственность человека // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 3. С. 87–93.
2. Найман Е. А., Сыров В. Н. Некоторые соображения по поводу обоснования формального реализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2. С. 38–45.
3. Крецан З. В., Мурышкин Д. Л., Невзоров Б. П., Шабашев В. А. Инновации в образовании // Вестник Кемеровского государственного университета. 2006. № 1. С. 210–212.
4. Омеличкин О. В. Теория политики (краткое содержание курса). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 183 с.
5. Кудашов В. И. Диалогичность сознания: дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 1998. 320 с.
6. Синченко Г. Ч. Субъект правового бытия: дис. ... д-ра филос. наук; Омская академия МВД РФ. Омск, 2002. 349 с.
7. Спиринов А. Д., Максимова С. Б., Мякинников С. П. Человек и его потребности. Кемерово: КузГТУ, 2003. 105 с.
8. Сыров В. Н. Тема нарратива в современной западноевропейской философии истории // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. № 7. С. 14–18.
9. Чешев В. В. Проблема познания в философии. Томск: Изд-во Том. архитектур.-строит. ун-та, 2003. 332 с.
10. Шалютин Б. С. Становление свободы: от природного к социокультурному бытию. Курган: Зауралье, 2002. 88 с.

SPECIFICITY OF SOME GENERAL METHODS OF THOUGHT MODELING: DIALECTICS, SYSTEM-STRUCTURAL APPROACH, AND SYNERGETICS

Vladimir I. Krasikov¹. @. *

¹ All-Russian State University of Justice, Building 1, 2, Azovskaya St., Moscow, Russia, 117638

@ KrasVladIv@gmail.com

Received 09.06.2018. Accepted 29.06.2018.

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-011-00075.

Keywords: methodology, methods of thought modeling, dialectics, system-structural approach, synergetic, ontological schemes, methodological requirements.

Abstract: The paper describes the features of the three general scientific methods of thought modeling: dialectics, the system-structural approach and synergetics. The author states that these methodologies represent contrasting kinds of logic presupposed by contrasting concepts of being. Different world outlooks represent the fundamentals of the world in diverse ways, which, in turn, sets the key features of their methodological standards. Realizing a similar problem, the author describes the content of special connections between the ontological schemes of these methods and their regulatory requirements for conducting research. The results have revealed some limitations and warnings. Thus, it seems that these methodologies should be applied only in those disciplines in which similar ontological schemes are used. And, on the contrary, the uncritical application of methodologies as «neutral-general scientific» leads to the erosion of one's own disciplinary ontological models. The findings can be of interest to theorists of social and human sciences.

For citation: Krasikov V. I. Spetsifika nekotorykh obshchikh metodik myslitel'nogo modelirovaniia: dialektika, sistemno-strukturnyi podkhod, sinergetika [Specificity of Some General Methods of Thought Modeling: Dialectics, System-Structural Approach, and Synergetics]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 37–41.

References

1. Kazakov E. F. Dvoistvennost' cheloveka [The duality of man]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2008): 87–93.
2. Nayman E. A., Syrov V. N. Nekotorye soobrazheniya po povodu obosnovaniya formal'nogo realizma [Some reasons about justification of formal realism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 2 (2012): 38–45.
3. Kretsan Z. V., Muryshkin D. L., Nevzorov B. P., Shabashev V. A. Innovatsii v obrazovanii [Innovation in education]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2006): 210–212.
4. Omelichkin O. V. *Teoriia politiki (kratkoe sodержanie kursa)* [Theory of Policy (course summary)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 183.
5. Kudashov V. I. *Dialogichnost' soznaniia*. Diss. doktora filos. nauk [Dialogistic consciousness. Dr. Philos. Sci. Diss.]. Krasnoyarsk, 1998, 320.
6. Sinchenko G. Ch. *Sub"ekt pravovogo bytiia*. Diss. doktora filos. nauk [Subject of legal existence. Dr. Philos. Sci. Diss.]. Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. Omsk, 2002, 349.
7. Spirin A. D., Maksiukova S. B., Miakinnikov S. P. *Chelovek i ego potrebnosti* [Man and his needs]. Kemerovo: KuzGTU, 2003, 105.
8. Syrov V. N. Tema narrativa v sovremennoi zapadnoevropeiskoi filosofii istorii [The theme of the narrative in modern Western European philosophy of history]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk state pedagogical university bulletin*, no. 7 (2000): 14–18.
9. Cheshev V. V. *Problema poznaniia v filosofii* [The problem of knowledge in philosophy]. Tomsk: Izd-vo Tom. arkhitektur.-stroit. un-ta, 2003.
10. Shalyutin B. S. *Stanovlenie svobody: ot prirodnogo k sotsiokul'turnomu bytiiu* [The emergence of freedom: from the natural to the sociocultural being]. Kurgan: Zaural'e, 2002, 88.

УДК 14:316

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ

Никита Н. Равочкин¹. @

¹ Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт, 650056, Россия, г. Кемерово, ул. Марковцева, 5
@ nickravochkin@mail.ru

Поступила в редакцию 09.06.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:
модернизация, поли-
тико-правовые инсти-
туты, политика, право,
общество.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы модернизации в связи с функционированием политико-правовых институтов. Рассматриваются теории и подходы к определению модернизации. В качестве отправной точки работы автор обращается к уже актуализированной им необходимости осовременивания социума. Модернизация общества необходима, прежде всего, по причине формирования сильного и независимо развивающегося государства за счет укрепления его сфер. Политико-правовые институты, принимая на себя ответственность, призваны разрешать возможные возникающие в жизни индивидов противоречия. Это позволяет не только сформировать образ социального государства, но и предусмотреть возможные риски, возникающие в связи с противостоянием частных и групповых интересов. Проводится обращение к российской действительности. Любое социальное развитие предполагает соответствие или несоответствие вызовам современности. Для политико-правовых институтов это означает необходимость наличия совокупности государственных органов, ее логической структуры, алгоритма действий, цикличности и взаимодействия различных ветвей властных структур. В статье учтена комплексность модернизационного процесса: любое общество должно стремиться к сохранению базовых характеристик государственного строя. Кроме этого, важно обеспечивать возможность государственного развития благодаря необходимому осовремениванию всех составляющих социальную систему элементов. В заключение указывается на внимание к развитию общественных структур и социальных элементов, предполагающих решение множества вопросов, связанных с принципами жизни и социального существования граждан.

Для цитирования: Равочкин Н. Н. Модернизация и политико-правовые институты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 42–50.

Социальные науки в настоящее время концентрируют свое внимание на эффективности практик общественного устройства. Обращение к исследованию феномена модернизации неслучайно, поскольку данный процесс, отражающий развитие общества, и сегодня характерен для большинства обществ [1]. Анализ научных работ по социогуманитарной тематике задает два больших направления в понимании процесса модернизации. Первое из них рассматривает в основном экономическую сферу общества [2–4], второе занимается изучением политико-правового поля. Принимая во внимание тот факт, что в современном обществе индивиды не всегда имеют адекватные представления о модернизации и проецируют понятийный аппарат на свое усмотрение, рассмотрим подходы, которые уточняют суть модернизации.

Корни модернизации обнаруживаются еще в социально-философских концепциях древних мыслителей (наиболее яркие примеры – теоретические построения «идеального государства», добродетельного общества). Б. А. Амонов, обращаясь к семантике понятия «модернизация», указывает не только на общеизвестные французские языковые конструкции «moderne» (современный) и «moderniser» (усовершенствовать), но и на то,

что оно «восходит к средневековому латинскому наречию «modo» (только что, сейчас, ныне, тотчас), происходящему от существительного «modus» (мера, порядок) [5]. Однако появление термина «модернизация» связывают с идеями М. Вебера [6], под которым он понимал перестройку традиционного общества, отказ от существовавших ранее ритуалов и обычаев с целью освобождения людей от сдерживающих развитие институтов [2; 7]. В XX в. веберовский смысл идей о модернизации существенно расширяется. Так, в середине прошлого столетия среди различных теорий общественного развития появляется огромное количество взглядов на модернизацию (С. Блэк, М. Вейнер, Д. Лернер, Э. Шиллз, П. Штомпка, Ш. Эйзенштадт, Д. Эптер [8]), свидетельствующих о многомерности данного феномена. Их генезис приходится на период противостояния и гонки вооружений между капиталистической и социалистической системами. Необходимость решения проблем, затрагивающих социальные изменения на макроуровне (начиная от самого осмысления новой исторической ситуации до переоценки идеологических и иных оснований, формирующих современное общество), определила популярность макросоциологического подхода к модернизации.

Плюрализм теорий указанного периода считается «классическим», поскольку, согласно идеям их представителей, модернизация становится возможной, т.к. «в результате распространения передовой техники и технологии, либеральной экономики, воспроизводства индустриальной социальной структуры и соответствующей социально-политической ориентации национальных элит развитие всего мира неизбежно пойдет по западному пути» [9]. Преодоление традиционного бытия за счет движения государств к модернизации в этих концепциях и решение проблемы формирования современного общества происходит под непосредственным влиянием более развитых стран. Поэтому сразу следует отметить, что характерными чертами модернизации являются телеологизм, а также евроцентризм и американоцентризм. Здесь уместно привести высказывание Ш. Эйзенштадта: «Исторически – модернизация это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической системы, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX в. и затем распространились на другие страны и континенты» [10].

Очевидно, что такое исключительно вестернистское понимание модернизации для современных социальных наук является крайне упрощенным, что резко снизило бы исследовательский интерес. Так, с 70–80-х гг. XX в. наступает критическое осмысление классических концепций модернизации, пересматриваются ее значение и содержание, что позволяет отметить внутреннюю эволюцию данного феномена. Не претендуя на полное описание всех особенностей, мы лишь постулируем, что в данных теориях произошел переход от простых «формальных» описаний развитых стран-эталонов модернизационного развития (преимущественно европейских и США) и их инициаций антагонистических отношений ко всему остальному миру к постепенному осознанию невозможности игнорирования всего комплекса факторов, оказывающих влияние на социальное развитие. Отход от прежней дихотомии «традиционное-современное» способствует решению целого спектра проблем и, как следствие, повышению уровня и качества жизни населения, а стране позволяет подняться на вершину общественной эволюции. Д. С. Жуков замечает, что изначально модернизационному процессу были свойственны такие характеристики, как неукоснительная эволюционность, инвариантность, детерминированность и общеобязательность. По его мнению, современный модернизационный процесс стоит рассматривать как «синергетический, поливариативный, содержащий фазовые переходы» [11].

Широкое осмысление модернизации неизбежно приводит к выводам о ее универсальном характере [12]. В одной из предыдущих работ нами было установлено, что модернизация в значении осовременивания общества или его отдельной сферы имеет достаточно высокую степень необходимости. Речь идет о том, что сегодня ее актуальность связана, прежде всего, с формированием сильного государства, форма организации которого по уровню развития обеспе-

чивает его самостоятельность [13]. Вследствие этого оно окажется способным независимо принимать решения при функционировании сфер общественной жизни и претворять их в жизнь [14]. Достижение этой цели предполагает анализ конкретных моделей развития, выявление универсальных необходимых предпосылок экономического роста, условий и тенденций общественно-политических и духовных изменений. Функции модернизации различных сфер реализуются через сформированность определенных базовых частей социума, что впоследствии окажется фундаментом для независимого развития государства. А. В. Андреев отмечает, что функции модернизации реализуются в проводимых в государстве реформах [15]. Кроме того, модернизация выполняет функцию формирования национальной безопасности страны, что позволяет организовать понимание того, кто является «своим», а кто – «чужим».

Создание сильного государства в условиях изменяющегося мира и перманентного появления новых вызовов указывает на необходимость рассмотрения проблемы модернизации практики организации государственного управления и требует своего осмысления. В ряде государств формальное отношение людей к участию в политической жизни общества приводило к отчуждению человека от политики. Похожая ситуация складывалась и в тех обществах, где наблюдалось недовольство правоприменением. Такое отчуждение граждан приводит к тому, что они начинают создавать альтернативу институтам в виде объединений на основе групповых норм, преследующих «лишь узкогрупповые интересы, не учитывая интересы общества и государства» [16].

Пересмотр содержания классических теорий модернизации и обращение к их национальным формам (учет различий в модернизации разных стран и отрицание фиксированного «центр modernity» взамен появлению нескольких «эпицентров» модернизации (Э. Тириакьян [17])) привел к тому, что современная политическая наука выделяет следующие ее виды:

- 1) эндогенная (осуществляемая на собственной основе: Европа, США);
- 2) эндогенно-экзогенная (осуществляемая на собственной основе, равно как и на основе заимствований: Греция, Россия, Турция);
- 3) экзогенная (осуществляемая на основе заимствований при отсутствии собственных оснований) [18].

Также в социальных науках выделяют «консервативное» и «либеральное» направления политической модернизации. Сторонники консервативного направления (Х. Линц, Дж. Нельсон, С. Хантингтон) главной проблемой модернизации видели противоречие «между мобилизованностью населения, его включенностью в политическую жизнь и институционализацией, наличием необходимых структур и механизмов для артикулирования и агрегирования их интересов» [5]. Представители либерального направления (Г. Алмонд, Р. Даль, Л. Пай) вкладывали в содержание модернизации «формирование открытой социальной и политической системы путем интенсификации со-

циальной мобильности и интеграции населения в политическое сообщество» [5]. Степень вовлеченности населения, их активность и способность оказывать влияние на политические процессы являются одними из ведущих критериев, свидетельствующих об успешности модернизации.

Наконец, в постсоветских государствах в условиях перехода от коммунистического тоталитарного политического режима к новой политической демократии сложилось множественное понимание процесса политической модернизации как:

- 1) демократизации развивающихся стран по западному образцу;
- 2) одновременного условия и следствия успешного социально-экономического роста стран «третьего мира»;
- 3) результата активного сотрудничества этих стран с развитыми государствами [19].

В современном мире большинство государств, согласно А. А. Джук, переходят «от политически простых к более сложным формам организации политической жизни» [20]. Аналогичное мы замечаем и в правовой сфере. Мы связываем это с возрастанием его роли в каждой сфере жизнедеятельности человека, появлении новых отраслей и объектов правового регулирования, что связано со сложностью предметной сферы новой юриспруденции и никак не может быть использовано в «упрощенных» формах, но находит отражение в стремлении найти различные подходы для решения проблем в предметной сфере. В условиях отмеченного выше кризиса отчуждения человека от политики на передний план выходит вопрос о взаимосвязи и взаимовоздействии прогресса правовой теории и практики и перспектив модернизации политической системы. Это объясняем тем, что усложнение политической системы требует «обновления» правового сознания. Однако в большинстве случаев модернизация политико-правовой системы не требует полной и коренной смены правовых норм, предполагая, скорее, их совершенствование, лишь иногда допуская их значительное изменение. В последние десятилетия многие страны мира отмечены существенными переменами в отношениях между государством и обществом. Стала меняться сама логика отношений между человеком и властью. Мы разделяем мнение Э. А. Орловой, отмечающей, что в политической сфере модернизация представляет собой движение от авторитаризма к демократическим режимам, а в правовой – переход от обычного к юридическому праву [21]. Другими словами, в теории необходимый социальный порядок достигается не с помощью централизованных институтов, а в условиях постоянного диалога между властью и населением.

Имеет смысл рассмотреть реализацию процесса осовременивания политико-правовых институтов. Политико-правовые институты, базирующиеся на ценностных установках конкретного общества и как продукты длительного взаимодействия людей [22], являются инструментами социального и культурного контроля благодаря своему нормативному характеру и способности обеспечивать соответствующую дисциплину.

Первоначально необходимо сказать, что, как правило, основанием модернизации политико-правовой системы любого общества считается идея так называемого социального государства. Актуальность данной теоретической конструкции связана с «необходимостью разрешения противоречий в общественной жизни, вызванных развитием промышленности, изменением характера собственности, разрушением общинных связей» [23, с. 210]. С. С. Пирожок отмечает, что урбанизованное общество в ходе реализации процесса урбанизации ставит перед своими гражданами возможность столкнуться с определенными социальными рисками, с которыми в одиночку и без помощи государства человеку оказалось не справиться [24]. Именно по этой причине и возникает необходимость проведения процесса осовременивания областей политики и права. В качестве рабочей гипотезы можем выдвинуть тезис, что модернизация политической и правовой сфер общества предполагает также одновременное осовременивание остальных сфер социума. Причем такая необходимость обоснована взаимным влиянием политико-правовой структуры общества, с одной стороны, и экономической, социальной и духовной сторон – с другой. Другая сторона сущности реализации процесса модернизации состоит в том, что ее успешное проведение в области политико-правовой системы позволяет (раз)решить существующие противоречия между индивидами и государством [25]. В силу того, что политико-правовая система является внешней формой выражения политических связей между людьми, особый интерес представляет роль гражданского общества в модернизации политической системы общества. Модернизация политико-правовой системы общества состоит «в формировании таких социально-экономических и политических структур, которые способствовали бы достижению социального компромисса в обществе. С этой целью социальное государство как элемент политической системы общества должно сформировать правовой механизм выявления и преодоления общественных противоречий» [23, с. 214].

Происходящие в политико-правовой сфере модернизационные процессы «ориентированы на коренной пересмотр места и роли государства в жизни общества, в том числе на переориентацию политического управления на решение основной его задачи – реализации публичных интересов» [8]. Результатом проведения процесса модернизации политико-правовых институтов становится факт принятия государства на себя ответственности за обеспечение достойного образа жизни всем членам общества, а также гарантий определенной степени свободы поведения субъектов. По своей сути государство становится социальным [26], позволяя маркировать достигнутый результат как следствие модернизационных процессов в основном за счет частных преобразований политико-правовых институтов. Несмотря на вестернистский характер тезиса Э. А. Орловой, считаем, что заслуга Запада в его создании ряда институтов (правовое регулирование, парламентаризм, разделение властей), ставшими впоследствии неким эталоном современности и обеспе-

чившими превосходство над незападными странами. Иначе говоря, наблюдаемая сегодня политико-правовая модернизация в ряде стран неизбежно содержит в себе некоторый элемент вестернизации. Отметим также, что структурные изменения (с различной долей вестернизации в зависимости от конкретного общества) можно наблюдать и в социально-экономической, и в духовной сферах. При попытках уловить логику развития западных стран появляется дополнительная сложность, задаваемая тем, что современные общества, подобные наиболее успешным, уходят от собственно модерна в постмодерн. Это приводит к тому, что в современных обществах происходит распад старых ценностей и теряется представление об их универсальности и утверждается как представление о множественности истин, так и то, что сегодня получило наименование морального релятивизма [4].

Именно такая вариативность интерпретаций приводит к тому, что социальное государство не способно должным образом выполнять свою обязанность по координации взаимодействия между субъектами социальной политики через легитимную систему процедур согласования различных интересов. В своем «социальном варианте» степень вмешательства государства в сферу частных интересов незначительна и возможна только в соответствии с закрепленной законом процедурой и в условиях легитимации явлений и событий, при которых такое вмешательство допустимо и необходимо. Закрепление понятия «социальное государство» на конституционном уровне требует не только определения, но и прояснения приоритетных направлений государственной деятельности. Так, например, поэтапное создание системы возможностей для дальнейшей модернизации российского государства должно охватить все сферы политической системы с обязательным включением гражданского общества и его институтов в этот процесс.

Помимо выделенных причин как оснований необходимости реализации модернизации имеются и некоторые другие причины проведения преобразований. Социальная практика уже упомянутой российской действительности формирует определенные требования, в соответствии с которыми развитие политико-правовых институтов, приближающееся к высокому уровню реализации их идейных конструктов, требует трансформаций не политики и права в соответствии с современным контекстом. Д. С. Горелик по этому поводу замечает, что перемены, происходящие на постсоветском пространстве, способствовали появлению новой политической и правовой системы и перераспределению властных полномочий. Подобное перераспределение полномочий «в условиях отсутствия парламентских традиций и отработанного механизма согласования интересов часто становилось причиной острых правовых и политических коллизий во взаимоотношениях законодательной и исполнительной власти» [27, с. 110]. Этот тезис в поддержку модернизации подтверждает необходимость учета роли контекста, определяющего и формирующего конкретное общество и происходящие в нем про-

цессы. Так, при обращении к развитию российской демократии мы замечаем, что в политико-правовой сфере на конституционном уровне уже закреплены современные институты. В то же время наблюдаем и воспроизводство практик предыдущего, советского периода. Д. В. Доленко делает важное замечание: «Особенно заметны различия России и развитых демократий с точки зрения слабости гражданского общества и общественного контроля за бюрократией, одним из следствий чего является беспрецедентная для стран Запада коррупция в России. Причем актуальность демократического развития признается практически всеми ведущими политическими силами страны, включая и те, которые выступают с позиции коммунистической идеологии» [28].

В этом плане имеет смысл указать на некоторые трудности, с которыми могут столкнуться социальные акторы. К таковым последствиям можно отнести существенную депопуляцию, локальные войны и глобальные конфликты, экономическую, политическую, социальную, идеологическую зависимость государств от более развитых стран [29, с. 117–119]. Это становится еще одним основанием формирования современных политико-правовых институтов в государстве, стремящихся к самостоятельной и независимой активности, а также позиционированию себя в качестве самостоятельной единицы не только в своем государстве, но и на международной арене. Реализация главного императива социального государства (приоритет соотношения «личность – государство» над прежним утилитарным подходом «общество – государство») на практике станет возможной, если в процессе политико-правовой модернизации «государство сможет отказаться от изжившего себя ценностного постулата в виде максимизации в себе функций ключевого агента реформ» [15].

Элементы политико-правовой системы в процессе реализации модернизационных процессов осуществляют функции по регулированию протекающих в социуме общественных процессов, для чего необходимо наличие совокупности государственных органов, ее логической структуры, алгоритма действий, цикличность и взаимодействие различных ветвей властных структур. Не стоит также забывать про нацеленность на эффективность выполнения поставленных задач. Поэтому трансформация институтов в виде их осовременивания влечет за собой развитие необходимых функций таких систем, замену устаревших функций на те, что отвечают духу времени и могут реализовывать себя как более эффективные. Модернизация политико-правового функционала ориентирована на содержание данной сферы реальности. Так, вся совокупность интенций этих институтов предполагает использование двух частей политико-правовой системы социума, в состав которой входят статическая и динамическая части. Как показывают Е. Е. Тонков и С. В. Масалыгина, «статическая часть механизма включает в себя правовые ограничения, правовые стимулы и предписания, а также сами источники права, в которых они содержатся. Значение статической части состоит в формализации и закреплении

идеальной модели поведения гражданина в обществе. Динамическая часть содержит комплекс правовых, социальных, идеологических, экономических и иных средств, предусмотренных для воплощения в реальное поведение людей тех моделей, которые зафиксированы в статической части» [30, с. 85]. Для исследователей это означает, что любая модернизационная деятельность, направленная на трансформацию и улучшение политико-правовых институтов, с одной стороны, жизненно обязана учитывать существующий порядок функционирования государства и общества в целом, а с другой – стремиться регламентировать поведенческую сторону человека и гражданина, что требует необходимости отвечать духу времени. Для нас это означает, что претворение в жизнь модернизационных технологий, во-первых, должно стремиться к сохранению базовых характеристик государственного строя, во-вторых, обеспечивать возможность развития государства благодаря осовремениванию составляющих социальную систему элементов.

Кроме того, упомянутые в предыдущем фрагменте нашей работы авторы отмечают, что «при этом механизм правового регулирования, выступая в качестве целого, поглощает структуры управленческих действий, методы и средства их реализации, подчиня общей логике движения» [30, с. 85]. Любая вульгаризация таких методов на практике приводит к непродуктивным социальным действиям, приводящим к последствиям, противоположным модернизации. В конечном счете, согласно Е. Е. Тонкову и С. В. Масалыгиной, любая модернизация выделенных нами сфер должна быть разумной и в то же время отчасти даже консервативной, поскольку основной целью осовременивания в области политико-правовых институтов становится стабильная и иерархически сбалансированная структура общества. В случае успеха модернизационных практик появляется возможность не просто трансформировать существующие политико-правовые институты, возникает реальная возможность вывести все возможные общественные структуры на принципиально новый уровень их развития, существования и функционирования. Также следует сказать, что в рамках социально-политических исследований значительный вес имеют наработки марксистской традиции, в рамках которой утверждается, что политика и право представляют собой элементы надстройки. В рамках идей К. Маркса и Ф. Энгельса утверждается, что надстройка испытывает на себе существенное, даже принципиальное влияние со стороны экономического базиса, но в свою очередь практически никакого обратного воздействия не оказывает [24].

В этом отношении мы можем согласиться с С. В. Тонковой, утверждающей, что к такой логике классиков марксизма необходимо относиться со значительной степенью осторожности. Политика имеет существенное влияние на существование и развитие экономических отношений, «поскольку избыточная политизация различных сторон жизни деструктурирует, дестабилизирует общество» [31, с. 208–209]. Существует негативный опыт, который «показывает, что сравнительно

легкое «разворачивание» государственности в угоду политическим амбициям и узкоэгоистическим интересам в конечном счете неизменно оборачивается болезненным и длительным возвращением к общецивилизованным началам, стабильности и равновесию в жизни общества и государства» [31, с. 208–209]. Именно по этим причинам Е. Е. Тонкова указывает на необходимость фактора преемственности и наличия политико-правовых прецедентов для реализации полноценной модернизации в области этих институтов. Такая деятельность, основанная на осовременивании данной системы общества, требует использования общецивилизационных принципов существования человека и гражданина.

По мнению автора работы, любое осовременивание политико-правовых институтов имеет под собой основу следствием всего множества. Замечаем, что политико-правовая модернизация, хоть и имеет своей целью достижение идеалов либерально-демократического общества так или иначе должна учитывать, что закрепление в политико-правовой сфере отдельных идей относительно институтов, пусть даже научно обоснованных, может быть пагубным для общества и государства. Стоит помнить, что институты всегда имеют историю. Институты, воспринимаемые извне, имеют «другую» историю, являясь итогом совместной деятельности людей в «чужом» обществе. При заимствовании политико-правовых институтов извне необходимо «учитывать концепцию лингвистической относительности и принимать во внимание, что их интернализация и легитимация в той или иной мере столкнутся с семиотически обусловленным эффектом институциональной относительности» [32]. Это может привести, например, к возникновению совсем не того института, предполагаемого изначально. Кроме этого, в последующем может не состояться его легитимация. Такие искаженные отношения приводят к обострению криминализации общества, что выражается в многочисленных нарушениях существующего правопорядка, а также ценностному нигилизму, присущему в зависимости от контекста к той или иной части государственной нравственно-культурной среды. Неспособность, как и нежелание принимать во внимание культурно-исторический контекст, «воплощенный и воспроизводимый в семантико-синтаксических и семантико-прагматических схемах собственной цивилизации», скорее всего, приведет к деформации модернизации политико-правовой системы [32]. Отметим, что непроведенная модернизация политико-правовых институтов имеет высокую вероятность того, что в обществе формируются идеалы личного обогащения и персональная «ориентация на богатство, не подкрепленная взвешенной и выверенной идеологией, и привела к таким перекосам в общественном сознании, что самыми популярными образами стали физиономии банкиров, бандитов и лавочников» [30, с. 85–86]. Причиной может стать результат, который в итоге закрепления на правовом уровне статуса определенных групп лиц приводит к тому, что в массовом сознании формируется архетип, связанный с работником той или иной сферы. Создается

положительный образ одних профессий и негативный – других.

Если подводить итоги, то мы вправе убедиться еще раз, что существует неоспоримая необходимость проведения модернизации политико-правовых институтов [13]. Жизнь современных людей постоянно подвергается различным воздействиям. Интерес к модернизации возрастает в связи с обновлением и появлением новых концепций, соответствующих реалиям современного мира, способных дать ответ на такие вопросы, как «Готово ли общество к переменам?», «Будут ли такие перемены во благо?», «К какому обществу движется конкретное государство?». Политико-правовая модернизация сегодня не может рассматриваться исключительно как синоним вестернизации [10], но в то же время не может игнорировать определение себя как движение от традиционного к существующим на конкретной территории эталонным модернистским обществам.

Одна из сторон модернизации отражена в интенциях формирования «социального государства» с обновленными современными институтами, центральная идея которого, на наш взгляд, заключена в сильной социальной политике государства, способствующей реальному снижению социальной напряженности, минимизации социального расслоения, а также гарантий определенной степени свободы поведения субъектов. Этого возможно достигнуть исключительно за счет политико-правовой системы, адаптированной под совре-

менные вызовы. Другая сторона модернизационных преобразований в области политики и права состоит в том, что на политические и правовые трансформации существенное влияние оказывают иные сферы общества. Модернизация предполагает системное обновление всего социума. Очевидно, что модернизационные процессы не происходят и не могут происходить одновременно и одинаково активно во всех сферах, однако необходимо учитывать их контекстуальные проявления. Из этого следует, что модернизацию сфер политики и права необходимо рассматривать как модернизацию общества в целом, акцентируя внимание на ее процессах и степени влияния на отдельные сферы общественной жизни. Также мы пришли к выводам, что сегодня в социальных науках проблемы модернизации политико-правовых институтов следует рассматривать в их синкретическом единстве. Политико-правовая модернизация должна учитывать не только социокультурную и институциональную динамику конкретного общества (внутренняя), но и в том числе психологические черты элит, геополитическое окружение государства и глобальные тренды (внешняя динамика). Из этого всего следует, что связь модернизации и политико-правовых институтов состоит в необходимости комплексного восприятия вопросов, связанных с развитием общественных структур и социальных элементов, что предполагает решение множества вопросов, связанных с принципами жизни и социального существования граждан.

Литература

1. Martinelli A. *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited*. World Scientific Publishing Company, 2015. 388 p.
2. Горин В. А. Технологическая модернизация и институты (теоретический аспект) // *Контентус*. 2013. № 8. С. 4–13.
3. Решетникова Е. Г. Обеспечение продовольственной безопасности и модернизация методов стратегического управления АПК // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. 2015. № 2. С. 3.
4. Черняховский С. Ф. Модернизация: противоречивость идеологического концепта и политический процесс в современной России // *Власть*. 2012. № 5. С. 9–12.
5. Амонов Б. А. Концепция модернизации в политической науке // *Наука и Мир*. 2016. Т. 2. № 2. С. 86–88.
6. Федотова В. Г. *Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт*. М.: Институт философии РАН, 2013. 221 с.
7. Weber M. *Economy and society: an outline of interpretive sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.
8. Тер-Акопьян В. А. Политико-философские характеристики концепта «модернизация» // *Экономические и гуманитарные науки*. 2015. № 6. С. 3–11.
9. Бальчиндоржиева О. Б. Философские аспекты проблемы модернизации // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2013. № 14. С. 66–71.
10. Eisenshtadt S. *Modernization: protest and change*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966. 166 p.
11. Жуков Д. С. Компьютерное моделирование «турбулентной» модернизации социально-политических институтов // *Социально-экономические явления и процессы*. 2012. № 11. С. 278–284.
12. Владимиров А. А., Чеберов С. И. Социально-философские проблемы модернизации // *Вестник Волжской государственной академии водного транспорта*. 2014. № 38. С. 68–72.
13. Равочкин Н. Н. Необходимость социально-политической модернизации // *Горизонты гуманитарного знания*. 2018. № 1. С. 37–44. DOI: <http://doi.org/10.17805/ggz.2018.1.3>.
14. Малева Т. М. Овчарова Л. Н. Социальная модернизация в России: теория, история, вызовы // *SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры*. 2009. № 10. С. 11–32.
15. Андреев А. В. Политическая модернизация и оптимальная модель социального государства в России // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 8-2. С. 20–23.

16. Караткевич А. Г. Демократизация политической системы, формирование эффективных институтов разрешения социальных противоречий – важнейшие проблемы модернизации России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-1. С. 79–81.
17. Tiryakian E. Dialectics of modernity: reenchantment and differentiation as process // Change and modernity / eds. H. Haferkamp, N. Smelser. Berkeley and L. A., 1992. P. 78–96.
18. Федотова В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27.
19. Аманбаев Б. А., Айтиева Ш. Ж. К вопросу о политической модернизации и трансформации: переход к демократии // Наука, новые технологии и инновации. 2009. № 1-2. С. 238–241.
20. Джук А. А. Политическая модернизация как сложная форма организации политической жизни // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 5. С. 81–85.
21. Орлова Э. А. Социокультурные предпосылки модернизации в России // Библиотека в эпоху перемен (философско-культурологические и информационные аспекты). 2001. Вып. 2. С. 7–42.
22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
23. Пирожок С. С. Идея социального государства как основа модернизации политико-правовой системы современного общества // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2014. С. 210–214.
24. Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. М.: Мысль, 1974. 572 с.
25. Добрынин Н. М. К вопросу о политико-правовой модернизации в государстве: правовая онтология и мышления автора по прочтении монографии проф. В. Д. Зорькина «Цивилизация права и развитие России» // Государство и право. 2015. № 8. С. 23–31.
26. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация политических институтов российской государственности // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 21–29.
27. Горелик Д. С. Институциональные предпосылки политической модернизации в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 4. С. 110–112.
28. Доленко Д. В. Модернизация и вестернизация в политической истории России // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 51–56.
29. Котолупов О. А., Хриенко П. А. Алгоритм российской модернизации. Симферополь: АРИАЛ, 2016. 139 с.
30. Тонков Е. Е., Масальгина С. В. Современная политико-правовая модернизация государственной деятельности // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 1. С. 84–86.
31. Тонкова С. В. Актуальность процесса политико-правовой модернизации государственной деятельности // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (28–29 октября 2015 г.). Рязань, 2015. С. 207–209.
32. Андрианов Н. В. Модернизация правовых институтов: проблемы методологии // Государство и право. 2013. № 6. С. 5–17.

MODERNIZATION OF POLITICAL AND LEGAL INSTITUTIONS

*Nikita N. Ravochkin*¹. @

¹ Kemerovo State Agricultural Institute, 5, Markovtseva St., Kemerovo, Russia, 650056
@nickravochkin@mail.ru

Received 09.06.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: modernization, political and legal institutions, politics, law, society.

Abstract: The article is devoted to the problem of modernization in connection with the functioning of political and legal institutions. It features some theories and approaches to the concept of modernization. As the starting point of the study, the author once again refers to the necessity of modernizing the society. Modernization of the society shapes a strong and independently developing state by strengthening all its spheres. The responsible political and legal institutions are to resolve possible contradictions arising at the personal level. This makes it possible not only to form the image of a social state, but also to envisage possible risks arising in connection with the opposition of private and group interests. The paper appeals to the current Russian reality. Any social development presupposes conformity or inconsistency to the challenges of our time. For political and legal institutions, this means a need to aggregate the state bodies, its logical

structure, its algorithm of actions, the cyclical pattern and interaction of various branches of power structures. The article takes into account the complexity of the modernization process: any society should strive to preserve the basic characteristics of the state system. In addition, it is important to ensure the possibility of state development due to the necessary modernization of all elements that make up the social system. In conclusion, attention is drawn to the development of social structures and social elements that involve solving a variety of issues related to the principles of life and the social existence of citizens.

For citation: Ravochkin N. N. Modernizatsiia i politiko-pravovye instituty [Modernization of Political and Legal Institutions]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 42–50.

References

1. Martinelli A. *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited*. World Scientific Publishing Company, 2015, 388.
2. Gorin V. A. Tekhnologicheskaiia modernizatsiia i instituty (teoreticheskii aspekt) [Technological modernization and institutes (theoretical aspect)]. *Kontentus = Contentus*, no. 8 (2013): 4–13.
3. Reshetnikova E. G. Obespechenie prodovol'stvennoi bezopasnosti i modernizatsiia metodov strategicheskogo upravleniia APK [Food security and modernization of the methods of strategic management of the agro-food complex]. *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya = Regional agrosystems: economics and sociology*, no. 2 (2015): 3.
4. Cherniakhovskii S. F. Modernizatsiia: protivorechivost' ideologicheskogo kontsepta i politicheskii protsess v sovremennoi Rossii [Modernization: the contradictoriness of the ideological concept and the political process in modern Russia]. *Vlast' = The Authority*, no. 5 (2012): 9–12.
5. Amonov B.A. Kontseptsiiia modernizatsii v politicheskoi nauke [Modernization concept in political science]. *Nauka i Mir = Science and World*, 2, no. 2 (2016): 86–88.
6. Fedotova V. G. *Sotsial'no-filosofskii analiz modernizatsii: teorii, modeli, opyt* [Socio-philosophical analysis of modernization: theory, models, experience]. Moscow: Institut filosofii RAN, 2013, 221.
7. Weber M. *Economy and society: an outline of interpretive sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978, 1469.
8. Ter-Akop'ian V. A. Politiko-filosofskie kharakteristiki kontsepta «modernizatsiia» [Political and philosophical characteristics of the concept of «modernization»]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki = Economic and humanities*, no. 6 (2015): 3–11.
9. Bal'chindorzhiava O. B. Filosofskie aspekty problemy modernizatsii [Philosophical aspects of a problem of modernization]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, no. 14 (2013): 66–71.
10. Eisenshtadt S. *Modernization: protest and change*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966, 166.
11. Zhukov D. S. Komp'yuternoe modelirovanie «turbulentnoi» modernizatsii sotsial'no-politicheskikh institutov [Computer modeling of «turbulent» modernization of social-political institutes]. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy = Social economic phenomena and processes*, no. 11 (2012): 278–284.
12. Vladimirov A. A., Cheberov S. I. Sotsial'no-filosofskie problemy modernizatsii [Socio-philosophical problems of modernization]. *Vestnik Volzhskoi gosudarstvennoi akademii vodnogo transporta = Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport*, no. 38 (2014): 68–72.
13. Ravochkin N. N. Neobkhodimost' sotsial'no-politicheskoi modernizatsii [The need for social and political modernization]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia = The Horizons of Humanities Knowledge*, no. 1 (2018): 37–44. DOI: <http://doi.org/10.17805/ggz.2018.1.3>.
14. Maleva T. M. Ovcharova L. N. Sotsial'naia modernizatsiia v Rossii: teoriia, istoriia, vyzovy [Social modernization in Russia: theory, history, challenges]. *SPERO. Sotsial'naia Politika: Ekspertiza. Rekomendatsii. Obzory = SPERO. Social Policy: Expertise. Recommendations. Reviews*, no. 10 (2009): 11–32.
15. Andreev A. V. Politicheskaiia modernizatsiia i optimal'naia model' sotsial'nogo gosudarstva v Rossii [Political modernization and optimal model of social state in Russia]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice*, no. 8-2 (2015): 20–23.
16. Karatkevich A. G. Demokratizatsiia politicheskoi sistemy, formirovanie effektivnykh institutov razresheniia sotsial'nykh protivorechii – vazhneishie problemy modernizatsii Rossii [Political system democratization, formation of effective institutions of social conflicts resolution – the most important problems of Russia modernization]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, no. 3-1 (2013): 79–81.
17. Tiryakian E. *Dialectics of modernity: reenchantment and differentiation as process. Change and modernity*. Eds. Haferkamp H., Smelser N. Berkeley and L. A., 1992, 78–96.

18. Fedotova V. G. Tipologiya modernizatsii i sposobov ikh izucheniia [Typology of Modernizations and Methods of Studying them]. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, no. 4 (2000): 3–27.
19. Amanbaev B. A., Aitieva Sh. Zh. K voprosu o politicheskoi modernizatsii i transformatsii: perekhod k demokratii [On the issue of political modernization and transformation: transition to democracy]. *Nauka, novye tekhnologii i innovatsii = Science, new technologies and innovations*, no. 1-2 (2009): 238–241.
20. Dzhuk A. A. Politicheskaiia modernizatsiia kak slozhnaia forma organizatsii politicheskoi zhizni [Political modernization – a complex form of political life organization]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Transbaikalian State University journal*, no. 5 (2012): 81–85.
21. Orlova E. A. Sotsiokul'turnye predposylki modernizatsii v Rossii [Socio-cultural preconditions for modernization in Russia]. *Biblioteka v epokhu peremen (filosofsko-kul'turologicheskie i informatsionnye aspekty) = Library in an era of change (philosophical, cultural and information aspects)*, Iss. 2 (2001): 7–42.
22. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995, 323.
23. Pirozhok S. S. Ideia sotsial'nogo gosudarstva kak osnova modernizatsii politiko-pravovoi sistemy sovremennogo obshchestva [The idea of a social state as the basis for modernizing the political and legal system of modern society]. *Modernizatsiia v Rossii: istoriia, politika, obrazovanie: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Modernization in Russia: History, Politics, Education: Proc. All-Russian Sc.-Conf. with Intern. Participation]. Saint-Petersburg, 2014, 210–214.
24. Oizerman T. I. *Formirovaniie filosofii marksizma* [The formation of the philosophy of Marxism]. Moscow: Mysl', 1974, 572.
25. Dobrynin N. M. K voprosu o politiko-pravovoi modernizatsii v gosudarstve: pravovaia ontologiya i razmyshleniia avtora po prochtenii monografii prof. V. D. Zor'kina «Tsvivilizatsiia prava i razvitie Rossii» [To the issue of political and legal development of the State: the ontology of Law and author's reflections on monograph "Civilization of Law and development of Russia" by prof. V. D. Zor'kin]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 8 (2015): 23–31.
26. Bondar' N. S. Konstitutsionnaia modernizatsiia politicheskikh institutov rossiiskoi gosudarstvennosti [Constitutional modernization of political institutions of the Russian statehood]. *Gumanitarii Iuga Rossii = Humanities of the South of Russia*, no. 2 (2015): 21–29.
27. Gorelik D. S. Institutsonal'nye predposylki politicheskoi modernizatsii v Rossii [Institutional Prerequisites for Political Modernization in Russia]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Sotsiologiya. Politologiya = Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Sociology. Politology*, 11, no. 4 (2011): 110–112.
28. Dolenko D. V. Modernizatsiia i vesternizatsiia v politicheskoi istorii Rossii [Modernization and westernization in the political development of Russia]. *Gumanitarii: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniia = Humanitarian: actual problems of the humanities and education*, no. 2 (2013): 51–56.
29. Kotolupov O. A., Khrienko P. A. *Algoritm rossiiskoi modernizatsii* [Algorithm of the Russian modernization]. Simferopol: ARIAL, 2016, 139.
30. Tonkov E. E., Masalygina S. V. Sovremennaia politiko-pravovaia modernizatsiia gosudarstvennoi deiatel'nosti [Modern political and legal modernization of state activity]. *Uchenye trudy Rossiiskoi Akademii advokatury i notariata = Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*, no. 1 (2009): 84–86.
31. Tonkova S. V. Aktual'nost' protsessa politiko-pravovoi modernizatsii gosudarstvennoi deiatel'nosti [Actuality of the process of politico-legal modernization of state activity]. *Pravo i politika: teoreticheskie i prakticheskie problemy: sbornik materialov 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina (28–29 oktiabria 2015 g.)* [Law and Politics: theoretical and practical problems: Proc. 4th Intern. Sc.-Prac. Conf. dedicated to the 100th anniversary of the Ryazan State University named after S. A. Esenin (October 28–29 2015)]. Ryazan, 2015, 207–209.
32. Andrianov N. V. Modernizatsiia pravovykh institutov: problemy metodologii [Modernization of legal institutes: problems of methodology]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, no. 6 (2013): 5–17.

УДК 342.3

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*Екатерина Б. Абакумова*^{1, 2, 3, @}

¹ Новосибирский военный институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 630114, Россия, г. Новосибирск, Ключ-Камышенское плато, 6/2

² Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

³ Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

@ civilization1981@mail.ru

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: государственная идеология, запрет государственной идеологии, конституционализм, идеологическая роль конституции.

Аннотация: В последние годы в России появляется все больше норм, в которых упоминаются явления, прямо называемые идеологиями, принимаются специальные программы по подавлению распространения экстремистских идей как факторов, угрожающих национальной безопасности страны. В научной литературе все чаще звучат сомнения в целесообразности сохранения нормы о запрете установления государственной идеологии в Конституции Российской Федерации в конституционной материи ее Основного Закона.

Целью настоящего исследования является определение правового значения государственной идеологии в Российской Федерации на основе комплексного анализа конституционно-правовых норм, характеризующих современную государственную политику в рассматриваемой сфере. Исследование осуществлено с помощью общенаучных и специальных методов познания (системный подход, анализ и синтез, сравнение и др.). В результате проведенного исследования удалось установить, что конституционный запрет государственной идеологии может и не порождать правовых последствий, поскольку термин «идеология» является вполне обходимым понятием. Автор приходит к выводу, что норма ч. 2 ст. 13 Конституции РФ о запрете установления государственной идеологии требует комплексного толкования, а в перспективе должна быть переформулирована. Практическую значимость имеет предложенная автором измененная формулировка данной конституционной нормы.

Для цитирования: Абакумова Е. Б. К вопросу правового значения государственной идеологии в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 51–57.

Идеология как социальный феномен призвана объяснять действительность и давать ей первоначальную ценностную интерпретацию, продуцировать идеалы, на базе которых формируются политические цели и средства для достижения этих целей [1, с. 14–15]. Формируя некие аксиологические постулаты, идеология претендует на закрепление или изменение существующих общественных отношений, формирование определённой модели коллективного сознания, а поэтому по своей природе имеет «публично-принудительный характер, а ее реализация, подобно общественной морали, основана на апелляции к должному» [2, с. 135]. Другими словами, основная функция идеологии – сплочение множества лиц в единую социальную группу.

В качестве одной из основ конституционного строя Российской Федерации провозглашён принцип идеологического многообразия. Гарантией идеологического многообразия выступает норма ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации о запрете провозглашения той или иной идеологии в качестве государственной или обязательной¹. Между тем сама Конституция, являясь документальным выражением «общественного договора» между государством и обществом, выступает источником определенной концепции, затрагивающей фундаментальные принципы организации государственной власти, философские основы правового статуса населения страны и каждого человека в отдельности.

¹ О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Российская газета. 2014. № 6435.

Некоторые положения как отечественной, так и зарубежных конституций имеют исключительно идеологический характер. К таковым относятся не только нормы, прямо устанавливающие ту или иную идеологию в качестве государственной или обязательной (например, социализм в Конституции Китайской Народной Республики [3, с. 209]), но и объявление главных ценностей и принципов функционирования государственной власти в стране, закрепление символики государства. Присутствие в конституциях таких постулатов демонстрирует идеальные для конкретной страны модели системы общественных отношений, форм «сцепления» устоев социума и устройства государства.

Закрепляя определенные постулаты и механизмы их реализации, конституция фактически облакает некую идеологию в нормативную форму и вводит ее в качестве официальной. Точно так же как, например, конституционный запрет частной собственности в народно-демократических республиках свидетельствует о реализации социалистической идеологии в качестве официальной государственной идеологии, так и провозглашение человека с его правами и свободами высшей ценностью, равенства всех форм собственности при защите конкуренции (ст. 2, ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 34 Конституции РФ) свидетельствуют о конституционном закреплении основанной на антропоцентризме и рыночной экономике либеральной идеологии [4, с. 7].

Положения, касающиеся вопросов идеологии, существуют и в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации. Чаще всего эти положения идентичны нормам Конституции РФ, но бывает, что они отражают специфические для региона культурологические установки. Так, например, в ст. 10 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия прослеживается влияние исторически важной для калмыцкого народа идеологии буддистской мысли: «Республика Калмыкия разделяет ответственность за существующие глобальные общечеловеческие проблемы и обязуется прилагать усилия к их разрешению в духе любви, сострадания, милосердия и прогресса, содействуя устройству мира на Земле»².

Получается, что любая конституция, независимо от наличия прямых на то указаний, заключает в своем содержании некую идеологическую концепцию. Поэтому представляется верным говорить о существовании конституционной идеологии как закреплённой в конституции системы ценностей и идей, спланивающих множество людей в единый народ и отражающих ее отношение к социальной действительности. Или же, говоря словами И. И. Кравченко, «закон – это аспект материализации господствующей идеологии и фундаментальная категория государственного суверенитета... Он сам становится

своеобразной идеологией, призванной формировать социальное единство» [5, с. 53].

Конституционная идеология Российской Федерации содержит в себе элементы самоограничения в виде конституционного принципа идеологического многообразия (ч. 1 ст. 13 Конституции РФ). Этот принцип подразумевает признание за каждым лицом идеологической и политической свободы и неприкосновенности, а равно – конкуренции идеологических концепций и политических взглядов в обществе и государстве [6, с. 3].

Смысловое ядро принципа идеологического и политического плюрализма заключается в достижении такого состояния в обществе и государстве, когда никакая идеология не получает юридического статуса официальной государственной или обязательной идеологии, а для выражения и воплощения различных политических идей и взглядов могут создаваться партии и иные общественные объединения, и все они действуют на основе закона и равны перед законом [7, с. 503].

По утверждению ряда авторов, внедрение принципа идеологического плюрализма является специфической особенностью конституций обществ, которые стремятся преодолеть наследие тоталитаризма и авторитаризма. Так, И. В. Немкевич отмечает среди таких обществ государства, образующие постсоветское пространство, которые возвели принцип идеологического многообразия в ранг основ конституционного строя (8 из 11 государств СНГ) [8, с. 271].

Принцип идеологического многообразия необходимо рассматривать в комплексе с конституционными нормами, в которых он раскрывается. В российской Конституции данный принцип реализуется посредством, прежде всего, осуществления свободы совести и вероисповедания (ст. 28), свободы мысли и слова (ст. 29), права на объединение (ст. 30). Данные конституционные регуляторы опираются на нормы международного права: Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., провозглашающую право каждого на свободу убеждений и на свободное их выражение без какого бы то ни было различия, в том числе в отношении характера политических и иных убеждений (ст. 2 и ст. 19)³; Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., закрепляющую за каждым человеком право на свободу мысли, совести и религии (ст. 9)⁴; Международный пакт 1966 г. «О гражданских и политических правах», признающий право каждого беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно выражать их (п. 1, 2 ст. 19)⁵.

Конституционные права и свободы непосредственно связаны с фундаментальным демократическим принципом – запретом на привлечение лица к юридической ответственности за его убеждения, каковы бы они ни были. Государством гарантируется равенство прав

² Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (в ред. Закона Республики Калмыкия от 29.06.2012 № 358-IV-3) // Кодекс. 2018.

³ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1995. № 67.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 Генеральной Ассамблеей ООН // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12. С. 5–11.

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Рим 04.11.1950 (изм. от 21.09.1970, 20.12.1971, 01.01.1990, 06.11.1990, 11.05.1994) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

и свобод человека и гражданина независимо от религиозных и иных убеждений, принадлежности к общественным объединениям (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ). Наказуемы могут быть только действия, которые прямо запрещены законом.

Международно-правовые стандарты в области прав человека исходят из необходимости введения ограничений прав и свобод в целях обеспечения безопасности: «всякая пропаганда войны, выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию должны быть запрещены законом»⁶.

Положения ч. 5 ст. 13 Конституции РФ устанавливают ограничение конституционного права индивидов на объединение в зависимости от антиконституционности действий и целей, а равно идеологических установок сепаратизма, экстремизма, провозглашения национальной, расовой, религиозной, социальной розни. Тем самым ограничен и идеологический плюрализм, поскольку государство пресекает распространение нарушающих единство многонационального народа России и не уважающих основные права человека идеологий.

Ст. 55 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства⁷.

Реализация этой конституционной нормы происходит в федеральном законодательстве, затрагивающем вопросы охраны правопорядка и национальной безопасности России, в том числе в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

Развитие законодательно закрепленных положений по обеспечению национальной безопасности в части противодействия распространению экстремистских идеологий происходит в указах Президента РФ (Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями национализма, фашизма и иных форм политического экстре-

мизма в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. №116 «О мерах по противодействию терроризму», Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 05 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» и др.), постановлениях Правительства РФ (Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» и др.), а также в иных правовых документах.

Среди таких документов можно выделить Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, в которой фактически объявлена идеологическая война всем не соответствующим конституционным принципам идеям: «экстремизма, национализма, ксенофобии, коррупции, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным признакам»⁸. Представляется, что борьба с идеологическими течениями может осуществляться лишь носителем альтернативной идеологии.

Сегодня ученые-правоведы различной отраслевой ориентации все чаще говорят о том, что невозможно отсутствие у государства какой бы то ни было идеологии [9–11]. Исследователи указывают на вредность конституционного запрета установления государственной идеологии или невозможность его реализации в силу утверждения об имманентности (внутренней присущности) идеологии государству [12; 13].

Как верно заметил В. С. Нерсисянц, сам «конституционализм как общегосударственная, надпартийная идеология ... не противоречит положению Конституции Российской Федерации ... Совершенно очевидно, что этот запрет относится ко всем партийным идеологиям, но никак не к конституционализму – уже в силу общегосударственной природы и общеобязательного характера самой Конституции» [14, с. 8].

В развитие данной мысли можно привести позицию О. Е. Кутафина, который, утверждая, что «отсутствие государственной как обязательной идеологии не означает, что органы государственной власти действуют независимо от каких-либо идеологических взглядов», объясняет принцип идеологического многообразия тем, что Конституция «прежде всего, исключает возможность существования в России государственной как обязательной идеологии» [15, с. 376]. Тем самым устанавливаются определённые пределы деятельности государства, а также прочих коллективных субъектов.

С. А. Авакьян отмечает, что государство всегда обладает официальной идеологией, выступающей как совокупность неких идеологических установок, касающихся, прежде всего, экономического строя; «форм

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Рим 04.11.1950 (изм. от 21.09.1970, 20.12.1971, 01.01.1990, 06.11.1990, 11.05.1994) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 20.

⁷ О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Российская газета. 2014. № 6435.

⁸ Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // Российская газета. 2015. № 6693.

осуществления власти и её распределения между соответствующими органами; положения человека в обществе и государстве; политических и социальных отношений ... по поводу собственности, труда и власти; политического режима» [7, с. 503–504]. А вот когда у официальной идеологии появляется название, которое фиксируется в конституционно-правовых актах, тогда она, по его мнению, обращается в государственную обязательную идеологию.

Получается, что государственная идеология формально вроде бы запрещена, но при этом существуют некие идеологические постулаты, которых придерживается государство. Можно выявить лишь одно правовое последствие действия ч. 2 ст. 13 Конституции РФ – норма вида «некая концепция является государственной идеологией Российской Федерации» не может действовать в России в силу противоречия основам конституционного строя Российской Федерации. То есть, по меткому замечанию академика А. С. Запесоцкого, «идеология в России – нечто, что существует, но не может быть названо своим именем» [16].

Как было показано, подобные «пределы деятельности» заключаются, по сути, лишь в запрете употребления вполне обходимого понятия «идеология» в нормативно-правовых актах. Например, данный запрет не мешает наличию в Федеральном законе № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» нормы ст. 4 о содействии воспитанию патриотизма⁹ в тех пределах, в которых патриотизм не будет называться государственной идеологией.

Само понятие «идеология» в российских конституционно-правовых и иных нормативных актах употребляется лишь в следующих основных значениях: 1) государственная идеология – норма ч. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации, запрещающая установление какой-либо идеологии в качестве государственной¹⁰; 2) обязательная идеология – в этой же части данной статьи содержится также запрет установления обязательной идеологии¹¹; 3) идеология политической партии – в преамбуле Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»¹²; 4) идеологии, угрожающие национальной безопасности – экстремизма, терроризма, фашизма, национализма, сепаратизма (Указ Президента РФ от 05 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»¹³ и др.).

В научно-практическом комментарии Конституции Российской Федерации, подготовленном сотрудниками Института государства и права РАН еще в 1997 г., обращалось внимание, что закрепление в ней запрета на государственную идеологию подразумевало, в пер-

вую очередь, право общества на конкуренцию идеологий и пресечение попытки восстановить монополию какой бы то ни было одной партии, а также покончить с практикой предоставления одной (или нескольким) из них каких-либо привилегий [17]. Однако в итоге получился запрет на поддержку государством какой-либо идеологии вообще и формальное устранение государства из поля идеологических отношений и их регулирования.

На наш взгляд, проблема заключается в самой формулировке нормы ч. 2 ст. 13 Конституции РФ. Буквально получается, что никому нельзя иметь никакую идеологию, кроме отдельно взятого человека. Но если идеология признаётся в действующем конституционно-правовом законодательстве явлением, присущим таким субъектам, как политическая партия, то невозможно, чтобы идеология не была бы обязательной, хотя бы для какого-то круга субъектов, например, для членов соответствующей политической партии.

К слову, в Конституции Республики Беларусь законодатель более обстоятельно подошел при формулировании схожей нормы – в ст. 4 этой конституции указано: «Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан». Также более удачной выглядит формулировка, использованная в ст. 15 Конституции Украины: «Никакая идеология не может признаваться государством как обязательная» [18].

Если принять во внимание этот конституционно-правовой опыт соседних государств, то можно предложить следующее изложение нормы ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: «Никакая идеология не может признаваться государством в качестве общеобязательной для граждан». То есть следует провести разграничение между запретом на государственную идеологию и запретом на установление обязательной идеологии. Государству нужна официальная идеология, но она не должна быть безальтернативной и обязательной для всех. Распространение государственной идеологии должно осуществляться наряду с другими идеологиями в условиях открытой и свободной конкуренции. Для граждан страны должна быть сохранена конституционная гарантия на добровольный и самостоятельный выбор своих убеждений, идеалов, принципов.

Мы согласны с мнением, что сегодня мир стоит в начале переходной эпохи от капиталистического миропорядка как техногенной цивилизации к гуманистическому миропорядку как антропогенной цивилизации [19, с. 247]. В наступающей новой исторической эпохе идеология гуманизма должна стать основополагающей. Основной Закон Российской Федерации пронизан прин-

⁹ Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации: Федеральный Закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (в ред. Федерального Закона от 28.12.2016 № 465-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

¹⁰ О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Российская газета. 2014. № 6435.

¹¹ Там же.

¹² О политических партиях: Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (в ред. от 05.12.2017 № 505-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

¹³ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

ципами демократии и гуманизма, которые выступают не только доктринальной основой принимаемых нормативных правовых актов, но и вектором развития российской внутренней политики во многих сферах жизни.

По утверждению авторов Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в нашей стране сейчас «происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм»¹⁴. По сути, перечисленные ценности – это квинтэссенция российской государственной идеологии, которой формально

не существует, но при этом она имеет значение фактора национальной безопасности.

В заключение можно отметить, что норма ч. 2 ст. 13 Конституции РФ о запрете установления государственной идеологии нуждается как минимум в комплексном толковании, а как максимум должна быть изменена, поскольку существующая на сегодняшний день формулировка не только вступает в диссонанс с самой Конституцией, но и не отвечает реалиям сегодняшнего мира, где все большую поддержку получают общественно опасные радикальные идеи, с которыми государство обязано вести превентивную борьбу не только на тактическом уровне поиска и уничтожения экстремистских группировок, но и на уровне долгосрочного стратегического духовно-нравственного развития нации и воспитания будущих поколений.

¹⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

Литература

1. Куньшиков С. В. Идеология в структуре политического процесса: сущность и динамика функционирования: автореф. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2006. 24 с.
2. Симонов В. А. Государственная национальная политика Российской Федерации и проблемы идеологического многообразия // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 3. С. 79–84.
3. Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3: Дальний Восток / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Норма, 2010. 1040 с.
4. Баранов П. П., Овчинников А. И. Конституционная легитимность государственной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 7. С. 3–8.
5. Кравченко И. И. Власть и общество // Власть: Очерки современной политической философии Запада / отв. ред. В. В. Мшвениерадзе. М.: Наука, 1989. С. 37–65.
6. Михайличенко И. В. Идеологическое и политическое многообразие как конституционные принципы развития партийной системы в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 248 с.
7. Авакьян С. А. Конституционное право России. М.: Норма: Инфра-М, 2010. Т. 1. 864 с.
8. Немкевич И. В. Конституционное закрепление идеологического плюрализма на постсоветском пространстве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1-1. С. 271–276.
9. Бернацкий Г. Г. Государству необходима государственная идеология // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. Т. 15. № 2. С. 4–7.
10. Куничкина Н. С. Идеологическое многообразие и запрет на государственную (обязательную) идеологию в нормах Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14. С. 8–10.
11. Радько Т. Н. Государственная идеология и идеологическая функция права // Вестник академии права и управления. 2012. № 29. С. 9–16.
12. Неверов А. Я. Государственная идеология в Российской Федерации: конституционно-правовые основания // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 4. С. 107–115.
13. Фасгиев Т. А. Современные представления об идеологической функции государства: некоторые конституционные аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 7. С. 7–11.
14. Нерсесянц В. С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2000. С. 3–9.
15. Кутафин О. Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 7. Российский конституционализм. М.: Проспект, 2011. 544 с.
16. Запесоцкий А. С. Запрет идеологии в Конституции – вредное недоразумение // Парламентская газета. 17.11.2016. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/2016/11/17/zapret-ideologii-v-konstitucii-vrednoe-nedorazumenie.html> (дата обращения: 17.04.2018).
17. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина. М.: Юрист, 1997. 716 с.
18. Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: Норма, 2001. Т. 1, 2. 824, 840 с.
19. Малицкий В. С. Идеология в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 247–251.

THE LEGAL MEANING OF THE STATE IDEOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ekaterina B. Abakumova^{1, 2, 3, @}

¹ Novosibirsk Military Institute of the Internal Troops named after Gen. I. K. Yakovlev, 6/2, Klyuch-Kamysenskoe Plateau, Novosibirsk, Russia, 630114

² Siberian Institute of Management, branch of The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, 6, Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, Russia, 630102

³ Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, Russia, 630090

@ civilization1981@mail.ru

Received 03.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: state ideology, the ban on state ideology, constitutionalism, the ideological role of the Constitution.

Abstract: New norms concerning ideologies keep emerging in Russia; special programmes have recently been adopted to suppress the spread of extremist ideas as factors threatening the country's national security. The scientific literature increasingly doubts the expediency of preserving the norm prohibiting the establishment of state ideology in the Constitution of the Russian Federation in the constitutional matter of its Basic law.

The aim of the current study is to determine the legal significance of the state ideology in the Russian Federation on the basis of a comprehensive analysis of constitutional and legal norms that characterize modern state policy in the field under consideration. The study employs general scientific and special methods of cognition (systematic approach, analysis and synthesis, comparison, etc.).

The research has revealed that the constitutional prohibition of state ideology may not produce legal consequences, since the term «ideology» is quite an elusive concept. The author concludes that Clause 2 of Article 13 of the Constitution, which prohibits the establishment of state ideology, requires a comprehensive interpretation and should be reformulated in the future. The author offers an amended formula of the constitutional norm, which adds to the practical significance of the paper.

For citation: Abakumova E. B. K voprosu pravovogo znachenii gosudarstvennoi ideologii v Rossiiskoi federatsii [The Legal Meaning of the State Ideology in the Russian Federation]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 51–57.

References

1. Kun'shchikov S. V. *Ideologiia v strukture politicheskogo protsessa: sushchnost' i dinamika funktsionirovaniia*. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Ideology in the structure of the political process: the nature and dynamics of functioning. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr.]. Ekaterinburg, 2006, 24.
2. Simonov V. A. Gosudarstvennaia natsional'naia politika Rossiiskoi Federatsii i problemy ideologicheskogo mnogoobraziia [State national policy of the Russian Federation and the problem of ideological diversity]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Vestnik of Omsk University. Series: Right*, no. 3 (2008): 79–84.
3. *Konstitutsii gosudarstv Azii. T. 3: Dal'nii Vostok* [Constitution of the Asian States. Vol. 3: Far East]. Ed. Khabrieva T. Ia. Moscow: Norma, 2010, 1040.
4. Baranov P. P., Ovchinnikov A. I. Konstitutsionnaia legitimnost' gosudarstvennoi vlasti v Rossii [Constitutional legitimacy of state power in Russia]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, no. 7 (2014): 3–8.
5. Kravchenko I. I. Vlast' i obshchestvo [Power and society]. *Vlast': Ocherki sovremennoi politicheskoi filosofii Zapada* [Power: Essays of modern political philosophy of the West]. Ed. Mshvenieradze V. V. Moscow: Nauka, 1989, 37–65.
6. Mikhailichenko I. V. *Ideologicheskoe i politicheskoe mnogoobraziie kak konstitutsionnye printsipy razvitiia partiinnoi sistemy v Rossiiskoi Federatsii*. Diss. kand. iurid. nauk [Ideological and political diversity as constitutional principles of the party system development in the Russian Federation. Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Chelyabinsk, 2011, 248.
7. Avak'ian S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow: Norma: Infra-M, vol. 1 (2010): 864.
8. Nemkevich I. V. Konstitutsionnoe zakreplenie ideologicheskogo pliuralizma na postsovetskom prostranstve [Constitutional entrenchment of ideological pluralism in the post-Soviet space]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 1-1 (2012): 271–276.
9. Bernatsky G. G. Gosudarstvu neobkhodima gosudarstvennaia ideologiia [The State requires a state ideology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi iuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, 15, no. 2 (2012): 4–7.

10. Kunichkina N. S. Ideologicheskoe mnogoobrazie i zapret na gosudarstvennuiu (obiazatel'nuiu) ideologiiu v normakh Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii [Ideological diversity and the ban on state (mandatory) ideology in the norms of the Constitution of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, no. 14 (2008): 8–10.
11. Radko T. N. Gosudarstvennaia ideologiya i ideologicheskaya funktsiya prava [State ideology and ideological function of law]. *Vestnik akademii prava i upravleniya = Bulletin of Academy of Law and Management*, no. 29 (2012): 9–16.
12. Neverov A. Ya. Gosudarstvennaia ideologiya v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovye osnovaniya [State ideology in the Russian Federation: constitutional and legal grounds]. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Vestnik of Tyumen State University. Socio-economic and legal research*, no. 4 (2016): 107–115.
13. Fasgiev T. A. Sovremennyye predstavleniya ob ideologicheskoi funktsii gosudarstva: nekotorye konstitutsionnye aspekty [Modern ideas about the ideological function of the state: some constitutional aspects]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, no. 7 (2011): 7–11.
14. Nersesiants V. S. Konstitutsionalizm kak obshchegosudarstvennaia ideologiya [Constitutionalism as a state ideology]. *Konstitutsionno-pravovaya reforma v Rossiiskoi Federatsii* [The Constitutional and legal reform in the Russian Federation]. Ed. Pivovarov Iu. S. Moscow: Izd-vo INION RAN, 2000, 3–9.
15. Kutafin O. E. *Izbrannye trudy. T. 7. Rossiiskii konstitutsionalizm* [Selected Works. Vol. 7. Russian Constitutionalism]. Moscow: Prospect, 2011, 544.
16. Zapesotskii A. S. Zapret ideologii v Konstitutsii – vrednoe nedorazumenie [Prohibition of ideology in the Constitution – harmful misunderstanding]. *Parlamentskaia gazeta = Parliamentary newspaper*, 17.11.2016. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/2016/11/17/zapret-ideologii-v-konstitucii-vrednoe-nedorazumenie.html> (accessed 17.04.2018).
17. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii. Nauchno-prakticheskii kommentarii* [Russian Constitution. Scientific and practical commentary]. Ed. Topornin B. N. Moscow: Iurist, 1997, 716.
18. *Konstitutsii gosudarstv Evropy* [The Constitution States in Europe]. Ed. Okunkov L. A. Moscow: Norma, vol. 1, 2 (2001): 824, 840.
19. Malitskii V. S. Ideologiya v sovremennoi Rossii [Ideology in modern Russia]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, iurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya = The Bulletin of the Adyghe State University: Internet Scientific Journal*, no. 2 (2012): 247–251.

УДК 340.13, 340.5

ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ МУСУЛЬМАНСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Айгуль М. Бакирова^{1, @}

¹ Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
@ aigulya_2050@mail.ru

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

мусульманское право, мусульманско-правовая культура, исламский банк, правовая система Казахстана, исламская экономическая модель.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы освоения достижений мусульманско-правовой культуры и их совместимости с общими началами казахстанской правовой системы. Выделяется религиозно-правовой фактор в развитии правовой системы Казахстана. Целью работы является понимание того факта, насколько социально оправданным является процесс внедрения правовых институтов мусульманской школы и насколько данные институты содействуют совершенствованию действующего права в Казахстане. В исследовании применяется кросс-культурный подход. Изучение процесса культурно-религиозного возрождения и его влияния на казахстанскую систему права необходимо для систематизации объективных знаний о мусульманском праве. Введение норм, регулирующих деятельность исламского банка в Закон Республики Казахстан «О банках и банковской деятельности» на территории Казахстана, стало доказательством, что юридические нормы мусульманской школы вошли в действующую нормативно-правовую базу Казахстана. Готовность государства воплотить религиозные нормы свидетельствует о том, что правовые институты исламского права социально оправданы и содействуют совершенствованию действующего права в Казахстане.

Для цитирования: Бакирова А. М. Интеграция правовых институтов мусульманской школы права в правовую систему Республики Казахстан // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 58–61.

*Нам необходимо взглянуть в прошлое, чтобы
понять настоящее и увидеть контуры будущего
Н. А. Назарбаев*

Правовая культура кочевников складывалась в Казахстане под воздействием различных факторов. Одним из таких факторов стали религиозные нормы, которые в условиях степной цивилизации не являлись решающими. Как известно, арабы вторглись на территорию Средней Азии в VII в. н. э. [1]. На современном этапе развития Казахстана ислам внедряется в различные сферы жизни народа насильственным способом. До того момента основным вероучением кочевников являлось тенгрианство. Номады, как отмечают известные исследователи кочевой цивилизации, были достаточно «слабыми» мусульманами. На это заявление можно сказать следующее: вследствие кочевого образа жизни и особого отношения к свободе ислам носил неустойчивый характер в среде степняков. Кочевников вряд ли можно было назвать фанатичными и верными мусульманами, выполнявшими все нормы шариата. Поэтому современные исследователи называют мусульманскую веру в условиях кочевой цивилизации «светский ислам». Большинство обычаев и традиций, сформировавшихся гораздо ранее, чем пришедший ислам, в эпоху тенгрианства закрепились настолько прочно, что до сих пор продолжают действовать в настоящее время наравне со светским укладом жизни. После вторжения Арабского

халифата в Среднюю Азию начался процесс переплетения обычаев и традиций кочевников с нормами шариата. Ислам в кочевой цивилизации получает своеобразное развитие и постепенно вписывается в существующую традиционную правовую систему. Советский период в истории государства и права Казахстана ознаменовывается сменой традиционного уклада новой идеологией, которая отрицает нормы обычного и мусульманского права. После развала советской системы началась эпоха возрождения обычаев и традиций, которые, пребывая в бездействии на протяжении XX в., получили свое «второе» возрождение в настоящее время. Перед Правительством Казахстана в 90-х гг. XX в. ставилась задача поиска нового государственно-правового мировоззрения. В такой период времени население страны остро нуждалось в новом идеологическом подъеме. Данный этап развития Казахстана отличался не только экономическим, но и в первую очередь идеологическим и духовным кризисом. На смену возникшей идеологической пустоты пришла новая национальная идеология. Перед государством стояла задача национальной самоидентификации с сохранением государственной самостоятельности. В противном случае государство без идеологии, основных направлений государственного и общественного развития может стать жертвой хозяйственной интернационализации, политики глобализации транснациональных корпоративных сил и ведущих мировых держав [2]. В данный момент наблюдается

процесс возврата к накопленным правовым ценностям, к истокам своей отечественной истории. Казахстанская модель государства не является идеальной, большое количество проблем присущи современной политике и экономике страны, однако характерные для данного государства факторы (царская переселенческая политика, история сосланных народов, освоение целинных и залежных земель) подталкивают к поиску своего государственного развития, где немаловажную роль играет культурно-исторический и религиозный аспекты.

Многие специалисты, государствоведы, политологи задаются вопросом о роли религии, а точнее ислама, в новой вехе развития современного Казахстана [3–7]. Ознакомившись с определенными исследованиями по альтернативам вхождения мусульманско-правовой культуры в правовую систему современного Казахстана, наметим ряд вопросов, вызывающих не только правовой, но и политический интерес: 1) как будет выглядеть процесс интеграции мусульманско-правовой культуры в правовую систему Республики Казахстан; 2) насколько необходимо вхождение мусульманско-правовой культуры или ее элементов в нынешнюю правовую систему.

По первому вопросу следует учесть: Казахстан является светским государством¹, несмотря на то, что около 70 % населения составляют мусульмане, как утверждает Духовное управление мусульман Казахстана, и из них 10 % людей², которые придерживаются неукоснительно всех норм шариата. Однако заимствование каких-либо элементов мусульманско-правовой культуры проходит иногда достаточно легко, а порой и не совсем безболезненно. Не стоит забывать – на территории современного Казахстана проживают представители около 140 различных национальностей и практикуется огромное количество конфессий.

Второй вопрос вытекает из первого: стоит ли вообще вводить в действующую правовую систему Казахстана институты, заимствованные из мусульманской системы права. Получается, действующие нормы континентальной системы права недостаточно отражают интересы населения или «не справляются» в современных реалиях. При введении каких-либо норм шариата специалисты задаются вопросом, не окажут ли религиозные правила пагубное воздействие на развитие государства и не привнесёт ли это хаос в существующую правовую систему. Процесс внедрения норм ислама уже начал свое медленное шествие в современной исторической вехе Казахстана. Большинство респондентов отвечает – внедрение

норм мусульманско-правовой культуры принесет только пользу стране. В принципе принимая, что ислам – это не чуждая Казахстану религия, и, учитывая вышеуказанный процент мусульман, такой ответ становится понятным. Однако не стоит списывать со счетов тот факт, что в основном (правоведами такое анкетирование не проводилось в Казахстане) осуществляемые опросы со стороны социологов проводились среди респондентов, которые сами исповедуют ислам и соответственно наиболее лояльно относятся к вопросам проникновения норм мусульманско-правовой культуры [8]. Опросы не проводились среди тех, кто относится к другим конфессиям, или людей, придерживающихся светского образа жизни. Что бы ответили они? Наглядно мы бы хотели продемонстрировать нормы мусульманско-правовой культуры, которые уже находятся на стадии внедрения или введены в правовую систему Казахстана.

Как было отмечено ранее, одной из составляющих казахстанской идеологии стало культурное возрождение, ярким примером которого стало возвращение и внедрение институтов мусульманского права в действующее законодательство Казахстана. 12 февраля 2009 г. Президент Республики Казахстан подписал закон³, направленный на развитие исламского финансирования и исламских банков. Казахстан является первым среди стран СНГ государством, которое приняло меры по внесению первичных изменений в гражданское законодательство в части продвижения исламского финансирования. В ряд законодательных актов Республики Казахстан, таких как Гражданский кодекс⁴, Налоговый кодекс, Закон «О банках и банковской деятельности»⁵, Закон «О рынке ценных бумаг»⁶, были внесены изменения и дополнения касательно исламской экономической модели. Кроме того, были приняты нормативные правовые документы, регулирующие деятельность исламских банков в Республике Казахстан. В 2010 г. в ежегодном Послании народу Казахстана «Новое десятилетие – новый экономический подъем – новые возможности»⁷ Президент страны Н. А. Назарбаев указал на необходимость становления Казахстана как регионального центра исламского банкинга в СНГ и Центральной Азии и вхождения в десятку ведущих финансовых центров Азии до 2020 г. В 2012 г. постановлением Правительства Республики Казахстан была утверждена «Дорожная карта развития исламского финансирования до 2020 года»⁸. Данный документ включает в себя восемь основных

¹ Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. (с изм. и доп. на 10.03.2017).

² Официальный сайт Духовного Управления Мусульман Казахстана за 2017 год. Режим доступа: <http://www.muftiyat.kz/ru> (дата обращения: 29.04.2018).

³ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам организации и деятельности исламских банков и организаций исламского финансирования. Закон Республики Казахстан от 12 февраля 2009 г. № 133-IV.

⁴ Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. № 268-ХІІІ. Режим доступа: <https://vitaminka.kz/legislation/low/334-kodeks-respubliki-kazakhstan-ot-27-dekabrya-1994-goda-268-xiii> (дата обращения: 29.04.2018).

⁵ О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан. Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 г. № 2444.

⁶ О рынке ценных бумаг. Закон Республики Казахстан от 2 июля 2003 г. № 461.

⁷ Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 29 января 2010 г. Режим доступа: <http://strategy2050.kz/pl/president/13> (дата обращения: 29.04.2018).

⁸ Об утверждении Дорожной карты развития исламского финансирования до 2020 года. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 марта 2012 г.

направлений: совершенствование законодательства; проведение информационно-разъяснительной работы; развитие исламской финансовой инфраструктуры; развитие международного сотрудничества; развитие государственного сектора; развитие рынка исламских финансовых услуг; научно-образовательная работа и работа с инвесторами.

Введение норм, регулирующих деятельность исламского банка в Закон Республики Казахстан «О банках и банковской деятельности»⁹ на территории Казахстана, стало доказательством того, что нормы мусульманского толка вошли в действующую нормативно-правовую базу страны. Банковское законодательство описывает правовое положение исламского банка, которому с религиозной точки зрения при выдаче кредита категорически запрещается взимать процент за пользование денежными средствами. Для любого верующего вне зависимости от конфессии ростовщичество – это грех. Данное правило заимствовано из норм шариата. Применение норм исламского права можно рас-

ценивать как доказательство вхождения элементов мусульманско-правовой культуры в современное банковское законодательство Казахстана. Влияние шариата на правовую культуру Казахстана до сих пор полностью и должным образом не изучено и не получило соответствующей оценки.

Готовность государства воплотить исламские религиозные нормы сегодня говорит о том, что данные правовые институты социально оправданы и содействуют совершенствованию действующего права в Казахстане. Это пример того случая, когда правила мусульманско-правовой школы претворились и стали нормой права в действующем законодательстве. Исламские финансовые институты в Казахстане становятся непревзойденным и всеобъемлющим инструментом организации общественных отношений из всех средств социального регулирования и контроля. Это стало возможным благодаря модели исламского банкинга, основанной на этических принципах ведения бизнеса.

⁹ О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан. Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 г. № 2444.

Литература

1. Гмыря Л. Б. Хазары на Кавказе // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. С. 277–295.
2. Борбасов С. М., Алияров Е. К. Приоритеты национальной идеологии Казахстана // Национальное строительство в Казахстане: проблемы и суждения. Алматы, 2009. С. 26–29.
3. Бусурманов Ж. Д. Суд биев кочевой цивилизации казахов и вопросы преемственности судебно-правовой реформы независимого Казахстана // Древний мир права казахов. Т. 10. Алматы: Жеті жарғы, 2012. С. 434–436.
4. Гумилев Л. Н., Гумилев Л. Н. Древние тюрки. В 2-х кн. / сост. А. И. Куркчи. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. Кн. 1. 480 с.
5. Становление правового государства и конституционный процесс в Республике Казахстан / ред. М. Т. Баймаханова. Алматы: КазГЮА, 2001. 287 с.
6. Сюкияйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1997. 48 с.
7. Немытина М. В. Цивилизационно-культурный подход в правоведении // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. № 4. 2017. С. 28–40.
8. Основы этических (исламских) финансов / под ред. Е. А. Байдаulet. Павлодар: Типография Сытина, 2014. 326 с.

INTEGRATION OF LEGAL INSTITUTIONS OF THE MUSLIM SCHOOL OF LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF THE KAZAKHSTAN REPUBLIC

*Aigul M. Bakirova*¹. @

¹ Peoples Friendship University of Russia, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198
@ aigulya_2050@mail.ru

Received 03.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: Islamic law, Islamic legal culture, Islamic bank, the legal system of Kazakhstan, Islamic economic model.

Abstract: The article deals with the issues of mastering the achievements of the Muslim legal culture and their compatibility with the general principles of the Kazakh legal system. The author singles out the religious and legal factor in the development of the legal system in Kazakhstan. The goal of the research is to define the degree of social justifiability of the introduction of the Muslim school is and to what extent these institutions contribute to the improvement of the existing law in Kazakhstan. The research uses a cross-cultural approach. The study of the process of cultural and religious revival and its influence on the Kazakhstani system of law is necessary for the

systematization of objective knowledge of the Muslim law. As a summing up, the article notes that the introduction of the norms regulating the activities of the Islamic Bank into the Law of the Republic of Kazakhstan «On Banks and Banking Activity» proves that the legal norms of the Muslim school has been included in the current regulatory and legal framework of Kazakhstan. The readiness of the state to implement religious norms testifies that the legal institutions of the Islamic law are socially justified and contribute to the improvement of the existing law in Kazakhstan.

For citation: Bakirova A. M. Integratsiia pravovykh institutov musul'manskoi shkoly prava v pravovuiu sistemu Respubliki Kazakhstan [Integration of Legal Institutions of the Muslim School of Law in the Legal System of the Kazakhstan Republic]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 58–61.

References

1. Gmyria L. B. Khazary na Kavkaze [Khazars in the Caucasus]. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. T. I. Narody stepnoi Evrazii v drevnosti* [History of the Tatars from ancient times in seven volumes. Vol. I. Peoples of the steppe Eurasia in antiquity]. Kazan': Rukhiiat, 2002, 277–295.
2. Borbasov S. M., Aliiarov E. K. Prioritety natsional'noi ideologii Kazakhstana [Priorities of the National Ideology of Kazakhstan]. *Natsional'noe stroitel'stvo v Kazakhstane: problemy i suzhdeniia* [National Construction in Kazakhstan: Problems and Judgments]. Almaty, 2009, 26–29.
3. Busurmanov Zh. D. Sud biev kochevoi tsivilizatsii kazakhov i voprosy preemstvennosti sudebno-pravovoi reformy nezavisimogo Kazakhstana [The court of biys of nomadic civilization of Kazakhs and the continuity issues of the judicial-legal reform of independent Kazakhstan]. *Drevnii mir prava kazakhov* [Ancient world of the rights of Kazakhs]. Almaty: Zheti zharry, vol. 10 (2012): 434–436.
4. Gumilev L. N., Gumilev L. N. *Drevnie tiurki* [Ancient Türks]. Comp. Kurkchi A. I. Moscow: Institut DI-DIK, book 1 (1999): 480.
5. *Stanovlenie pravovogo gosudarstva i konstitutsionnyi protsess v Respublike Kazakhstan* [The formation of the rule of law and the constitutional process in the Republic of Kazakhstan]. Ed. Baimakhanova M. T. Almaty: KazGUU, 2001, 287.
6. Siukiainen L. R. *Shariat i musul'mansko-pravovaia kul'tura* [Sharia and Muslim-legal culture]. Moscow: Institut gosudarstva i prava Rossiiskoi Akademii nauk, 1997, 48.
7. Nemytina M. V. Tsivilizatsionno-kul'turnyi podkhod v pravovedenii [Civilizational-cultural approach in legal studies]. *Vestnik universiteta im. O. E. Kutafina = Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, no. 4 (2017): 28–40.
8. *Osnovy eticheskikh (islamskikh) finansov* [Fundamentals of Ethical (Islamic) Finance]. Ed. Baidalet E. A. Pavlodar: Tipografiia Sytina, 2014, 326.

УДК 347.51

НЕПОИМЕНОВАННЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Михаил С. Берилло¹.@

¹ Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, 630090, Россия,
г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
@ mberillo@mail.ru

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: способы защиты гражданских прав, непоименованные способы защиты гражданских прав, специальные способы защиты гражданских прав, признаки способов защиты гражданских прав, гражданские права.

Аннотация: Статья посвящена исследованию возможности существования в гражданском праве такой категории, как «непоименованные способы защиты гражданских прав». Выбор предмета исследования обусловлен не только использованием в юридической литературе такой терминологии, но и выделением конкретных примеров способов защиты гражданских прав. Для полноты и объективности результатов исследования были выделены присущие всем способам защиты гражданских прав признаки. Далее были проанализированы категории, которые авторы относят к непоименованным способам защиты гражданских прав в целях выявления при их применении наличия нарушенных субъективных гражданских прав и возможности их восстановления с помощью того или иного явления. В статье произведена дифференциация специальных и «непоименованных» способов защиты гражданских прав. В тех случаях, когда рассматриваемые категории обладали признаками, характерными для способов защиты гражданских прав, установлена их принадлежность к специальным, а не к «поименованным» способам защиты гражданских прав.

Для цитирования: Берилло М. С. Непоименованные способы защиты гражданских прав // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 62–66.

Ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо устанавливает способы защиты гражданских прав, к которым относит, помимо прочих, иные способы, предусмотренные законом.

Таким образом, перечень способов защиты гражданских прав остается открытым в легальных пределах, т. е. отдельные способы защиты гражданских прав могут быть предусмотрены отдельными федеральными законами. О существовании непоименованных способов защиты гражданских прав можно говорить совершенно в ином значении, чем о непоименованных договорах или непоименованных способах обеспечения исполнения обязательств (п. 1 ст. 29, п. 2 ст. 429 ст. ГК РФ), в отношении которых закон предоставляет субъектам гражданских правоотношений возможность самостоятельного их установления.

М. И. Брагинский и В. В. Витрянский разделяют универсальные (общие) способы защиты гражданских прав, нашедшие закрепление в ст. 12 ГК РФ, и другие способы, указанные в законе, называя их специальными [1, с. 776–777]. Такое деление способов защиты гражданских прав представляется уместным в рамках пандектной системы российского гражданского законодательства.

Вместе с тем, кроме специальных способов защиты гражданских прав, выделяют также в цивилистической литературе и «непоименованные» способы [2; 3, с. 3].

Для того чтобы выявить прямо не названные в ст. 12 ГК РФ и в других нормативно-правовых актах правовые явления и квалифицировать их в качестве способов защиты гражданских прав, необходимо опре-

делиться с характерными для всех способов защиты гражданских прав чертами (признаками).

Закон не дает определения понятию «способы защиты гражданских прав». В литературе подходы к определению понятия способов защиты гражданских прав различны. Одни авторы делают акцент на перечислении возможных правовых целей воздействия того или иного способа защиты. Так, М. И. Брагинский и В. В. Витрянский высказывали мнение о том, что способы защиты гражданских прав представляют собой средства, установленные законом, цель которых – пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, а также его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных таким нарушением [1, с. 776]. Развивая этот подход и избегая смешения между категориями «способы защиты» и «средства защиты», Ю. Н. Андреев предлагает понимать способы защиты гражданских прав через совокупность приемов (подходов, технологий) для достижения цели гражданско-правовой защиты. Схожий подход в определении данного понятия и у М. А. Рожковой, которая считает, что способы защиты предполагают пресечение нарушения (или оспаривание) его прав и восполнение понесенных потерь, обусловленное нарушением его субъективных гражданских прав, либо сглаживание негативных последствий нарушения его прав [4, с. 244].

Д. Н. Кархалев в определении способов защиты гражданских прав отражает те признаки, которые отличают их от мер принуждения. По мнению автора, закон предусматривает способы защиты гражданских прав в исключительно «восстановительном» смысле,

автор рассматривает содержащиеся в ст. 12 ГК РФ способы как действия, направленные на приведение нарушенного права в состояние, предшествующее его нарушению [4, с. 244].

Учитывая вышеназванные подходы к определению рассматриваемой категории, в рамках настоящей статьи под способами защиты гражданских прав предлагается понимать меры правового воздействия, которые применяются в случае нарушения субъективных гражданских прав лица и направлены на их восстановление. Способы защиты реализуются в рамках охранительных правоотношений.

Если пройти в справочно-поисковых системах по гиперссылкам последнего абзаца ст. 12 ГК РФ, то к иным способам защиты гражданских прав относятся: защита личных неимущественных прав и защита исключительных прав (ст. 1251, 1252 ГК РФ); защита чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ); приостановление исполнения обязательства (п. 2 ст. 328 ГК РФ); удержание вещи (ст. 359 ГК РФ); права покупателя, получившего некачественный товар (п. 1 ст. 475 ГК РФ); право продавца приостановить передачу (п. 5 ст. 486 ГК РФ); права заказчика при пороках качества выполненных работ (п. 1 ст. 723 ГК). К способам защиты гражданских прав вполне обоснованно относят кондицию [5, с. 7] и виндикацию [6, с. 239].

На этом перечень способов защиты гражданских прав не заканчивается, в юридической литературе зачастую выделяют еще целый ряд способов защиты гражданских прав, зачастую именуя некоторые из них как «непоименованные способы защиты гражданских прав».

1. В литературе к «непоименованным» способам защиты гражданских прав относят принудительное прекращение юридического лица в результате принудительной ликвидации, реорганизации, а также в иных случаях его прекращения (п. 2 ст. 57, п. 3 ст. 61, ст. 64.2 ГК РФ) [3, с. 3; 7, с. 52].

Принудительная ликвидация юридических лиц многими авторами причисляется к способам защиты гражданских прав или даже мерам ответственности [8]. Так, разграничивая меры защиты интеллектуальных прав и меры ответственности за их нарушение, авторы отмечают, что к мерам ответственности можно также отнести принудительную ликвидацию юридического лица по основанию – нарушение исключительных прав, поскольку такая мера применяется при наличии вины нарушителя [9]. Вместе с тем ключевым критерием разграничения между вышеназванными мерами принуждения является не обязательное наличие вины нарушителя исключительных прав при привлечении его к гражданско-правовой ответственности, а наличие противоправности в его поведении.

Принудительная реорганизация также может быть отнесена к способам защиты гражданских прав. К примеру, в Законе о защите конкуренции Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – ЗоЗК) содержится два основания принудительной реорганизации юридических лиц: 1) систе-

матическое осуществление монополистической деятельности коммерческой организацией, занимающей доминирующее положение на рынке (ч. 1 ст. 38 ЗоЗК); 2) в отсутствие согласия уполномоченного (антимонопольного) органа создание коммерческой организации [10, с. 52]. Причем в рамках второго основания, имеющего восстановительный характер, реализуются меры защиты, а в рамках первого – меры ответственности за систематическое осуществление монополистической деятельности.

Таким образом, принудительное прекращение и реорганизацию юридического лица можно отнести к специальным способам защиты гражданских прав, поскольку они прямо названы в законе, их применению предшествует нарушение гражданских прав, а в результате их применения происходит восстановление нарушенных прав.

Процедура исключения из ЕГРЮЛ недействующих юридических лиц регулируется ст. 64.2 ГК РФ и ФЗ от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон № 129-ФЗ), в этих целях введен административный порядок прекращения правоспособности, ликвидации дел и имущества юридического лица при этом не осуществляется. Статья 21.1 Закона предусматривает правила исключения недействующего юридического лица из реестра, а также признаки, характеризующие юридическое лицо как недействующее: во-первых, это отсутствие вовремя сданной бухгалтерской отчетности; во-вторых, не должны производиться операции по банковским счетам организации. При этом продолжительность существования обоих признаков должна составлять более одного года [7, с. 52]. Данный пример прекращения юридических лиц нельзя отнести ни к способам защиты, ни к мерам защиты или ответственности, поскольку в его основу не положено нарушение гражданских прав (ст. 21.1 Закона № 129-ФЗ) и он не направлен на их восстановление, а имеет совершенно иную (административно-правовую) направленность.

2. Понуждение к заключению договора (ст. 445, ст. 937 ГК РФ) рассматривают в литературе как пример применения к лицу, уклоняющемуся от совершения такого действия, непоименованного способа защиты гражданских прав [2].

Представляется, что понуждение к заключению договора является частным случаем применения такого способа защиты гражданских прав, как присуждение к исполнению обязанности в натуре. Данная категория является мерой защиты субъективных гражданских прав, поскольку ее применение не предполагает возложение на нарушителя безэквивалентных имущественных лишений, характерных для привлечения к гражданско-правовой ответственности.

Судебная практика обоснованно допускает возможность применения такого способа защиты нарушенного права (иск о понуждении территориального управления к заключению договора купли-продажи земельного участка), поскольку его применение не противоречит закону и является допустимым¹ [11].

¹ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 18.08.2011 по делу № А61-1784/2010 // СПС Консультант плюс. 2018.

Таким образом, понуждение к заключению договора можно отнести к частным (специальным) проявлениям такого названного в ст. 12 ГК РФ способа защиты гражданских прав, как присуждение к исполнению обязанности в натуре. Следовательно, «непоименованным» способом защиты гражданских прав понуждение к заключению договора не является.

3. Некоторые авторы к непоименованным способам защиты гражданских прав относят компенсацию неимущественного вреда юридическим лицам [11, с. 16; 12, с. 11].

Согласно п. 11 ст. 152 ГК РФ юридические лица не могут требовать компенсации морального вреда за причинение ущерба деловой репутации, хотя действовавшая до октября 2013 г. редакция ГК РФ предусматривала подобное право.

Юридические лица пытаются обойти подобный запрет, заявляя требования о возмещении компенсации репутационного вреда (или нематериального вреда, причиненного деловой репутации). В судебной практике существуют две противоположные позиции по поводу возможности взыскания репутационного вреда [13].

Первая позиция основывается на буквальном толковании закона – «если прямо не предусмотрено законом, то невозможно», суды не могут подменять собой органы законодательной власти и изменять волю законодателя, поэтому взыскание репутационного вреда невозможно². Вторая позиция – противоположная – основывается на Определении Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав п. 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации», где сказано о возможности применения способа защиты, прямо не предусмотренного законом, иначе обратное ставило бы юридические лица, подвергшиеся умалению деловой репутации, в ситуацию необоснованной ограниченности защиты своих законных интересов [13].

Президиум ВС РФ разъяснил³, что по делам, рассмотренным после 1 октября 2013 г. (дата вступления в силу изменений в ст. 152 ГК РФ), не допускается заявление требований о компенсации морального вреда юридическими лицами.

Таким образом, действующий закон не предусматривает возможность отнесения компенсации нематериального вреда юридическими лицам не только к непоименованным способам защиты гражданских прав, но и к способам защиты гражданских прав в целом. Иное противоречило бы императивной норме ст. 12 ГК РФ, поскольку в ст. 12 ГК РФ и в иных действующих законах такого способа защиты гражданских прав, как взыскание неимущественного (репутационного) вреда, не содержится.

4. В литературе, основываясь на ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, ст. 12 и п. 2 ст. 150 ГК РФ, сделан вывод о возможности отнесения к непоименованным спо-

собам защиты чести, достоинства и деловой репутации – принесения извинения [11, с. 16].

Эмпирической основой вышеназванного подхода является вывод, содержащийся в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 (далее – Постановление): «Согласно части 3 статьи 29 Конституции Российской Федерации никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации статьей 152 ГК РФ и другими нормами законодательства не предусмотрено, поэтому суд не вправе обязывать ответчиков по данной категории дел принести истцам извинения в той или иной форме.

Вместе с тем суд вправе утвердить мировое соглашение, в соответствии с которым стороны по обоюдному согласию предусмотрели принесение ответчиком извинения в связи с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении истца, поскольку это не нарушает прав и законных интересов других лиц и не противоречит закону, который не содержит такого запрета».

Следовательно, принесение извинения, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, допустимо только в рамках заключенного ответчиком и истцом мирового соглашения.

Принесение извинения не обладает обязательными признаками способов защиты гражданских прав, поскольку с его помощью невозможно восстановление субъективных гражданских прав потерпевшего, кроме того, последним оно может быть воспринято как «новое издевательство или другое пренебрежение правами личности» [12, с. 12].

Представляется, что принесение извинения нельзя рассматривать как способ защиты гражданских прав, поскольку он не направлен на восстановление нарушенного субъективного права, а скорее, является основанием некоего освобождения от такого восстановления.

Непоименованные способы защиты гражданских прав должны быть связаны с защитой и восстановлением нарушенных прав, соответствовать общим началам и основным принципам и нормам гражданского права и не должны содержаться ни в ГК РФ, ни в иных федеральных законах. Но в таком случае возникнет противоречие с императивной нормой ст. 12 ГК РФ, однозначно устанавливающей правило о существовании способов защиты гражданских прав только в законе.

Таким образом, пока нет ни теоретических предпосылок, ни практической потребности в расширении перечня способов защиты гражданских прав до появления «непоименованных способов», а те явления, которые в юридической литературе причисляются к последним, являются либо специальными способами защиты гражданских прав, либо вообще к способам защиты гражданских прав не имеют отношения.

² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.08.2015 № Ф08-5582/2015 по делу № А63-11510/2014 // СПС Консультант плюс. 2018.

³ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

Литература

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2011. 847 с.
2. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 3. 574 с.
3. Егорова М. А. Принудительная реорганизация и ликвидация юридического лица как способ защиты гражданских прав // Гражданское право. 2017. № 1. С. 3–7.
4. Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. 416 с.
5. Кархалев Д. Н. Защита гражданско-правового интереса // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 5–7.
6. Слесарев В. Л. Экономические санкции в советском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1990. 326 с.
7. Шишмарева Т. П. Соотношение процедур ликвидации и прекращения правоспособности юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 51–55.
8. Рагулина А. В., Никитова А. А. Интеллектуальная собственность: понятие, содержание и защита. М.: Редакция «Российской газеты», 2017. Вып. 21. 176 с.
9. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 512 с.
10. Егорова М. А. Антимонопольная принудительная реорганизация: проблемы законодательного регулирования и пути его совершенствования // Актуальные вопросы современного конкурентного права / отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. Вып. 1. С. 33–54.
11. Гаврилов Е. В. Принесение извинения как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2012. № 7. С. 16–21.
12. Малеева М. Н. Возложение обязанности принести извинение как способ защиты неимущественных прав // Законодательство. 2009. № 11. С. 10–16.
13. Слесарев С. А. Деловая репутация // КонсультантПлюс. 2018.

NON-DEFINED WAYS OF CIVIL RIGHTS PROTECTION

*Mikhail S. Berillo*¹.@

¹ *Novosibirsk State National Research University, 1, Pirogova St., Novosibirsk, Russia, 630090*
@mberillo@mail.ru

Received 03.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: ways of protecting civil rights, «non-defined ways of protecting civil rights», special ways of protecting civil rights, features of ways to protect civil rights, civil rights.

Abstract: The article is devoted to the study of the category of «non-defined ways of protecting civil rights» in civil law. The choice of the research subject is conditioned not only by the use of such terminology in the legal literature, but also by the allocation of concrete examples of such ways of civil rights protection. For completeness and objectivity of the results, the author pointed out some features characteristic of all methods of civil rights protection. After that he analyzed the categories that scientists refer to as «non-defined ways of civil rights protection» in order to identify when they applied the presence of the violated subjective civil law and the possibility of its restoration. The article differentiates special and «non-defined» ways of civil rights protection. In those cases when the categories in question had the features of civil rights protection, it was established that they belonged to special ways of protecting civil rights and not to the unnamed ones.

For citation: Berillo M. S. Nepoimenovannye sposoby zashchity grazhdanskikh prav [Non-Defined Ways of Civil Rights Protection]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 62–66.

References

1. Braginskii M. I., Vitrianskii V. V. *Dogovornoe pravo. Kn. 1: Obshchie polozheniia* [Contract law. Book 1: General Provisions]. Moscow: Statut, 2011, 847.
2. *Postateinyi kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chasti vtoroi* [A commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part two]. Ed. Krasheninnikov P. V. Moscow: Statut, vol. 3 (2011): 574.

3. Egorova M. A. Prinuditel'naia reorganizatsiia i likvidatsiia iuridicheskogo litsa kak sposob zashchity grazhdanskikh prav [Compulsory reorganization and liquidation of a legal entity as a civil remedy]. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*, no. 1 (2017): 3–7.
4. Rozhkova M. A. *Sredstva i sposoby pravovoi zashchity storon kommercheskogo spora* [Means and methods of legal protection of parties to a commercial dispute]. Moscow: Volters Kluver, 2006, 416.
5. Karkhalev D. N. Zashchita grazhdansko-pravovogo interesa [Protection of civil interest]. *Rossiiskaia iustitsiia = Russian Justice*, no. 2 (2016): 5–7.
6. Slesarev V. L. *Ekonomicheskie sanktsii v sovetskom grazhdanskom prave*. Diss. doktora iurid. nauk [Economic sanctions in Soviet civil law. Dr. Jurispr. Sci. Diss.]. Sverdlovsk, 1990, 326.
7. Shishmareva T. P. Sootnoshenie protsedur likvidatsii i prekrashcheniia pravosposobnosti iuridicheskogo litsa [Ratio of procedures for liquidation and termination of legal capacity of a legal entity]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, no. 6 (2015): 51–55.
8. Ragulina A. V., Nikitova A. A. *Intellektual'naia sobstvennost': poniatie, sodержanie i zashchita* [Intellectual property: concept, content and protection]. Moscow: Redaktsiia «Rossiiskoi gazety», Iss. 21 (2017): 176.
9. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti. T. 1. Obshchie polozheniia* [Intellectual property rights. Vol. 1: General Provisions]. Ed. Novoselova L. A. Moscow: Statute, 2017, 512.
10. Egorova M. A. Antimonopol'naia prinuditel'naia reorganizatsiia: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniia i puti ego sovershenstvovaniia [Antimonopoly forced reorganization: problems of legislative regulation and ways to improve it]. *Aktual'nye voprosy sovremennogo konkurentnogo prava* [Actual issues of modern competition law]. Ed. Egorova M. A. Moscow: Iustitsinform, Iss. 1 (2017): 33–54.
11. Gavrilov E. V. Prinesenie izvineniia kak sposob zashchity chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii [Apologizing as a way to protect honor, dignity and business reputation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and economics*, no. 7 (2012): 16–21.
12. Maleina M. N. Vozlozhenie obiazannosti prinesti izvinenie kak sposob zashchity neimushchestvennykh prav [Imposing the duty to present apologies as a way to protect the non-property rights]. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, no. 11 (2009): 10–16.
13. Slesarev S. A. *Delovaia reputatsiia* [Business reputation]. ConsultantPlus, 2018.

УДК 342

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧЛЕНА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И РСФСР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Егор А. Боголюбов¹, @

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@ bogolubovegor@mail.ru

Поступила в редакцию 12.02.2018. Принята к печати 28.05.2018.

Ключевые слова: общественные организации, общества и союзы, членство, правовой статус, Российская империя, РСФСР.

Аннотация: В статье исследуется правовой статус члена общественной организации в Российской империи и в первые десятилетия становления советской власти в России. Цель исследования заключается в сравнительно-правовом анализе норм, закрепляющих правовой статус члена общественной организации на различных этапах развития отечественного государства и права. В статье сделаны выводы о том, что изменения в государственно-правовой политике отразились на правовом статусе члена общественной организации. Кроме того, отмечается различие правовых подходов к определению членства в общественной организации. Автор указывает на историческую обусловленность таких расхождений, которые были связаны с общим направлением государственно-правовой политики того или иного этапа развития Российского государства. Результаты, изложенные в работе, могут быть использованы исследователями некоммерческого сектора для всестороннего рассмотрения вопросов его становления и развития. Также результаты могут быть использованы в законодательной практике с целью совершенствования существующего правового регулирования деятельности общественных организаций.

Для цитирования: Боголюбов Е. А. Правовой статус члена общественной организации в Российской империи и РСФСР: сравнительно-правовой анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 67–70.

В настоящее время происходят существенные изменения в правовом регулировании деятельности некоммерческого сектора в Российской Федерации, изменяется роль гражданского общества, степень его участия в решении проблем всего общества. В этой связи актуальным является изучение опыта предыдущих исторических этапов нашего развития, а именно дореволюционного (начало XX в.) и советского периодов, ведь на этих этапах происходит существенное усиление роли общественных организаций в жизни страны. Во времена правления Николая II происходит становление гражданского общества в Российской империи. Членство в общественных организациях становится в начале XX в. фактом служебных биографий известных государственных деятелей [1, с. 37]. А после Октябрьской революции происходит рост сети общественных организаций, которые становятся действительно всероссийского масштаба.

С изменением роли общественных организаций в жизни страны изменяется и правовое регулирование статуса члена общественной организации. Под правовым статусом члена общественной организации следует понимать юридически закрепленное положение лица по отношению к государству и общественной организации, выраженное в его правах и обязанностях, указанных в законах и в уставе общественной организации.

Как верно отмечает Д. В. Шутько, «права и обязанности членов общественных организаций представляют собой ядро членских отношений» [2, с. 20]. Член

общественной организации обладает целым комплексом прав (например, право создавать общественные организации, право принимать участие в их деятельности, право участвовать в управлении общественной организацией и др.), а также не меньшим объемом обязанностей (платить членские взносы, соблюдать устав, бережно относиться к имуществу общественной организации и др.).

При характеристике правового статуса важно указывать и на ограничения, налагаемые государством на будущего члена общественной организации. Сами эти ограничения не формируют правового статуса, но без их характеристики его раскрытие будет недостаточно полным.

Правовой статус члена общественной организации закреплен в двух блоках правовых норм. Во-первых, это общегосударственные нормы, содержащиеся в нормативных правовых актах, действующих на территории всего государства. Это могут быть законы об общественных организациях, содержащие специальные нормы, посвященные членству, и типовые уставы, которые были характерны для советского периода. В комплексе они образуют основу для функционирования всех общественных организаций страны. Во-вторых, это уставы конкретных организаций, закрепляющие внутриорганизационный правовой статус члена. Уставы общественных организаций, будучи их основными законами, выступали ядром всех внутриорганизационных нормативных актов [3, с. 85]. Именно в их

нормах отражаются специфические черты правового статуса члена данной организации.

Правовое регулирование членства в общественной организации прошло значительный исторический путь развития. Законодательное закрепление права на объединение произошло в Манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г.¹. Но в нем содержались только декларативные положения о свободе союзов. Детальная же регламентация порядка создания и деятельности обществ и союзов была разработана во «Временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г.² Они были призваны стать логическим завершением происшедшего на протяжении XIX – начала XX вв. процесса децентрализации государственного контроля над обществами и союзами [4, с. 83].

Именно в этом документе можно впервые встретить нормы, определяющие правовой статус члена общественной организации. В ст. 5 регламентируется право создавать общества и союзы. Для этого лицу необходимо предоставить проект устава общества или союза министру или главному управляющему отдельной частью для утверждения этого устава в установленном порядке. Данное право по ходу истории будет только конкретизироваться. В Постановлении Временного Правительства «О регистрации товариществ, обществ и союзов» [5, с. 147–148] от 21 июня 1917 г. изменится регистрирующий орган (это будет окружной суд по месту нахождения правления общества или союза), детализируется, кто именно может представлять документы для регистрации. Это могут быть лица, имеющие право представления чужих дел в гражданском суде, или один из учредителей общества или союза. Предоставление таких полномочий может быть выражено в заявлении о регистрации³. Законодательство РСФСР об обществах и союзах в 20-е гг. устанавливает численный состав учредителей в 10 человек, которые и подписывают устав⁴. Регистрирующим органом в этот период времени становится НКВД и его отделы на местах.

С изменением государственного строя изменяются и требования, предъявляемые к учредителям обществ и союзов. В Российской империи не могли создавать общества и участвовать в них несовершеннолетние и учащиеся в низших и средних учебных заведениях⁵. Такое

ограничение сохраняется и в РСФСР. По Положению 1928 г. учредителями обществ не могли выступать лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста⁶. В Положении 1930 г. впервые упоминаются юношеские секции и кружки⁷. А Положение 1932 г. относит на уровень уставов решение вопроса об участии в качестве членов трудящихся, не достигших 18-летнего возраста⁸.

Таким образом, роль несовершеннолетних в общественных объединениях значительно повышается. Неслучайно это происходит во времена советской власти. Именно тогда молодежь становится активным участником общественной жизни, выступая как самостоятельный субъект политической деятельности.

Также существовали определенные ограничения права на объединения. Они проявляются в установлении неравного правового положения лиц, желающих вступить в общественные объединения. Например, учащиеся высших учебных заведений Российской империи могли вступать в общества «лишь на основаниях, особо определяемых в уставах учебных заведений»⁹.

Следующим ограничением, установленным в Российской империи и отмененным в РСФСР, было воспрещение учреждать общества лицами, находящимися за границей, если общества эти преследуют политические цели¹⁰. Из этого положения видно, что иностранцы могли создавать общества в России, но только не для достижения политических целей, т. е. не могли создавать политические партии. Постановление 1932 г. наделяет иностранцев, постоянно проживающих в пределах СССР и пользующихся правом избирать в советы, правом учреждать общества и быть их членами. Отдельно указывается, что иностранцы, проживающие за пределами СССР, принимаются в члены общества в каждом отдельном случае по постановлению органа управления обществом¹¹. Эта норма закрепились в законодательстве РСФСР для достижения мировой революции и вовлечения иностранцев в ряды советских общественных организаций.

В советском праве появляются новые категории лиц, которым запрещено создавать общества и участвовать в их деятельности. Это «лица, лишенные права избирать в советы», «лица, лишенные по суду права занятия выборных должностей в общественных организациях

¹ Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи: собрание 3-е (3 ПСЗ). СПб., 1905. Т. XXV. № 26803.

² О временных правилах об обществах и союзах: Именной Высочайший указ 4 марта 1906 г. // 3 ПСЗ. СПб., 1906. Т. XXV. № 27479

³ Сборник Постановлений Временного Правительства по кооперации. М., 1917. С. 17

⁴ О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 03.08.1922 // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1922. № 49. Ст. 622. П. 1

⁵ О временных правилах об обществах и союзах: Именной Высочайший указ 4 марта 1906 г. // 3 ПСЗ. СПб., 1906. Т. XXV. № 27479. П. 7.

⁶ Об утверждении Положения об обществах и союзах, не преследующих цели извлечения прибыли. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 06.02.1928 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1928. № 22. Ст. 157.

⁷ Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах (объединениях, клубах, ассоциациях, федерациях). Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.08.1930 // СУ РСФСР. 1930. № 44. Ст. 527.

⁸ Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.07.1932 // СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331.

⁹ О временных правилах об обществах и союзах: Именной Высочайший указ 4 марта 1906 г. // 3 ПСЗ. СПб., 1906. Т. XXV. № 27479. П. 7

¹⁰ Там же, п. 6

¹¹ Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.07.1932 // СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331. П. 4

(п. «б» ст. 31 Уголовного Кодекса РСФСР)¹² (Прим. автора: имеется в виду Уголовный кодекс 1926 г. в редакции от 16.01.1928), «граждане, лишённые избирательных прав»¹³, «лица, проявившие враждебное отношение к революционному движению пролетариата»¹⁴.

Внутриорганизационный статус члена общественной организации определяется в уставе, но минимальные требования к уставу устанавливаются на уровне законодательства. Конечно, устав может дополнить их, но если в нем нет пунктов, указанных в законе, то это может послужить основанием для отказа в регистрации.

В Российской империи в уставе обязательно указывались имена, отчества, фамилии, звания и места жительства его учредителей, порядок вступления и выбытия членов. Если же общество намерено приобретать и отчуждать недвижимость, вступать в договоры, то в его уставе дополнительно должны быть указаны размер членских взносов и порядок уплаты их, время и порядок созыва общего собрания членов и предметы его ведения.

В период деятельности Временного Правительства требования к уставу сохраняются прежние. Кроме того, добавляется, что в устав могут быть включены «постановления, определяющие отношения членов общества или союза между собой»¹⁵.

Схожие требования к уставу сохраняются в РСФСР. Впервые требование об обязательном включении в устав раздела о правах и обязанностях членов общества или союза появилось в Положении 1932 г.¹⁶

В уставах некоторых обществ могло быть предусмотрено формирование особой группы членов – почетных. Особенно это было характерно для научных обществ. На 1 января 1918 г. в Палеонтологическом обществе было 78 членов, из которых 47 членов-учредителей, 27 действительных и четыре почётных: двое рус-

ских – А. П. Карпинский и граф П. Н. Игнатьев, двое иностранных – Dr. Robert Kidston и Dr. Charles Eugene Bertrand [6, с. 89]. Стоит отметить, что почетные члены освобождаются от уплаты вступительных и ежегодных членских взносов. В РСФСР деление членов на «простых» и почетных сохраняется. Например, оно было в Педагогическом обществе РСФСР, Всесоюзном обществе филателистов, Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры, Всероссийском обществе охраны природы. Во Всесоюзном научном медицинском обществе и Всероссийском хоровом обществе почетные члены освобождались от уплаты членских взносов [7].

Во времена советской власти особое внимание уделялось партийному составу обществ. В большинстве научных обществ количество членов ВКП(б) было незначительным, хотя для власти наличие достаточного их числа в составе научного общества служило мерилом его политической лояльности [8, с. 22]. В отчёте за 1932 г. Русского палеонтологического общества впервые записано: «За истекший год несколько усилилась партийная прослойка среди членов Общества (7 вместо 5)», в 1933 г. членов партии было 9 [6, с. 90].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изменения в государственно-правовой политике отразились на правовом статусе члена общественной организации. Это сказалось, например, на возможности создавать общественные организации (разрешались только такие организации, деятельность которых не противоречила политике советской власти), в возможности участвовать в общественной организации (устанавливались законодательные ограничения, направленные на недопущение в общественные организации классово чуждых элементов советской власти).

¹² Об утверждении Положения об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 06.02.1928 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1928. № 22. Ст. 157.

¹³ Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах (объединениях, клубах, ассоциациях, федерациях). Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.08.1930 // СУ РСФСР. 1930. № 44. Ст. 527. П. 4.

¹⁴ Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.07.1932 // СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331. П. 4.

¹⁵ Сборник Постановлений Временного Правительства по кооперации. М., 1917. С. 18.


¹⁶ Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.07.1932 // СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331. П. 13.

Литература

1. Туманова А. С. Система взаимодействия публичной власти и общественных организаций в Российской империи, РСФСР и СССР: сравнительный анализ моделей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. № 1. С. 35–42.
2. Шутько Д. В. Членство в общественных организациях в СССР: Организационно-правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. 28 с.
3. Коровин В. В., Белозёров Д. А. Особенности правового регулирования статуса общественных организаций в СССР // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2013. № 2. С. 83–88.
4. Туманова А. С. Законодательство об общественных организациях России в начале XX в. // Государство и право. 2003. № 8. С. 82–86.
5. Зотова З. М. 100 лет российской многопартийности. М.: РЦОИТ, 2006. 240 с.
6. Жамойда А. И., Рожнов С. В., Алексеев А. С., Розанов А. Ю., Суяркова А. А. Столетие Палеонтологического общества России. Исторический очерк // Историко-биологические исследования. 2016. № 2. С. 83–106.

7. Уставы добровольных обществ / ред. А. И. Щиглик. М.: Юридическая литература, 1986. Ч. 1. 190 с.
8. Синельникова Е. Ф. Власть и научные общества Петрограда-Ленинграда в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.

LEGAL STATUS OF A PUBLIC ORGANIZATION MEMBER IN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE RUSSIAN SOVIET FEDERATIVE SOCIALIST REPUBLIC: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Egor A. Bogolyubov¹  ¹.@

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ bogolubovegor@mail.ru

Received 12.02.2018. Accepted 28.05.2018.

Keywords: public organizations, companies and unions, membership, legal status, Russian Empire, Russian Soviet Federative Socialist Republic.

Abstract: This article examines the legal status of a public organization member in the Russian Empire and in the first decades of the Soviet regime in Russia. The purpose of the study is a comparative legal analysis of norms stipulating the legal status of a member of the public organizations at different stages of development of the Russian state and law. The article concludes that the changes in the state and legal policy affected the legal status of a public organization member. In addition, there are differences in legal approaches to the definition of membership in a public organization. The author points to historical conditionality of such differences, which were related to the overall direction of state policy at one or another stage of development of the Russian state. The results presented in the current paper can be used by researchers of the nonprofit sector for a full consideration of the matters of its formation and development. The results can be used in the legislative practice with the aim of improving the current legal regulation of the activities of public organizations.

For citation: Bogolyubov E. A. Pravovoi status chlena obshchestvenno organizatsii v Rossiiskoi imperii i RSFSR: sravnitel'no-pravovoi analiz [Legal Status of a Public Organization Member in the Russian Empire and the Russian Soviet Federative Socialist Republic: a Comparative Legal Analysis]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 67–70.

References

1. Tumanova A. S. Sistema vzaimodeistviia publichnoi vlasti i obshchestvennykh organizatsii v Rossiiskoi imperii, RSFSR i SSSR: sravnitel'nyi analiz modelei [The system of the relationship between public authorities and voluntary associations in the Russian Empire, the RSFSR and the USSR: comparative analysis of models]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki = Tambov University Review. Series Social Sciences*, no. 1 (2017): 35–42.
2. Shutko D. V. *Chlenstvo v obshchestvennykh organizatsiiakh v SSSR: Organizatsionno-pravovye voprosy*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Membership in public organizations in the USSR: Organizational and legal issues. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 1973, 28.
3. Korovin V. V., Belozyorov D. A. Osobennosti pravovogo regulirovaniia statusa obshchestvennykh organizatsii v SSSR [Features of Regulatory Status of NGOS in the USSR]. *Izvestiia Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii i pravo = Proceedings of South-West State University*, no. 2 (2013): 83–88.
4. Tumanova A. S. Zakonodatel'stvo ob obshchestvennykh organizatsiiakh Rossii v nachale XX v. [Legislation on social formations of legal system of Russia in the beginning of XX century]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 8 (2003): 82–86.
5. Zotova Z. M. *100 let rossiiskoi mnogopartiinosti* [100 years of the Russian multi-party system]. Moscow: RTsOIT, 2006, 240.
6. Zhamoida A. I., Rozhnov S. V., Alekseev A. S., Rozanov A. Iu., Suyarkova A. A. Stoletie Paleontologicheskogo obshchestva Rossii. Istoricheskii ocherk [100 years of the Russian Paleontological Society. A Historical Survey. Short messages]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniia = Studies in the History of Biology*, no. 2 (2016): 83–106.
7. *Ustavy dobrovol'nykh obshchestv* [Charters of voluntary societies]. Ed. Shchiglik A. I. Moscow: Iuridicheskaiia literatura, part 1 (1986): 190.
8. Sinelnikova E. F. *Vlast' i nauchnye obshchestva Petrograda-Leningrada v 1920-e gody*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Power and scientific societies of Petrograd-Leningrad in the 1920s: the author's abstract. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2013, 26.

УДК 347.454

ДОГОВОР ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ

Наталья Е. Бодяк¹, @

¹ Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь, 230023, Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22
@Bonata_2002@mail.ru

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: услуги, возмездное оказание услуг, договор возмездного оказания услуг, рынок услуг, оплата оказанных услуг.

Аннотация: Статья посвящена исследованию правовой природы возмездного оказания услуг. Проводится анализ материалов судебной практики с целью выявления сложностей, с которыми сталкиваются стороны при применении данного договора. Исследование построено на сравнении белорусского и российского гражданского законодательства, опосредующего отношения по возмездному оказанию услуг. Продемонстрированы различные подходы ученых к определению предмета договора возмездного оказания услуг в целях отграничения от смежных договоров. Сделан вывод о том, что основная проблема при заключении договоров возмездного оказания услуг связана с определением предмета и иных существенных условий договора. В статье сформулирован ряд выводов и предложений, в частности, внесено предложение о включении в законодательство четкого перечня существенных условий, в целом характерных для договора возмездного оказания услуг. В целях минимизации судебных споров предлагается закрепить в законодательстве правило о том, что исполнитель вправе рассчитывать на получение дополнительного вознаграждения (гонорара) только в том случае, если обозначенный заказчиком в договоре результат оказания услуг достигнут. Результаты исследования могут быть полезны как в научной, так и в практической деятельности.

Для цитирования: Бодяк Н. Е. Договор возмездного оказания услуг: особенности заключения и исполнения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 71–76.

Круг отношений, связанных с применением договора возмездного оказания услуг, в течение последнего времени существенно расширился, это связано со стремительным развитием рынка услуг. В то же время законодательная база не претерпела существенных изменений. Авторы учебника по хозяйственному праву отмечают, что «законодательное закрепление данного соглашения на уровне указанного нормативного правового акта (прим. автора: Гражданского кодекса) произошло во время последней кодификации гражданского законодательства. Основными причинами, обусловившими его регламентацию, явились необходимость упорядочения правового нормирования обязательств по оказанию услуг, а также трансформация, диверсификация и расширение их спектра» [1, с. 215].

Правовое регулирование гражданско-правовых отношений, связанных с возмездным оказанием услуг, осуществляется нормами ст. 733–737 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК Республики Беларусь)¹. Однако указанный акт, равно как и Гражданский кодекс Российской Федерации, «не проводит четкого разграничения между услугами как объектом договорных отношений и работами, выполненными по договору подряда. А такое исключение порождает различие трактовок, в том числе и среди судей» [2].

К. М. Арсланов, анализируя правовую природу договора возмездного оказания услуг, также отмечает, что договор не кажется сложным для применения только на первый взгляд. «Однако в действительности договор вызывает многочисленные вопросы о самой его правовой сущности, о необходимости особого выделения такого договора в гражданском праве, о четких границах его практического применения» [3].

Действительно, в процессе осуществления предпринимательской (хозяйственной) деятельности субъекты хозяйствования зачастую не разграничивают договоры подряда и возмездного оказания услуг, подменяя их, а также применяют правовую конструкцию договора возмездного оказания услуг в тех случаях, когда она юридически не может быть применена, что в последующем при возникновении спорных ситуаций сопровождается проблемой правоприменения.

На практике договор возмездного оказания услуг чаще заключается, когда речь идет об осуществлении деятельности, результат которой не имеет материального выражения. Заметим, что для определенных видов деятельности вопрос с выбором договора, оформляющего отношения, не стоит: законодательство прямо устанавливает, какой договор должен быть заключен. Так, при строительстве должен заключаться

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 218-3 // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Режим доступа: <http://etalonline.by/?type=card®num=hk9800218> (дата обращения: 28.04.2018).

договор строительного подряда, при оказании юридических услуг должен заключаться договор возмездного оказания услуг. Сегодня нередки случаи применения договоров возмездного оказания услуг и в сфере приложения наемного труда. В ряде случаев, в том числе при предоставлении работы гражданам субъектами хозяйствования, возникает вопрос: следует применить договор подряда или договор возмездного оказания услуг?

Проводя разграничение между сходными договорами, ученые (Н. И. Брагинский, В. В. Витрянский и др.) обычно указывают, что результат деятельности подрядчика имеет овеществленный характер и может быть отделен от самой деятельности, в то время как главным признаком договора возмездного оказания услуг является отсутствие вещественного результата, отделимого от оказанных услуг.

В. В. Подгруша отмечает, что «регулирование услуг в гражданско-правовой сфере достигается с помощью различных договорных форм, предопределяемых, в свою очередь, видом услуги, формой выражения ее результата. Так, общепризнанным является то, что экономические отношения по оказанию материальных услуг формализуются в различных видах договоров подряда. В процессе оказания этих услуг достигается овеществленный результат. И наоборот, деятельность по оказанию нематериальных услуг трансформируется в договорные отношения по оказанию юридических, консультационных, информационных, аудиторских услуг, услуг связи, услуг по обучению и др.» [4].

Получила распространение и иная точка зрения, согласно которой предметом договора могут быть как нематериальные услуги, так и материальные, а результатом оказания услуги может являться вполне осязаемая вещь [5, с. 306].

Существенным в разграничении указанных договоров является указание на предмет договора. В соответствии со ст. 656 ГК Республики Беларусь по договору подряда подрядчик обязуется выполнить по заданию заказчика определенную работу и сдать ее результат заказчику в установленный срок, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его. Ст. 657 ГК Республики Беларусь определяет, что договор подряда заключается на изготовление или переработку (обработку) вещи либо на выполнение другой работы с передачей ее результата заказчику. Таким образом, по договору подряда ценность для заказчика представляет не столько работа, сколько ее результат. В силу ст. 733 ГК Республики Беларусь по договору возмездного оказания услуг одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Учитывая, что исполнитель не всегда может гарантировать получение конкретного, за-

ранее определенного материального (овеществленного) результата своей деятельности, определяющее значение имеет именно сам процесс совершения определенных действий или деятельности. Следовательно, в договоре возмездного оказания услуг ценностью для заказчика являются сами действия исполнителя, а не полученный в итоге результат.

Возможность применения к договору возмездного оказания услуг в соответствии со ст. 737 ГК Республики Беларусь общих положений о подряде (ст. 656–682) и положений о бытовом подряде (ст. 683–695), если это не противоречит ст. 733–736 ГК Республики Беларусь, а также особенностям предмета договора возмездного оказания услуг, не помогает разобраться в сложившейся ситуации.

Договор возмездного оказания услуг применим к отношениям по оказанию медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных, риэлтерских, туристических услуг, услуг связи, в сфере образования и иных услуг, за исключением услуг, оказываемых по договорам перевозки, транспортной экспедиции, банковского вклада (депозита), банковского счета, хранения, поручения, комиссии (п. 2 ст. 733 ГК Республики Беларусь). Данный перечень в целях законодательной экономии остается открытым и постоянно пополняется новыми видами услуг, появляющимися на рынке. Договор возмездного оказания услуг, таким образом, явление собирательное, родовое по отношению к договорам на оказание конкретных видов услуг. Характерным является наличие значительного количества специальных нормативных правовых актов, устанавливающих особенности заключения и исполнения договоров услуг конкретного вида. Так, порядок оказания аудиторских услуг определяется Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 56-3 «Об аудиторской деятельности»². Оказание юридической помощи осуществляется на основании договора на оказание юридической помощи в соответствии с Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-3 «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь»³, а также Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 22 января 2016 г. № 12 «Об утверждении Правил осуществления деятельности по оказанию юридических услуг»⁴.

Итак, основная проблема при заключении договоров возмездного оказания услуг возникает уже в момент принятия решения об оформлении отношений, связанных с выполнением работы или оказанием услуги – определение предмета и иных существенных условий договора.

По общему правилу, закрепленному в п. 1 ст. 402 ГК Республики Беларусь (п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации), договор считается за-

² Об аудиторской деятельности. Закон Республики Беларусь 12 июля 2013 г. № 56-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300056> (дата обращения: 10.04.2018).

³ Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-3 // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=H11100334#load_text_none_1_ (дата обращения: 10.04.2018).

⁴ Об утверждении Правил осуществления деятельности по оказанию юридических услуг. Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 22 января 2016 г. № 12 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/W21630710_1456779600.pdf (дата обращения: 10.04.2018).

ключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. К таковым отнесены условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Из смысла ст. 733 ГК Республики Беларусь вытекает, что в договоре возмездного оказания услуг существенным условием является исключительно условие о предмете, т.е. об определенном действии или определенной деятельности, которые должен осуществить исполнитель. Поскольку значение имеют сами действия (деятельность), то предмет договора должен быть четко определен и не должен допускать неоднозначного толкования. Таким образом, договор возмездного оказания услуг следует считать заключенным, если в нем (или в неотъемлемом приложении к нему) содержится конкретный объем услуг или четкий перечень определенных действий, которые должен совершить исполнитель.

Например, экономический суд области рассмотрел в открытом судебном заседании материалы по исковому заявлению КГАУ «Ц» (Российская Федерация, г. К.) к ОДО «С» (Республика Беларусь, г. Г.) о взыскании задолженности и расторжении договора. Как усматривается из материалов дела, стороны подписали договор, согласно которому исполнитель (ответчик по делу) обязался выполнить для заказчика (истца по делу) работы по производству видеоролика с элементами компьютерной графики согласно техническому заданию (приложение № 1), согласованному сторонами. При этом п. 1.5 договора предусмотрено, что окончательный вариант сценария и музыкальное сопровождение утверждаются обеими сторонами и являются неотъемлемой частью данного договора. Однако приложения к договору сторонами не подписывались. Представители ответчика в судебном заседании подтвердили отсутствие приложений к договору.

Таким образом, стороны, предусмотрев в договоре, что ряд существенных условий договора будет согласован ими путем подписания приложений к договору, не разработали и не подписали их. Апелляционная инстанция пришла к выводу, что сторонами не согласованы все существенные условия договора и договор является незаключенным. Тот факт, что договор является незаключенным, подтверждается и тем, что из-за несогласования сторонами существенных условий исполнить договор ответчику не представилось возможным. О наличии между сторонами разногласий по предмету договора свидетельствует переписка сторон. В результате апелляционная инстанция признала договор незаключенным и отказала в удовлетворении заявленных требований⁵.

В силу положений ст. 735 ГК Республики Беларусь цена услуг не относится к существенным условиям договора. Наименование договора «договор возмездного оказания услуг» уже содержит указание на необходимость оплаты полученного по договору, но не означает, что стороны обязаны предусмотреть в договоре точную стоимость услуг. Если цена услуг не установлена в договоре, она должна устанавливаться в соответствии с требованиями законодательства, и способ ее определения в силу ст. 737 ГК Республики Беларусь должен согласовываться с требованиями п. 1, 2 ст. 663 ГК Республики Беларусь и п. 3 ст. 394 ГК Республики Беларусь. Следовательно, цена услуг устанавливается, исходя из обычно применяемых за аналогичные работы цен с учетом необходимых расходов, понесенных сторонами. Однако в отношении отдельных видов услуг (юридических, аудиторских и др.) в специальном законодательстве делается оговорка об отнесении условия об оплате к существенным условиям договора. Так, например, в соответствии с п. 4 ст. 27 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» размер оплаты юридической помощи является существенным условием договора на оказание юридической помощи и должен быть указан в договоре путем указания фиксированной суммы гонорара и вознаграждения за позитивный результат⁶.

Обращает на себя внимание различие формулировок в аналогичных нормах ст. 735 ГК Республики Беларусь и ст. 781 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, в соответствии с п. 1 ст. 781 заказчик обязан оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг (предполагает обязательность указания сведений о цене и порядке выплат в договоре). В силу п. 1 ст. 735 ГК Республики Беларусь заказчик обязан оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, указанные в законодательстве или в договоре возмездного оказания услуг (позволяет относить условие об оплате к обычным условиям договора).

В отличие от договора купли-продажи, где цена может быть определена исходя из цены, которая взимается за аналогичные товары, продававшиеся при сравнимых обстоятельствах, в договорах возмездного оказания услуг совокупность выполненных действий (услуг) может существенно различаться. Кроме того, учитывая, что в отношениях по возмездному оказанию услуг цена включает в себя компенсацию издержек исполнителя и причитающееся ему вознаграждение, полагаем, что данное условие следует признать существенным для договора возмездного оказания услуг в целом.

Так, судебной коллегией по экономическим делам Верховного суда Республики Беларусь при рассмотрении кассационной жалобы адвоката К. установлено, что между адвокатом К. и ОАО «М» заключен

⁵ Постановление апелляционной инстанции экономического суда Гомельской области от 24 декабря 2014 г. дело № 168-15/2014/194А. Режим доступа: <http://bypravо.ru/2017/notes862/> (дата обращения: 10.04.2018).

⁶ Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-3 // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=H11100334#load_text_none_1_ (дата обращения: 10.04.2018).

договор об оказании юридической помощи адвоката. В п. 3 договора определен порядок расчетов и размер оплаты юридической помощи с указанием стоимости услуг по видам оказываемой помощи. В пп. 3.3.8. договора стороны предусмотрели, что после оказания исполнителем помощи адвоката заказчик на основании положительного результата работы выплачивает премиальное вознаграждение (гонорар) исполнителю, сумма вознаграждения может быть указана по согласованию между сторонами в акте приемки. При приемке оказания юридической помощи составлен акт приемки, в пп. 1.1. которого определены предмет договора и виды юридической помощи. Сведений о размере премиального вознаграждения (гонорара) акт приемки не содержит. В нем указана сумма оказанной юридической помощи по договоренности сторон, которая не соответствует стоимости услуг, предусмотренной п. 3 договора. На основании исследования представленных письменных доказательств суд пришел к выводу, что, поскольку размер премиального вознаграждения сторонам не был согласован, требования К. о взыскании с ОАО «М» указанной суммы долга необоснованны. Апелляционная инстанция также пришла к выводу о необоснованности требований К. По результатам рассмотрения жалобы судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь оставила постановление апелляционной инстанции без изменения, а кассационную жалобу адвоката К. без удовлетворения⁷.

Таким образом, в договоре возмездного оказания услуг следует четко определить не только стоимость каждой оказанной услуги (а не услуг в совокупности), подлежащей оплате, но и условия и размер вознаграждения, подлежащего выплате исполнителю услуги. Дополнительное вознаграждение подлежит выплате в том случае, если услуга принесла положительный эффект, на который рассчитывал заказчик, т.е. оказанная услуга соответствует определенному качеству. Глава 39 ГК Республики Беларусь не содержит указания на то, что исполнитель должен оказать услуги качественно. Учитывая, что к договору возмездного оказания услуг применяются общие положения о подряде, при отсутствии в договоре указания на качество оказываемых услуг надлежит применять соответствующую норму о качестве работ (ст. 674 ГК Республики Беларусь). В силу данной нормы, если специальное указание о качестве отсутствует в законодательстве или договоре, то качество работы определяется качеством полученного результата, который надлежит передать заказчику: «результат выполненной работы должен в момент передачи заказчику обладать свойствами, указанными в договоре или определенными обычно предъявляемыми требованиями, и в пределах разумного срока быть пригодным для установленного договором использования, а если такое использование договором не предусмотрено, – для обычного использования результата работы такого рода».

Относительно договора возмездного оказания услуг результат выполненной услуги не всегда рассматривается в качестве конечной цели договора. Стороны могут по-разному представлять себе полезный эффект оказываемых услуг. Исполнитель может рассматривать в качестве предмета договора совершение ряда предусмотренных договором действий, а заказчик – достижение того самого полезного эффекта от совершения этих действий. Так, «соответствующий договор может иметь своим предметом либо «лечение», либо «излечение». Второй договор вмещает в себя первый. По этой причине недостижение «эффекта услуги», выраженного в выздоровлении, превращает заключенный таким образом договор в обычный договор возмездного оказания услуг. В подобном договоре может содержаться условие о двойной цене, имея в виду, что в одних случаях будут оплачиваться сами действия как таковые, а в других – действия с заранее определенным положительным результатом [6].

Споры относительно качества оказанных услуг могут возникать не только в том случае, когда сторона ожидает получение полезного эффекта от оказываемых услуг. Между ООО «А» (далее – заказчик, истец) и ЧКУП «Б» (далее – исполнитель, ответчик) был заключен договор на оказание бухгалтерских услуг от 27.08.2008, в соответствии с условиями пп. 1.1, 2.6, 9.1 которого исполнитель принял обязательства по оказанию в офисе заказчика следующих услуг: консультирование заказчика в области бухгалтерского учета и налогообложения Республики Беларусь на период действия договора; составление и сдача отчетности на основании первичных бухгалтерских документов заказчика. Срок действия договора с учетом дополнительного соглашения был определен до 31.03.2010. Согласно актам сдачи-приема оказанных услуг за период по 30.09.2009 указаний на некачественное оказание услуг, замечаний по ведению ответчиком бухгалтерского учета у истца не было. Письмом от 11.11.2009 ответчик уведомил истца о расторжении договора с 01.11.2009 в одностороннем порядке в связи с неуплатой заказчиком суммы за оказанные услуги в определенном договором порядке. В письме от 27.11.2009 истец, не соглашаясь с приведенным ответчиком основанием расторжения договора, сообщил, что готов считать договор расторгнутым с 18.11.2009 при условии соблюдения процедуры приема-передачи дел и устранения выявленных привлеченной для оказания бухгалтерских услуг третьей организацией недостатков и ошибок в ведении бухгалтерского учета ответчиком.

В связи с невыполнением ответчиком требований истец 18.01.2010 заключил с ЧТУП «В» договор оказания услуг по восстановлению бухгалтерского учета. Считая, что ответчик ненадлежащим образом исполнил свои обязательства по договору на оказание бухгалтерских услуг от 27.08.2008, истец обратился в суд с требованием о взыскании с ответчика убыт-

⁷ Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 26 ноября 2015 г., дело № 309-21/2015/808А/1173К. Режим доступа: <http://bypravo.ru/2017/postanovlenie-sudebnoj-kollegii-po-ekonomicheskim-delam-verhovnogo-suda-respubliki-belarus-ot-26-11-2015-delo-n-309-21-2015-808a-1173k/> (дата обращения: 10.04.2018).

ков в виде общей стоимости услуг по восстановлению бухгалтерского учета, подлежащих оплате ЧТУП «В».

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что истцом не представлено доказательств ненадлежащего выполнения ответчиком обязательств по договору. Апелляционная инстанция, соглашаясь с выводами суда первой инстанции, также указала на то, что истцом не было принято мер по фиксации действительных недостатков, допущенных ответчиком по организации и ведению бухгалтерского учета, не была обеспечена возможность достоверного определения объективности претензий к качеству услуг, установления необходимого вида, объема и стоимости подлежащих выполнению работ. При таких обстоятельствах судебные инстанции обоснованно пришли к выводу о недоказанности истцом факта ненадлежащего выполнения ответчиком договорных обязательств, повлекших возникновение заявленных к взысканию убытков, поскольку представленные истцом доказательства не обеспечивают возможность достоверного определения объективности претензий к качеству услуг, а также возможность

установления необходимого вида, объема и стоимости подлежащих выполнению работ⁸.

Таким образом, единственным существенным условием договора возмездного оказания услуг является условие о предмете. Однако в силу специфики предмета данного договора сторонам надлежит согласовать в договоре не только перечень действий, которые должен совершить исполнитель, но и ожидаемый заказчиком результат (полезный эффект), и условие о цене.

В отличие от договора подряда, где заказчик четко представляет себе требования к результату работ, в договоре оказания услуг конечный результат имеет предположительный характер либо вовсе отсутствует. Поэтому во избежание судебных споров предлагаем обязательное закрепление в законодательстве следующего положения: если заказчик при заключении договора указал, что рассчитывает на конкретный результат (полезный эффект) от оказанных услуг, то исполнитель вправе рассчитывать на получение дополнительного вознаграждения (гонорара) только в том случае, если договор исполнен надлежащим образом и такой результат в процессе оказания услуг достигнут.

⁸ Постановление кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 15 июля 2010 г., дело № 77-8/2010/614К // Информационно-правовая система Нормативка.by. Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500149373> (дата обращения: 10.04.2018).

Литература

1. Хозяйственное право / под ред. Т. А. Сигаевой. Минск: БГЭУ, 2011. 508 с.
2. Арнаутова С. С. Соотношение договоров подряда и возмездного оказания услуг в гражданском праве // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 200–202.
3. Арсланов К. М. Договор возмездного оказания услуг в системе гражданско-правовых договоров // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 70–75.
4. Подгруша В. В. Характеристика договора возмездного оказания услуг и его отличие от трудового договора // Отдел кадров. 2004. № 10. Режим доступа: <https://otdelkadrov.by/number/2004/10/428/> (дата обращения: 10.04.2018).
5. Гражданское право. Ч. 2. Обязательственное право / под ред. В. В. Залесского. М.: Восточный экспресс, 1998. 656 с.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2011. 1058 с.

SERVICES AGREEMENT: CONCLUSION AND EXECUTION

Nataliya E. Badziak^{1, @}

¹ Yanka Kupala State University of Grodno, 22, Ozhesko, Grodno, Belarus, 230023

@ Bonata_2002@mail.ru

Received 03.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: services, fee-based services, services agreement, the market of services, payment of the rendered services.

Abstract: The research features the legal nature of fee-based services. The author has analyzed jurisprudence materials to identify the difficulties which the parties face at application of such a contract. The research compares the Belarusian and Russian civil legislation connected with fee-based services. The article describes various approaches to the definition of the subject of a fee-based service contract and demonstrates its difference from other adjacent contracts. The conclusion is drawn that the main problem connected with fee-based services agreements is related with the definition of its subject and other essential terms. The author claims that an accurate list of essential conditions should be included in the legislation. To minimize lawsuits, it is offered to legitimize

the rule that the performer maintains the right for a bonus (extra fee) only if the result of the service, designated by the customer in the contract, has been achieved. The research results can be useful both for legal science and practice.

For citation: Badziak N. E. Dogovor vozmeznogo okazaniia uslug: osobennosti zakliucheniia i ispolneniia [Services Agreement: Conclusion and Execution]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 71–76.

References

1. *Khoziaistvennoe pravo* [Economic law]. Ed. Sigaeva T. A. Minsk: BGEU, 2011, 508.
2. Arnautova S. S. Sootnoshenie dogovorov podriada i vozmeznogo okazaniia uslug v grazhdanskom prave [The parity of contracts of the contract and paid rendering of services in the civil law]. *Molodoi uchenyi = The Young scientist*, no. 8 (2012): 200–202.
3. Arslanov K. M. Dogovor vozmeznogo okazaniia uslug v sisteme grazhdansko-pravovykh dogovorov [Contract for paid provision of services in the system of civil law contracts]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of economy, the law and sociology*, no. 1 (2007): 70–75.
4. Podgrusha V. V. Kharakteristika dogovora vozmeznogo okazaniia uslug i ego otlichie ot trudovogo dogovora [Characteristics of the contract for paid provision of services and its difference from the employment contract]. *Otdel kadrov = Human Resources Department*, no. 10 (2004). Available at: <https://otdelkadrov.by/number/2004/10/428/> (accessed 10.04.2018).
5. *Grazhdanskoe pravo. Ch. 2. Obiazatel'stvennoe pravo* [Civil law. Part 2. Obligations]. Ed. Zalesskii V. V. Moscow: Vostochnyi ekspress, 1998, 656.
6. Braginskii M. I., Vitrianskii V. V. *Dogovornoe pravo. Kn. 3: Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug* [Contract Law. Book. 3: Agreements on performance of works and rendering of services]. Moscow: Statut, 2011, 1058.

УДК 343.815

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ЛАГЕРЯ И ИНЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Николина Грбич-Павлович¹.@

¹ Управление полицейской подготовки Министерства внутренних дел Республики Сербской, 78000, Босния и Герцеговина, г. Баня-Лука, б-р Воеводы Живоина Мишича, 10а

@nikolinagrbc@blic.net

Поступила в редакцию 16.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: исправительные лагеря, несовершеннолетние правонарушители, калифорнийские модели.

Аннотация: Статья посвящена североамериканскому опыту обращения с несовершеннолетними правонарушителями в условиях исправительных лагерей. В подобного рода специальных учреждениях в отношении подростков реализуются военизированные программы индивидуальной профилактики, предполагающие строгую дисциплину, интенсивные занятия и тяжёлый труд. Такой подход к молодым преступникам получил широкую популярность как среди политиков, так и в обществе. Основное внимание в работе уделено пробационным лагерям и ранчо, действующим на территории штата Калифорния. На примере конкретных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей показаны особенности традиционной и миссурийской моделей, модели дикой природы, а также военизированных лагерей как в плане установленного в них режима, так и в плане реализуемых ими образовательных, терапевтических, реабилитационных, культурно-досуговых и прочих мероприятий. Приводятся аргументы и сторонников, и противников системы лагерей для несовершеннолетних как альтернативы тюремному заключению. Предлагаются меры по совершенствованию ювенального уголовного законодательства в Боснии и Герцеговине, в частности введение в качестве альтернативного наказания для данной категории осуждённых помещения в закрытые специализированные учреждения, аналогичные североамериканским лагерям, с учётом региональной специфики.

Для цитирования: Грбич-Павлович Н. Исправительные лагеря и иные специальные учреждения для несовершеннолетних // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 77–85.

Идея создания исправительных лагерей для лиц, совершивших преступления, распространяется в Северной Америке в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [1]. Сначала такая форма исполнения наказания была предложена для взрослых, но уже к 1996 г. существовало 48 лагерей для несовершеннолетних в 27 штатах, причём лишь один из этих лагерей был создан до 1990 г. [2, р. 29].

На основании принятого в 1994 г. Акта о преступлениях (*Crime Act*) Министерству юстиции на содержание уже существующих и на создание новых лагерей было выделено 12 млн долл. Одновременно с этим Американская ассоциация содействия улучшению условий тюремного содержания (*American Correctional Association*) разработала стандарты деятельности таких лагерей, выполнение которых является условием получения государственного финансирования. Есть лагеря, находящиеся в ведении федерации, лагеря, подведомственные штатам, и частные лагеря. Большинство лагерей являются федеральными, однако они созданы в различных формах с присущими им особенностями. Частные лагеря, как правило, не предназначены для исполнения мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних; в эти учреждения родители могут направить своих детей, с воспитанием которых они не справляются. К этим лагерям не предъявляются

какие-либо общие требования, и они не подлежат государственному контролю [2, р. 29], что представляется главным недостатком их организации.

Лагеря для несовершеннолетних в своём развитии прошли несколько поколений. Так, философия первого поколения лагерей для молодёжи сводилась исключительно к военной дисциплине, физическим тренировкам и тяжёлому труду [3, Вл. 176]. Во втором поколении к этому добавлена реабилитация – реализация программ избавления от алкогольной и наркотической зависимости, а также социальные тренинги по организации дня в лагере. Здесь появляется идея предоставления несовершеннолетнему поддержки и после лагеря. Так, по освобождении из лагеря воспитанники ещё в течение некоторого времени подлежат наблюдению с помощью электронных браслетов на ногах и подвергаются регулярным медицинским освидетельствованиям [4, р. 2]. Третье поколение лагерей для молодёжи отличается наличием в их профилактических программах ярко выраженных воспитательных компонентов (например, в таких лагерях организуется преподавание).

Существуют и другие виды лагерей, которые в последние годы становятся всё более популярными. В них вместо военной дисциплины и физических упражне-

ний практикуется обучение методам выживания в дикой природе. Таким образом, молодой человек, склонный к правонарушениям или страдающий нездоровой зависимостью, побуждается к изменению своих привычек и образа жизни: столкнувшись с жизненными трудностями, он приобретает навыки, позволяющие ему ответственно относиться к своему будущему. В Канаде такие программы распространены шире, нежели военно-воспитательные лагеря [5, str. 61]. С 1971 г. исправительные лагеря, в которых реализуются программы, направленные на избавление от наркотической зависимости и коррекцию поведения несовершеннолетних, совершивших преступления под влиянием наркотиков, действуют и в Новой Зеландии.

Кроме того, существуют трудовые лагеря, в которые помещаются лица, условно освобожденные из мест лишения свободы или осужденные к мерам наказания без изоляции от общества. Для них в условиях таких лагерей организуется трудовая терапия, являющаяся составной частью возлагаемых обязанностей. Заслуживает внимания пример Германии, в которой начиная с 2003 г. в рамках системы социальной защиты реализуется проект специальных ферм (самая известная – *Seehaus*), где в течение 12–18 месяцев подросток-правонарушитель приспосабливается к жизни и учится самостоятельно нести ответственность за своё прежнее, нынешнее и будущее поведение [5, str. 61].

Во время пребывания в лагере молодой человек изолирован от общества, и с ним обращаются примерно так же, как во время прохождения армейской подготовки [4, p. 2]. В исправительные лагеря помещаются, как правило, несовершеннолетние, которые ещё никогда не содержались в подобных или других учреждениях закрытого типа и которые не были осуждены за преступления с элементами насилия. Таким образом, большинство лагерей предназначено для тех, кто впервые вступил в конфликт с законом. В лагеря для несовершеннолетних не помещаются лица, не достигшие 13- или 14-летнего возраста. Для этой меры характерен элемент добровольности, поскольку осуждённые вправе выбирать, желают ли они отбывать наказание в обычном пенитенциарном учреждении или в одном из лагерей. Последнее зачастую означает и меньший срок заключения [6]. Как правило, в лагерях, несмотря на сокращённые по сравнению с традиционными учреждениями сроки содержания, осуществляется более интенсивное воздействие благодаря элементам милитаристской модели [7, p. 123]. Большинство лагерей предназначено исключительно для несовершеннолетних мужского пола. Однако в 13 штатах США имеются *boot camps* с программами для лиц женского пола [8].

Порядок функционирования лагерей для молодёжи варьируется в зависимости от «философии» учреждения. В некоторых из них очень много времени (до пяти часов в день) отводится военизированным занятиям (тренировкам, строевой подготовке, физическому труду и т. п.); в других – реабилитационным мероприятиям (индивидуальным и групповым консультациям, привитию жизненных навыков, обучению и лечению

от наркомании). Все эти меры носят рутинный характер, что призвано дисциплинировать правонарушителей и мотивировать их к соблюдению закона после выхода на свободу.

В лагерях несовершеннолетние делятся на отряды, при этом порядок, рутинные занятия, дисциплина, экстремальные физические нагрузки и т. п. виды активности приводят к тому, что у несовершеннолетних остаётся очень мало (или вообще не остаётся) свободного времени. Жизнь отряда протекает в соответствии со строгими правилами, напоминающими армейские. Так, за плохое поведение одного из членов отряда наказывается весь отряд (например все отжимаются). Надзиратели в лагерях очень часто используют грубую речь, стремясь сломить сопротивление заключённых и добиться положительных изменений в их поведении.

Эта мера соединяет в себе «шоковое» заключение с военной дисциплиной. Практически во всех лагерях первые 7–10 дней обозначаются как «этап втягивания» (*intake phase*), задача которого состоит в том, чтобы физически и психически вымотать, «сломать» заключённого (*to break inmates down*). Во время приёма правонарушители стоят по стойке «смирно» (иногда лицом к стене), пока им разъясняют требования программы; обращаются к персоналу «господин» или «госпожа»; просят разрешения, прежде чем что-то сказать; представляются как «правонарушитель такой-то» и т. д. Кроме того, их бреют наголо, заставляют повторять правила лагеря и учат стоять смирно, не говоря уже о тяжёлых физических тренировках, стилизованных под военные учения и ориентированных на то, чтобы изменить представления несовершеннолетних и сделать из них «хороших солдат» [5, str. 58].

За этим следует этап «перестройки» заключённого (*building inmate back up*), в течение которого несовершеннолетнему объясняется, как пребывание в лагере изменит его жизнь и как ему в дальнейшем будет хорошо, если он станет соблюдать закон и правила человеческого общежития. По мере дальнейшего отбывания наказания заключённые в зависимости от их поведения получают всё больше привилегий и несут всё большую ответственность. Внешне это может выражаться в ношении униформы разных цветов. Те, кто успешно выдерживает до конца всё физическое и психическое давление, торжественно отпускаются на свободу; на эту церемонию могут быть приглашены члены семьи [9, p. 88].

Рассмотрим различные модели специализированных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей на примере Калифорнии.

В этом штате имеется 58 округов, в которых действует 67 пробационных лагерей и ранчо, в том числе 5 – для лиц женского пола. Наибольшее число лагерей (19) находится в Лос-Анджелесе. В среднем за год через пробационные лагеря проходит 3880 (89 %) юношей и 480 (11 %) девушек. Основным источником средств для содержания пробационных лагерей является Государственная программа финансирования лагерей и учреждений для несовершеннолетних (*JPCFP*), в рамках которой всем субъектам, «предо-

ставляющим услуги превенции посредством заключения», ежегодно выделяется свыше 151 млн долл. Кроме того, окружные пробационные лагеря и учреждения финансируются за счёт налогов, сборов и различных штрафов, а также за счёт дополнительной адресной помощи от штата и федерации [10, p. 13].

Все пробационные лагеря в Калифорнии имеют схожие программы, предполагающие образование различных ступеней, обучение определённым профессиям, консультации и групповую терапию. Тем не менее от округа к округу имеются различия в применяемых подходах и наборе предоставляемых услуг.

Традиционная модель (Conventional Model) коррекционных лагерей предполагает полностью закрытые объекты, обнесённые оградой, в которых могут содержаться в среднем от 45 до 100 и более юношей [11, p. 224–226]. По такому же типу организованы пять пробационных лагерей для девушек. Спальные корпуса построены в виде общежитий, а из специального бункера, находящегося рядом с управляющим центром, персонал может вести круглосуточное наблюдение. Согласно установленным законом стандартам наблюдение в течение дня осуществляется как минимум одним охранником на 15 несовершеннолетних, а в течение ночи – как минимум одним охранником на 30 несовершеннолетних (см.: California Code of Regulations, Minimum Standards for Juvenile Facilities, Title 15-1-1-5, Art. 3, Sec. 1321 – Staffing). Распорядок дня начинается с переключки и завтрака. Затем следуют школьные занятия с перерывом на второй завтрак и послеобеденным перерывом.

Во всех лагерях проводятся утренние и послеобеденные занятия в рамках образовательных программ, предусмотренных Сводом правил Калифорнии (California Code of Regulations, Title 15-1-1-5, Art. 6, Sec. 1370 – Education Program). Помимо этого, та же ст. 6 предусматривает развлечения и упражнения (Sec. 1371 – Recreation, Programs and Exercise), религиозные обряды (как минимум раз в неделю – Sec. 1372) и трудовое воспитание, призванное привить навыки по определённой профессии (Sec. 1373). В большинстве обычных лагерей завтрак проходит в столовой, где у несовершеннолетних практически нет времени на разговоры. В тех лагерях, где нет столовой, но есть кухня, приём пищи может осуществляться прямо в жилых помещениях, в которых несовершеннолетние занимаются своей повседневной деятельностью. В некоторые лагеря еда доставляется из близлежащих столовых [10, p. 14].

В некоторых традиционных лагерях несовершеннолетним в течение этого перерыва как награда за хорошее поведение предоставляется возможность участия в развлекательных мероприятиях. После завтрака и новой переключки продолжают занятия, начавшиеся утром. В некоторых лагерях реализуются комбинированные программы воспитания и обучения или профориентации. Эти занятия обычно продолжаются до вечера. До и после ужина несовершеннолетним разрешаются развлечения [12]. Одни лагеря предоставляют возможность посещать сертифицированные курсы кулинарии, модного дизайна и информатики,

другие предлагают аналогичные, но несертифицированные программы. Важным фактором является то, что все лагеря предлагают различные индивидуальные и групповые консультации и курсы терапии: лечение от алкогольной или наркотической зависимости, лекции о бандах, тренинги, обучающие справляться со злобой. В качестве стимула для несовершеннолетних, демонстрирующих хорошее поведение в ходе реализации программы, вводится система баллов, набирая которые, несовершеннолетние получают некоторые льготы вроде добавочного питания, дополнительных развлечений, права смотреть телевизор и т. п. Большинство исправительных лагерей, существующих в Калифорнии, а именно 52, относятся к традиционной модели [10, p. 14–20].

С учётом того, что в нашем уголовном праве применение к несовершеннолетним наказания в виде тюремного заключения однозначно считается *ultima ratio*, было бы неверным рассматривать данную модель пробационных лагерей в качестве адекватной замены подобного наказания. Традиционная модель пробационных лагерей могла бы у нас заменить некоторые институционализированные воспитательные меры, в частности меру помещения в воспитательное учреждение. В этом плане подобная модель лагерей могла бы довольно широко применяться.

Модель дикой природы (Wilderness Model) представлена в Калифорнии двумя лагерями – в Лос-Анджелесе и в Солано. В обоих лагерях есть общежития и отдельно расположенные помещения для различных занятий, столовые, учебные классы и т. п.

Лагерь *Routh* в Лос-Анджелесе предназначен для несовершеннолетних мужского пола старше 18 лет, которым участие в программе лагеря определено судом или которые добровольно изъявили желание участвовать в этой программе и чьё перевоспитание другими методами оказалось безуспешным. В этом лагере может проживать до 90 лиц в течение срока от шести месяцев до одного года. Помимо укрепления дисциплины, в лагере проводится обучение по программе молодых пожарных. Распорядок дня в лагере включает в себя утреннюю переключку, упражнения, приём пищи и противопожарную подготовку. Во время противопожарной подготовки несовершеннолетние учатся бороться с огнём, что предполагает интенсивные физические тренировки и дисциплинированную работу в команде. Теоретическая подготовка включает в себя обучение методам локализации и тушения пожаров. Во время серьёзных лесных пожаров лагерные команды находятся на переднем краю борьбы с ними, вместе с профессиональными пожарными и другими службами. Несовершеннолетние обязаны осваивать школьную программу.

Лагерь *Colusa* в Солано представляет собой большой открытый кампус, территория которого не имеет ограждений и вообще чётких границ, поскольку находится это заведение в национальном парке, вдали от населённых пунктов. Лагерь подведомствен Департаменту пробации округа Солано (*Solano County Probation Department*). В лагере проводятся утренние

и послеполуденные занятия по образовательным программам, а также осуществляются иные предусмотренные распорядком дня мероприятия. Ежедневно работающий по контракту терапевт проводит консультации и сеансы терапии, направленные на изменение поведения. Несовершеннолетние, успешно выполняющие программу, поощряются возможностью проводить выходные, бродя весь день по горным лесам и совершая прогулки к отдалённым минеральным источникам, где они могут узнать от лесника много нового об охране леса. В лагере отводится небольшое количество часов на профессиональное обучение, однако эти программы не сертифицированы.

Природные лагеря готовы оказать несовершеннолетним любую помощь в реализации ежедневных программ, обучить их пожаротушению и другим навыкам. Вместе с тем в порядке критики, как правило, отмечается, что в лагерь юных пожарных могут направляться лишь несовершеннолетние старшей возрастной группы, которые ещё на год остаются в рамках ювенальной системы, и что существующий порядок финансирования снижает или ограничивает возможности участия лагерей в тушении пожаров. Предлагается направлять в подобные учреждения и более младших несовершеннолетних, которые могли бы участвовать не в самом пожаротушении, а в последующих мероприятиях по расчистке и восстановлению лесов.

Подобные лагеря могли бы быть созданы и у нас для несовершеннолетних, учинивших как уголовные деяния, так и проступки. Жизнь на природе, учёба, консультации и терапия вполне подходят для того, чтобы добиться существенных улучшений в поведении несовершеннолетних.

Модель военизированных лагерей (boot camp) принята в десяти округах Калифорнии; такие лагеря насчитывают в общей сложности 700 мест. Режим в них адаптирован к младшим несовершеннолетним [13]. Основная цель подобных заведений состоит в том, чтобы научить молодых людей уважать авторитет. Само их название (англ. *boot* – сапог, ботинок) указывает на то, что они созданы по образцу учебных лагерей для солдат-новобранцев. Считается, что несовершеннолетний, успешно прошедший *boot camp*, способен в дальнейшем сам о себе позаботиться. Некоторые военизированные лагеря позволяют окончить сертифицированные курсы. Все лагеря предлагают различные консультации и терапевтические программы, но конкретный набор предоставляемых услуг варьируется от лагеря к лагерю.

Так, отдел пробации округа Фресно поддерживает программу с акцентом на военную дисциплину, с помощью которой несовершеннолетним пытаются привить уверенность в себе, уважение к другим людям и их собственности. Кроме того, в этом лагере несовершеннолетних учат преодолевать жизненные трудности и укрепляют их семейные и социальные связи.

В Санта-Барбаре действует лагерь для юношей *Los Prietos* на 40 мест, в который направляются, как правило, несовершеннолетние из прибрежной местности. Воспитанникам этого лагеря предоставляется

широкий набор терапевтических услуг, развивающих в них лидерские качества и иные личные способности, укрепляющих уверенность в себе, прививающих им чувство социальной и семейной ответственности. К каждому отряду в этом лагере прикреплен полицейский в качестве командира, который ответствен за поведение в отряде, поддержание дисциплины, физические занятия, групповую работу и т. п. Распорядок дня в лагере включает в себя школьные занятия пять дней в неделю, участие в рабочих группах, спортивных командах, групповых консультациях и психологических тренингах, при этом упор делается на работу в команде и кооперацию. Персонал окружного управления образования Санта-Барбары обеспечивает воспитанникам индивидуальные и дополнительные занятия, включая специальное обучение, когнитивно-бихевиоральную терапию, групповую терапию, лекции о вреде алкоголя и наркотиков и разные прочие терапевтические вмешательства [14]. Основная цель работы этого лагеря состоит в том, чтобы его воспитанники успешно реинтегрировались в семью, в школу и в общество.

Boot camps в Риверсайде, Мадере и Юбе представляют собой более традиционные лагеря подобного типа, в которых установлена военная дисциплина, а с содержащимися в них несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет обращаются как с кадетами. Эти лагеря обеспечивают терапевтическое вмешательство и обучение с включением семьи в процесс реабилитации. Лагерные программы предусматривают часы для лекций о наркотиках, о потерпевших, об общественно полезном труде, о необходимости избегать участия в уличных бандах, а также укрепление психического здоровья, развитие умения контролировать гнев и избегать стрессов, привитие позитивных социальных навыков. Участие семьи в перевоспитании обязательно и преследует такие цели, как укрепление семейной среды, налаживание общения несовершеннолетних с родителями и обеспечение контроля с их стороны. Эти программы призваны в совокупности с последующим интенсивным социальным контролем помочь молодому человеку научиться принимать правильные решения и жить, не совершая преступлений. Кроме того, лагеря разрешают своим воспитанникам участвовать в соревнованиях по футболу и бейсболу в рамках местных студенческих игр, организуемых Федерацией калифорнийских колледжей (*California Intercollegiate Federation*) [10, p. 17–18].

Наблюдение за несовершеннолетними после выхода их на свободу организуется по-разному. Большинство исследований показывает, что период сразу после выхода из лагеря критичен для всех несовершеннолетних. Ключевыми компонентами работы с ними в этот период являются интенсивные индивидуальные занятия (*face to face treatment*) в течение первых 6–12 месяцев после освобождения, электронное наблюдение, тестирование на наркотики, индивидуальные и семейные консультации и постоянная забота со стороны местного сообщества. Очень важно, чтобы пробационные служащие, которые надзирают за лицами, вышедшими из военизированных лагерей, были с ними лично зна-

комы, причём желательнее ещё до того, как те покинут стены учреждения [10, р. 16]. Сам по себе шок от заключения быстро проходит, если в дальнейшем отсутствует поддержка со стороны семьи и друзей и не решаются основные проблемы существования, включая проблему бедности. В любом случае необходимо обеспечить освобождаемым лицам доступное образование и трудоустройство.

Данная модель лагерей часто подвергается критике. Многочисленные исследования показывают, что *boot camps* не снижают процент рецидива среди несовершеннолетних. Далее ставится вопрос о том, надлежащим ли образом в военизированных лагерях организована система лечения несовершеннолетних правонарушителей и каково их влияние на последующее приспособление и поведение несовершеннолетних. Впрочем, по мнению некоторых, атмосфера в *boot camps* меняет несовершеннолетних в лучшую сторону. Сторонники таких лагерей считают, что содержание программ и профессиональный персонал непрерывно создают для несовершеннолетних позитивное окружение, в котором сводится к минимуму вероятность участия их в межличностных конфликтах (а значит и виктимизация), особенно в сравнении с традиционными исправительными учреждениями. Считается также, что военная модель укрепляет в несовершеннолетних дух товарищества и формирует у них уважение к персоналу. Критики же, напротив, настаивают на том, что лагерная среда по своему характеру прямо противоположна нормальным отношениям между людьми и что она не обеспечивает несовершеннолетним той поддержки, которая необходима для их позитивного развития. В этой среде нет надлежащих условий для качественной терапии: жизнь в лагере предполагает строгое наблюдение за несовершеннолетними, что может вызвать у них страх перед исправительными учреждениями, который вряд ли можно считать подходящим климатом для лечения и обучения. Кроме того, критики утверждают, что система отрядов не позволяет эффективно решать личные проблемы молодых людей, поскольку проблемы эти у всех разные. Отсюда делается вывод, что военная «философия» и чётко расписанный распорядок дня не могут способствовать решению проблем конкретного индивида.

Помимо этого, отдельные компоненты режима таких лагерей усложняют несовершеннолетним возвращение в общество: оказавшись вновь в среде, где нет строжайшей дисциплины и групповых занятий, они снова могут возвратиться к прежним моделям поведения. Несовершеннолетние могут воспринимать лагерную программу как жестокую, несправедливую или унижительную, учитывая, что за неподобающее поведение одного человека наказание несёт весь отряд [15, р. 2].

Так или иначе, *boot camps* существуют в округах Кингс, Мерсед, Мадера, Фресно, Туларе, Юба, Санта-Барбара, Вентура и Лос-Анджелес, а в округе Риверсайд имеется целых два военизированных лагеря [4, р. 1]. Более того, результаты исследований показывают, что лица, содержащиеся в подобных лагерях, оценивали свои условия жизни лучше, нежели заключённые в обычных исправительных учреждениях, что

объясняется несколькими причинами. Прежде всего, *boot camps* куда более селективны в плане приёма в них несовершеннолетних: для направления в большинство лагерей требуется заключение психологического, медицинского и физического обследований, так что туда, как правило, не попадают лица с психологическими проблемами или склонные к самоубийству. Кроме того, большинство сотрудников лагерей имеют возможность отбирать несовершеннолетних для своих программ; точно так же и сами несовершеннолетние могут записаться на определённую программу, что нелегко в обычных исправительных учреждениях. Наконец, если несовершеннолетнему в лагере было уделено больше внимания или он провёл больше времени, получая образование или проходя курс лечения, то не исключено, что он будет воспринимать *boot camp* скорее как «санаторий», нежели как «тюрьму». Впрочем у этих двух типов заведений обнаружено мало поддающихся измерению различий в плане терапевтической атмосферы; более того, некоторые из этих различий говорят не в пользу лагерей. Например, в обычных учреждениях имеется больше обучающего и медицинского персонала в расчёте на одного заключённого, нежели в военизированных лагерях. С одной стороны, можно сказать, что строгие правила, установленные в *boot camps*, объективно упрощают наблюдение за несовершеннолетними, что позволяет сократить численность персонала; однако это можно истолковать и таким образом, что каждому ребёнку здесь уделяется меньше внимания, чем в обычной тюрьме [4, р. 2].

Миссурийская модель. Санта-Клара – первый округ в Калифорнии, который преобразовал свои пробационные лагеря в небольшие жилые комплексы. Исследования показали, что помещение молодых людей в небольшие («домашние») охраняемые объекты с предоставлением им возможности участвовать в индивидуальных и групповых сеансах терапии со специалистом в области возрастной психологии повышают шансы на их перевоспитание [16]. Персонал таких заведений этнически неоднороден и специально обучен работе с молодёжью. Цель заключается в том, чтобы через установление связи несовершеннолетних с персоналом постепенно реинтегрировать их в общество. Основной принцип миссурийской модели – «лечение 24 часа в сутки». Сеансы терапии и все остальные формы деятельности, направленные на повышение личной ответственности и укрепление дисциплины, предполагают участие семьи. Модель семейной терапии предполагает, что пациент с его симптомами наблюдается не изолированно, а в контексте его семьи; при этом терапевт работает со всей семьёй, а не только с тем её членом, у которого «имеются проблемы», помогая всей семье разработать правила и структуры, определить модели поведения для каждого из поколений, а также роли и функции каждого члена семьи. Цель всего этого состоит в том, чтобы помочь членам семьи, разрешив имеющиеся между ними конфликты, развиваться в качестве полноценных индивидов в здоровой семье. Помимо модели семейной терапии,

используются методы когнитивно-бихевиоральной терапии и тренинги социальных навыков.

В каждом комплексе проживают группы по 10–12 человек, которые делят жизненное пространство и все вместе участвуют в академических занятиях и сеансах групповой терапии, которые проводятся пять дней в неделю по 90 минут. Эти сеансы построены таким образом, чтобы помочь молодым людям определить свою собственную идентичность, проанализировать свою семейную историю, а также научиться понимать свои чувства, распознавать негативные модели поведения и твёрдо от них отказываться [17].

Некоторые исследования показывают, что успешное прохождение программы должно подкрепляться постпенальной помощью, т. е. предоставлением различных видов поддержки осуждённым лицам в связи с их освобождением из учреждения; эта помощь считается в литературе одним из важнейших сегментов любой уголовно-исполнительной системы, особенно когда речь идёт о несовершеннолетних [18, str. 134]. Продолжительность поддержки после освобождения зависит от специфических потребностей молодого человека и семьи. Постпенальная помощь начинается ещё в период отбывания срока наказания, поскольку хорошо известно, что выход на свободу представляет собой шок, а жизнь вне стен учреждения связана с большими переменами.

Практика большинства пенитенциарных учреждений в мире (как для несовершеннолетних, так и для взрослых) такова, что за несколько месяцев до освобождения начинается интенсивная работа по подготовке осуждённого к этому событию, состоящая главным образом в даче ему советов и предоставлении иных форм моральной поддержки. Так, в миссурийской программе ещё до полного освобождения молодому человеку разрешается провести дома одну или несколько ночей. Кроме того, руководитель проекта встречается с родителями или попечителями освобождаемого и персоналом лагеря для обсуждения с ними плана работы с молодым человеком после его выхода из учреждения. Разумеется, этот план включает в себя продолжение образования, надзор и трудоустройство. В литературе особо отмечается помощь в трудоустройстве и адаптации в трудовом коллективе. Профилактическая работа после освобождения из лагеря предполагает частые контакты с пробационными служащими, программы лечения от зависимости или смену рода занятий¹.

Такое обращение имеет двоякое значение. С одной стороны, освобождённому предоставляется возможность улучшить своё материальное положение, а с другой – облегчается его адаптация к жизни вне учреждения. Всё вместе это снижает риск совершения нового преступления [19, str. 176].

Считается, что миссурийская модель в округе Санта-Клара реализуется вполне эффективно и служит положительным примером обращения с несовершеннолетними правонарушителями. Исследования показывают, что лишь 11 % несовершеннолетних, прошедших мис-

сурийскую программу в 1999 г., в течение последующего года были вновь задержаны или направлены в тюрьму для несовершеннолетних. В 2004 г. этот показатель был ещё ниже – 8 %. Долгосрочное исследование рецидива показало, что только 8 % несовершеннолетних, освобождённых в 1999 г., в течение трёх последующих лет вернулись в места лишения свободы, 19 % были осуждены условно, а 73 % не приговаривались ни к тюремному заключению, ни к пробации [20].

Несмотря на растущую популярность лагерей для несовершеннолетних, их деятельность вызывает горячие споры. Чаще всего ставится вопрос о том, насколько адекватно там обращаются с несовершеннолетними преступниками и как пребывание в подобных учреждениях влияет на личность подростков и их поведение.

Сторонники лагерей утверждают, что царящая там атмосфера воспитывает и изменяет характер. Вероятность стать жертвой конфликта между заключёнными в лагерях гораздо ниже, чем в обычных учреждениях. Военизированная структура развивает чувство товарищества и учит уважать старших и общество в целом. Помимо этого, в дискуссиях о лагерях для несовершеннолетних постоянно повторяются два аргумента в пользу их существования – это, во-первых, низкий уровень рецидива и, во-вторых, решение проблемы переполненности тюрем, а также дешевизна таких лагерей [4, p. 2].

Их противники доказывают, что конфронтационная среда внутри лагерей – нечто прямо противоположное тому, в чём нуждаются молодые люди. Большинству из содержащихся там несовершеннолетних не хватало нормальных межчеловеческих отношений и чувства поддержки ещё до попадания в лагерь, а потому на их воспитании вряд ли положительно скажется помещение в атмосферу ещё большей холодности и чёрствости. Утверждается, что порядок деятельности лагерей для несовершеннолетних не соответствует даже самым элементарным требованиям к организации терапии, а потому эти лагеря противны самому смыслу и задачам ювенального уголовного права, которое ставит заботу выше кары. Вызываемый у несовершеннолетних страх перед органами уголовно-исполнительной системы препятствует созданию благоприятных условий для терапевтической и воспитательной работы, ибо несовершеннолетние ещё больше утрачивают доверие к взрослым и их учреждениям. Наконец, структура лагеря не оставляет несовершеннолетнему пространства для того, чтобы познать самого себя и свои потребности. Как следствие, несовершеннолетние не предпринимают шагов к тому, чтобы стать лучше и навсегда порвать связи с криминалом [15, p. 2].

Эффективность институционального воздействия измеряется уровнем рецидивизма. Результаты исследований свидетельствуют, что независимо от того, в лагеря какого поколения направляются несовершеннолетние, этот показатель не улучшается по сравнению с традиционными учреждениями уголовно-исполнительной системы. Причин тому много. Одна

¹ Aftercare Program 2008 // Missouri Department of Social Service. Division of Youth Services. Режим доступа: <http://www.dss.mo.gov/dys/aft.htm> (дата обращения: 01.05.2015).

из них – короткие сроки пребывания в лагерях (в среднем – от 90 до 120 дней). Этого времени явно недостаточно, чтобы существенно снизить склонность к совершению преступлений. Кроме того, имеются проблемы с поддержкой после освобождения. Лагерь первого поколения вообще игнорировали этот аспект, а потому несовершеннолетним было трудно вновь интегрироваться в общество. В лагерях второго и третьего поколений вопросам реинтеграции уделялось определённое внимание, и это было связано с большим количеством правил и предписаний, нарушение которых автоматически означало нарушение условий программы и превращало несовершеннолетнего в рецидивиста. Относительно небольшая продолжительность пребывания в лагерях затрудняет проведение терапии, которая зачастую требует много времени. Исследования, однако, показывают, что лагерный опыт, хотя существенно и не влияет на вероятность рецидива, всё же меняет несовершеннолетних в лучшую сторону. Кроме того, персонал и сама атмосфера в лагерях намного лучше, чем в тюрьмах. Об этом свидетельствуют чрезвычайная насыщенность дня и физическое истощение заключённых [4, p. 7–8].

Наконец, когда мы говорим о сокращении «тюремного населения» и расходов на содержание тюрем, у нас нет доказательств того, что лагеря решают эти задачи. На первый взгляд, сокращённые сроки пребывания в лагерях должны разгрузить тюрьмы, но насколько эти цели достигаются – большой вопрос. Некоторые статистические данные показывают определённое сокращение числа заключённых, а некоторые – нет. Согласно результатам исследований, осуждённые, имея возможность выбирать между лагерем и тюрьмой, предпочитают первый вариант только в тех случаях, когда это связано с существенным сокращением срока наказания. Использование же лагерей вместо пробации может и вовсе обернуться увеличением фактических расходов [21; 22].

Хотя лагеря начиная с 2003 г. пользуются большой поддержкой правительства США, некоторые штаты их либо полностью ликвидировали, либо существенно сократили [23, p. 379].

Всё вышеизложенное представляет собой описание лишь самой концепции лагеря для несовершеннолетних, ибо каждое конкретное учреждение имеет свои особенности и приоритеты. Всем им свойственны военная структура, предназначенность лишь для определённой категории преступников, сравнительно краткие сроки содержания, физическое оздоровление и цель перевоспитания на основе авторитета.

Исправительные лагеря представляют собой благоприятную альтернативу исполнению лишения свободы

в обычном порядке. Возможности подобных учреждений используются и при исполнении пробации, когда приговором суда на осуждённого возлагается обязанность участвовать в программах исправительного лагеря [5, str. 59]. Принимая во внимание те соображения, по которым создавались такие заведения (неадекватность тюремного заключения несовершеннолетних, рост числа совершаемых ими преступлений и общественные требования более строгих наказаний), не исключено появление чего-то подобного и в нашем регионе. В любом случае нужно иметь в виду, что для снижения уровня рецидива и численности «тюремного населения» необходимо усиливать индивидуальные профилактические программы, предполагающие интенсивное наблюдение и трудоустройство после освобождения.

Особенно отличаются в положительном смысле лагеря второго и третьего поколений. Программы, предполагающие отучение от алкоголя и наркотиков, организующие учёбу и социальные тренинги и в особенности подразумевающие поддержку несовершеннолетних после лагеря, служат хорошим примером и вполне могли бы быть реализованы и у нас. Вместо доведённой до крайности военной дисциплины и интенсивных физических тренировок (что характерно для лагерей) следовало бы уделить больше внимания общественно полезному труду и охране природы. Благодаря трудотерапии несовершеннолетний приспособится к жизни на свободе и гораздо легче примет на себя ответственность за своё прежнее, нынешнее и будущее поведение.

Если бы подобная модель лагерей была предусмотрена в нашем уголовном праве, она могла бы применяться в качестве самостоятельной уголовной санкции, в порядке замены назначаемого несовершеннолетним тюремного заключения и в сочетании с тюремным заключением и другими санкциями, предусмотренными для этой категории лиц. С учётом того, что данная мера носит в основном институционализированный характер и подразумевает полную изоляцию несовершеннолетнего от среды, в которой он жил раньше, она могла бы стать в нашей правовой системе ещё одним видом наказания, который бы применялся к несовершеннолетним; соответственно, тюремное заключение перестало бы быть у нас единственным наказанием для несовершеннолетних, оставаясь и впредь последним средством реагирования на подростковую преступность, в то время как направление в исправительные (воспитательные) лагеря для несовершеннолетних имело бы более широкое применение.

Перевёл с сербского С. А. Силаев

Литература

1. Camp C. G., Camp G. M. The 2000 Corrections Yearbook: Adult corrections. Middletown, CT: Criminal Justice Institute, 2001. 238 p.
2. MacKenzie D. L., Styve G. J., Gover R. A. Performance based Standards for Juvenile Correction // Corrections Management Quarterly. 1998. № 2. P. 28–35.
3. Zörweg V. Jugendliche Straftäter und Opfer im Rechtsvergleich zwischen Österreich und den USA: Dissertation / Fakultät der Karl-Franzens-Universität Graz. Salzburg, 2008. 305 Bl.

4. Parent D. G. *Correctional Boot Camps: Lessons from a Decade of Research*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2003. 16 p.
5. Mrvić-Petrović N. *Alternativne krivične sankcije i postupci*. Beograd: Medija centar "Odbrana", 2010. 303 str.
6. Zachariah J. K. *An Overview of Boot Camp Goals, Components, and Results* // MacKenzie D. L., Herbert E. E. (eds.) *Correctional Boot Camp: A Tough Intermediate Sanction*. Washington, D.C.: National Institute of Justice, 1996. P. 17–39.
7. Levinson D. *Encyclopedia of Crime and Punishment*. London & New Delhi: Sage Publication, 2002. Vol. 1. XXXV, 462 p.
8. Burns J., Vito G. *An impact analysis of the Alabama boot camp program* // *Federal Probation*. 1995. № 59. P. 63–67.
9. Gover A. R. *The Influence of Child Maltreatment on Juveniles' Psychological Adjustment within Correctional Institutions: Dissertation / Faculty of the Graduate School of the University of Maryland*. College Park, 2000. VIII, 238 p.
10. Nieto M. *County Probation Camps and Ranches for Juvenile Offenders*. Sacramento, CA: California Research Bureau, 2008. 54 p.
11. MacKenzie D., Piquero A. *The impact of shock incarceration programs on prison crowding* // *Crime and Delinquency*. 1994. Vol. 40. № 2. P. 222–249.
12. MacKenzie D. *Boot Camp Prisons in 1993* // *National Institute of Justice Journal*. 1993. № 227. P. 21–28.
13. Sechrest D. *Prison «boot camps» do not measure up* // *Federal probation*. 1989. Vol. 53. № 3. P. 15–20.
14. Kadden R. M. *Cognitive-Behavior Therapy for Substance Dependence: Coping-Skills Training*. Chicago: Illinois Department of Human Services, Office of Alcoholism and Substance Abuse, 2000. 28 p.
15. MacKenzie D. L., Gover A. R., Styve G. A., Mitchell A. O. *A National Study Comparing the Environments of Boot Camps With Traditional Facilities for Juvenile Offenders*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2001. 12 p.
16. Peterson J. *A Blueprint for Juvenile Justice Reform*. Chicago: Youth Transition Funders Group, 2006. Режим доступа: http://www.ytfg.org/wp-content/uploads/2015/02/Blueprint_JJReform.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
17. Vestal C. *States Adopt Missouri Youth Justice Model (March 7, 2008)*. Режим доступа: <http://www.pewstates.org/projects/stateline/headlines/states-adopt-missouri-youth-justice-model> (дата обращения: 01.05.2015).
18. Soković S. *Izvršenje krivičnih sankcija*. Kragujevac: Pravni fakultet, 2003. IV, 139 str.
19. Ignjatović Đ. *Kriminologija*. 11 izm. izd. Beograd: Dosije studio, 2011. 274 str.
20. McGarvey A. *A Culture of Caring* // *The American Prospect*. 12.09.2005.
21. Morash M., Rucker L. *A Critical Look at the Idea of Boot Camp as a Correctional Reform* // *Crime and Delinquency*. 1990. № 36. P. 204–222.
22. Peters M. *Boot Camps for Juvenile Offenders*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 1997. 41 p.
23. Conklin J. E. *Criminology*. 8th ed. Boston: Pearson, Allyn and Bacon, 2004. 512 p.

CORRECTIONAL BOOT CAMPS AND OTHER SPECIAL INSTITUTIONS FOR JUVENILES

Nikolina Grbić-Pavlović¹.@

¹ Administration for Police Training, The Republic of Srpska Ministry of the Interior, 10a, Bulevar Vojvode Živojina Mišića, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina, 78000
@nikolinagrbić@blic.net

Received 16.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: boot camps, juvenile delinquents, Californian models.

Abstract: The paper is devoted to North-American experience of treatment of juvenile delinquents in correctional boot camps. In these special institutions, adolescents are exposed to military style individual programs implying strict discipline, rigorous exercises and hard work. Such approach to young offenders is very popular both among politicians and in the community. The particular attention is paid to the probation camps and ranchos functioning in the State of California. On the example of the separate closed institutions for juvenile offenders, specific features of the main models of camps (i.e. Conventional Model, Wilderness Model, military-style boot camps, and Missouri Model) are shown in respect of treatment regime established in them and different measures of educational, therapeutic, rehabilitation, cultural, recreational or similar nature. The arguments of both supporters and opponents of the boot camps system, as an alternative to imprisonment, are presented. Some legislative measures are proposed to improve juvenile criminal law in Bosnia and Herzegovina, including introduction of placement to specialised closed institution as the alternative punishment for juvenile delinquents taking into consideration both positive North-American experience and regional specifics of the Western Balkans.

For citation: Grbić-Pavlović N. Ispravitel'nye lageria i inye spetsial'nye uchrezhdeniia dlia nesovershennoletnikh [Correctional Boot Camps and Other Special Institutions for Juveniles]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 77–85.

References

1. Camp C. G., Camp G. M. *The 2000 Corrections Yearbook: Adult corrections*. Middletown, CT: Criminal Justice Institute, 2001, 238.
2. MacKenzie D. L., Styve G. J., Gover R. A. Performance based Standards for Juvenile Correction. *Corrections Management Quarterly*, no. 2 (1998): 28–35.
3. Zörweg V. *Jugendliche Straftäter und Opfer im Rechtsvergleich zwischen Österreich und den USA*. Dissertation. Fakultät der Karl-Franzens-Universität Graz. Salzburg, 2008, 305.
4. Parent D. G. *Correctional Boot Camps: Lessons from a Decade of Research*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2003, 16.
5. Mrvić-Petrović N. *Alternativne krivične sankcije i postupci*. Beograd: Medija centar "Odbrana", 2010, 303.
6. Zachariah J. K. An Overview of Boot Camp Goals, Components, and Results. *Correctional Boot Camp: A Tough Intermediate Sanction*. Eds. MacKenzie D. L., Herbert E. E. Washington, D.C.: National Institute of Justice, 1996, 17–39.
7. Levinson D. *Encyclopedia of Crime and Punishment*. London & New Delhi: Sage Publication, vol. 1 (2002): XXXV, 462.
8. Burns J., Vito G. An impact analysis of the Alabama boot camp program. *Federal Probation*, no. 59 (1995): 63–67.
9. Gover A. R. *The Influence of Child Maltreatment on Juveniles' Psychological Adjustment within Correctional Institutions*. Dissertation. Faculty of the Graduate School of the University of Maryland. College Park, 2000, VIII+238.
10. Nieto M. *County Probation Camps and Ranches for Juvenile Offenders*. Sacramento, CA: California Research Bureau, 2008, 54.
11. MacKenzie D., Piquero A. The impact of shock incarceration programs on prison crowding. *Crime and Delinquency*, 40, no. 2 (1994): 222–249.
12. MacKenzie D. Boot Camp Prisons in 1993. *National Institute of Justice Journal*, no. 227 (1993): 21–28.
13. Sechrest D. Prison "boot camps" do not measure up. *Federal probation*, 53, no. 3 (1989): 15–20.
14. Kadden R. M. *Cognitive-Behavior Therapy for Substance Dependence: Coping-Skills Training*. Chicago: Illinois Department of Human Services, Office of Alcoholism and Substance Abuse, 2000, 28.
15. MacKenzie D. L., Gover A. R., Styve G. A., Mitchell A. O. *A National Study Comparing the Environments of Boot Camps With Traditional Facilities for Juvenile Offenders*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2001, 12.
16. Peterson J. *A Blueprint for Juvenile Justice Reform*. Chicago: Youth Transition Funders Group, 2006. Available at: www.zellerbachfamilyfoundation.org/pdfs/juvenile_justice.pdf (accessed 01.05.2015).
17. Vestal C. *States Adopt Missouri Youth Justice Model (March 7, 2008)*. Available at: <http://www.pewstates.org/projects/stateline/headlines/states-adopt-missouri-youth-justice-model> (accessed 01.05.2015).
18. Soković S. *Izvršenje krivičnih sankcija*. Kragujevac: Pravni fakultet, 2003, IV+139.
19. Ignjatović Đ. *Kriminologija*. 11th ed. Beograd: Dosije studio, 2011, 274.
20. McGarvey A. A Culture of Caring. *The American Prospect*, 12.09.2005.
21. Morash M., Rucker L. A Critical Look at the Idea of Boot Camp as a Correctional Reform. *Crime and Delinquency*, no. 36 (1990): 204–222.
22. Peters M. *Boot Camps for Juvenile Offenders*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 1997, 41.
23. Conklin J. E. *Criminology*. 8th ed. Boston: Pearson, Allyn and Bacon, 2004, 512.

УДК 342.951:336.221

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ, ВВЕДЕНИЯ И ВЗИМАНИЯ КУРОРТНОГО СБОРА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ, АЛТАЙСКОМ, КРАСНОДАРСКОМ И СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Елена В. Евсикова¹. @

¹ Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, 295006, Россия, г. Симферополь, ул. Павленко, 5

@Helen_yevsikova@mail.ru

Поступила в редакцию 23.04.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

налоговая система, налоги, сборы, курортный сбор, эксперимент по развитию курортной инфраструктуры.

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблем установления, введения и взимания курортного сбора в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае. Целью данного исследования является анализ Федерального закона «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» как основополагающего нормативно-правового акта, закрепляющего основную концепцию введения и взимания курортного сбора в Российской Федерации, а также анализ закона Алтайского края «О введении платы за пользование курортной инфраструктурой в Алтайском крае», закона Краснодарского края «О введении курортного сбора на территории Краснодарского края и внесении изменений в закон Краснодарского края «Об административных правонарушениях», закона Республики Крым «О введении курортного сбора», закона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае». Это позволило рассмотреть предмет исследования – курортный сбор как элемент налоговой системы Российской Федерации и важный инструмент экономической политики государства, а метод системно-структурного анализа позволил рассмотреть исследуемые правовые явления как элементы системы и выявить коллизионные аспекты, возникающие в ходе реализации Федерального закона «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» и соответствующих законов субъектов Российской Федерации иного федерального и регионального законодательства в сфере регламентации налоговых правоотношений, на основе чего выработаны конкретные рекомендации по его совершенствованию.

Для цитирования: Евсикова Е. В. Некоторые аспекты установления, введения и взимания курортного сбора в республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском крае // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 86–92.

Избранный нашим государством курс на государственно-правовое реформирование всех сфер государственной и общественной жизни, в том числе налоговой системы Российской Федерации в целом, а также отдельных ее элементов ставит целью усовершенствование и дальнейшее развитие налоговых правоотношений, принципов налогообложения. Система налогов и сборов, требующая грамотного и слаженного построения и нормативно-правового регулирования, привлекает к себе все больше и больше внимания как со стороны правоприменителей, так и законодателей, а также ученых в области административного и финансового права, экономики, государственного управления, которые настаивают на том, что экономическое развитие Российской Федерации в целом и ее субъектов достигается путем грамотно выстроенной и слаженной системы налогов и сборов [1, с. 172].

Однако на сегодняшний день этот вопрос остается открытым, т.к. анализ существующей сегодня в Российской Федерации нормативно-правовой базы, регламентирующей налоговые правоотношения, показывает, что она требует существенной доработки и усовершенствования с учетом правоприменительной практики, а также наработок представителей юридической и экономической науки.

Следует отметить, что Конституция Российской Федерации в качестве основополагающих и определяющих категорий для обозначения обязательных платежей с физических лиц применила термин «налоги и сборы», что, по замыслу законодателей, должно было привести к упорядочению всей системы обязательных платежей в Российской Федерации в дальнейшем. Однако, несмотря на разграничение в Налоговом кодексе Российской Федерации (НК РФ)¹ таких важных и основных кате-

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп.); Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с изм. и доп.). Режим доступа: http://base.garant.ru/10900200/1/#block_20001 (дата обращения: 15.04.2018).

горий, как налоги и сборы, а также непосредственное закрепление указанных понятий, на сегодняшний день де-юре в Бюджетном кодексе Российской Федерации (БК РФ)² остается нормативно закрепленным огромный массив платежей, которые де-факто не включены в систему налогов и сборов Российской Федерации, что требует пересмотра и определения кардинально нового подхода для урегулирования ситуации с определением перечня таких платежей [2].

В то же время усовершенствование и дальнейшее развитие налоговой системы Российской Федерации обусловлено различными причинами, в том числе к ним относятся сложная геополитическая обстановка, масштабный отток капитала за рубеж, снижение цен на энергоносители, введение санкций, масштабное ослабление курса рубля.

Необходимость и возможность совершенствования налоговой системы РФ обуславливаются основными событиями в сфере экономической политики, происходящими сегодня в нашей стране, что обусловлено в том числе сложной геополитической обстановкой, масштабным оттоком капитала за рубеж, снижением цен на энергоносители, введением санкций. Таким образом, проблемы финансово-экономических условий актуализируют вопросы разработки новых эффективных механизмов налоговой политики [3, с. 83].

В этой связи следует отметить принятие Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» (далее – ФЗ № 214-ФЗ)³, который вызвал неоднозначную реакцию как научного сообщества, так и правоприменительных органов и юристов-практиков, а также общественности, поскольку предусматривает проведение эксперимента по введению курортного сбора в отдельных субъектах РФ.

Вместе с тем споры относительно введения в Российской Федерации курортного или туристического сбора или налога ведутся достаточно давно. Причем единого мнения нет даже среди законодателей. Если одна часть законодателей во главе с В. Матвиенко выступает за введение курортного сбора еще начиная с 2009 г., то другая часть выступает категорически против и указывает, что введение курортного сбора будет способствовать не развитию, а наоборот, упадку туристической инфраструктуры в силу большой налоговой нагрузки на курортный и туристический сектор, который и так имеет значительные трудности в своем развитии. В то же время при разработке и принятии ФЗ № 214-ФЗ не учтено, что система налогов и сборов включает только региональные налоги, а именно: транспортный налог, налог на игорный бизнес, налог на имущество организаций, т.е. региональные сборы и, в частности курортный сбор, который НК РФ не предусмотрен. В свою очередь, к местным нало-

гам и сборам относятся только земельный налог, налог на имущество физических лиц и торговый сбор [4, с. 193–194].

Так, некоторые авторы предлагают ввести таможенные и инвестиционные льготы, которые будут направлены на стимулирование сохранения и развития курортов и туризма, приведут к увеличению туристических потоков на курорты РФ и сроков нахождения туристов в объектах размещения [5].

Кроме того, ряд авторов высказывается довольно критично о введении курортного сбора в Российской Федерации и ее субъектах, обосновывая это тем, что данный сбор принесет незначительные поступления в местные бюджеты, снизит конкурентоспособность российского туризма, усугубит отток туристических потоков, создаст благоприятную почву для ряда правонарушений и преступлений, в том числе коррупционной направленности, потребует вложения достаточно больших объемов средств на его администрирование [6].

Однако, несмотря на особую актуальность проблемы установления, введения и взимания курортного сбора в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском крае являются малоизученными с научной точки зрения, а проблематика курортного сбора и целесообразность его введения требуют проведения дальнейших совместных научных разработок различных специалистов в области права и экономики.

Проблема курортного сбора не просто актуальна, она имеет серьезное общественное значение, т.к. курорты и туристские центры всегда будут нуждаться в дополнительном финансировании, позволяющем содержать и развивать курортную инфраструктуру, а следовательно, туристы, пользующиеся этой инфраструктурой, должны принимать в этом участие [7].

Исследуя проблемы установления, введения и взимания курортного сбора, отметим, что данный платеж следует отнести к местным налогам и сборам, входящим в систему налогов и сборов Российской Федерации, предусмотренную НК РФ. Таким образом, курортный сбор как местный сбор будет вводиться на соответствующей территории муниципального образования решением органа местного самоуправления, что даст возможность представительным органам муниципальных образований самим решать, вводить указанный сбор на своей территории или нет, исходя из географических, климатических, экономических особенностей региона [8, с. 139].

Насущная необходимость установления и введения курортного сбора в Российской Федерации на сегодня уже не вызывает сомнений, однако вопрос стоит лишь в грамотной организации уплаты данного вида сбора, а также качественном нормативно-правовом урегулировании.

Следует отметить, что ФЗ № 214-ФЗ предусматривает, что в Республике Крым, Краснодарском, Алтайском

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2017). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 15.04.2018). Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2017). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 15.04.2018).

³ О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 214-ФЗ // Гарант.ру. Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1125891/> (дата обращения: 15.04.2018).

и Ставропольском крае будет проводиться эксперимент по развитию курортной инфраструктуры, в рамках которого и будет взиматься курортный сбор на соответствующих территориях. Это позволит обеспечить сохранность, восстановление и развитие сферы курортов и туризма в Российской Федерации, создать благоприятные условия для его развития, сформировать единое туристическое пространство, поскольку средства, собранные от уплаты курортного сбора, предполагается использовать именно на развитие курортной инфраструктуры на соответствующих территориях (проектирование, строительство, реконструкция, содержание, благоустройство и ремонт объектов санаторно-курортной и туристической инфраструктуры и т. д.).

Согласно пояснительной записке к проекту ФЗ № 2 14-ФЗ указывается, что целью законопроекта является формирование единого туристического пространства, условий для стабильного сохранения, восстановления и развития сферы курортов и туризма, в том числе курортной инфраструктуры, путем проведения с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2022 г. эксперимента по введению платы за пользование курортной инфраструктурой в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском крае. По итогам эксперимента будет принято решение распространить лучший опыт для применения на всей территории Российской Федерации, либо отказаться от его внедрения. Законопроектом определяются полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, необходимые для его реализации.

Размер (ставка) курортного сбора, порядок и сроки его исчисления, уплаты и перечисления в бюджет субъекта РФ определяются соответствующим законом субъекта РФ, которым предусматривается перечень освобожденных от уплаты курортного сбора лиц, порядок информирования о результатах эксперимента, порядок размещения сведений о достижении показателей эффективности и перечнях построенных, реконструированных, благоустроенных и отремонтированных объектах курортной инфраструктуры⁴.

Следует отметить, что анализ соответствующих законов субъектов РФ позволяет выделить некоторые особенности установления, введения и взимания курортного сбора в Республике Крым⁵, Алтайском⁶, Краснодарском⁷ и Ставропольском крае⁸, а именно:

1) закон Алтайского края от 1 ноября 2017 г. № 76-ЗС «О введении платы за пользование курортной инфраструктурой в Алтайском крае» (далее – ЗАК от 01.11.2017 № 76-ЗС), закон Краснодарского края

от 27 ноября 2017 г. № 3690-КЗ «О введении курортного сбора на территории Краснодарского края и внесении изменений в Закон Краснодарского края «Об административных правонарушениях» (ЗКК от 27.11.2017 № 3690-КЗ), закон Республики Крым от 30 ноября 2017 г. № 435-ЗРК/2017 «О введении курортного сбора» (далее – ЗРК от 30.11.2017 № 435-ЗРК/2017) в соответствии с требованиями ФЗ № 214-ФЗ приняты до 01 декабря 2017 г., однако, закон Ставропольского края от 8 декабря 2017 г. № 130-кз «О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае» (далее – ЗСК от 08.12.2017 № 130-кз) в нарушение требований ФЗ № 214-ФЗ принят после 01 декабря 2017 г.;

2) ЗКК от 27.11.2017 № 3690-КЗ и ЗРК от 30.11.2017 № 435-ЗРК/2017 регламентируют введение курортного сбора, а ЗАК от 01.11.2017 № 76-ЗС и ЗСК от 08.12.2017 № 130-кз регламентируют особенности введения платы за пользование курортной инфраструктурой и проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры;

3) только ЗСК от 08.12.2017 № 130-кз и ЗКК от 27.11.2017 № 3690-КЗ в соответствии с правилами юридической техники устанавливают предмет регулирования закона, причем ЗСК от 08.12.2017 № 130-кз вводит плату за пользование курортной инфраструктурой на территории отдельных муниципальных образований Ставропольского края и направлен на регулирование некоторых вопросов проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае по сохранению, восстановлению и развитию курортов, формированию единого туристического пространства, созданию благоприятных условий для устойчивого развития сферы туризма, а ЗКК от 27.11.2017 № 3690-КЗ регулирует отдельные вопросы, связанные с проведением на территории Краснодарского края эксперимента в целях развития курортной инфраструктуры, а также восстановлению и развитию курортов, формированию единого туристического пространства, созданию благоприятных условий для устойчивого развития сферы туризма в Краснодарском крае;

4) в Краснодарском крае курортный сбор взимается с 1 мая 2018 г. по 31 декабря 2022 г., а в Республике Крым – с 1 мая 2019 г. по 31 декабря 2022 г., на территории эксперимента, в Ставропольском крае, курортный сбор вводится с 1 мая 2018 г. по 31 декабря 2022 г. (на территории муниципальных образований Ставропольского края), однако в Алтайском крае с 1 мая 2018 г. на территории муниципального обра-

⁴ О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае. Законопроект № 169585-7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона. Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(spravka\)?openagent&rn=169585-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(spravka)?openagent&rn=169585-7) (дата обращения: 15.04.2018).

⁵ О введении курортного сбора. Закон Республики Крым от 30 ноября 2017 г. № 435-ЗРК/2017 // Российская газета. 02.12.2017. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/12/05/krim-zakon435-reg-dok.html> (дата обращения: 15.04.2018).

⁶ О введении платы за пользование курортной инфраструктурой в Алтайском крае. Закон Алтайского края от 1 ноября 2017 года № 76-ЗС // Российская газета. 03.11.2017. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/11/29/altkrai-zakon76-reg-dok.html> (дата обращения: 15.04.2018).

⁷ О введении курортного сбора на территории Краснодарского края и внесении изменений в Закон Краснодарского края «Об административных правонарушениях». Закон Краснодарского края от 27 ноября 2017 г. № 3690-КЗ // Российская газета. 29.11.2017. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/11/29/krasnodar-zakon3690-reg-dok.html> (дата обращения: 15.04.2018).

⁸ О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае. Закон Ставропольского края от 8 декабря 2017 г. № 130-кз // Российская газета. 10.12.2017. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/12/12/stavropol-zakon130-reg-dok.html> (дата обращения: 15.04.2018).

зования город Белокуриха Алтайского края вводится плата за пользование курортной инфраструктурой;

5) в Республике Крым территория эксперимента включает территории 7-ми муниципальных образований: городской округ (ГО) Алушта; ГО Евпатория; ГО Саки; ГО Судак; ГО Феодосия; ГО Ялта и Черноморский район; в Краснодарском крае территория эксперимента включает территории 8-ми муниципальных образований: муниципальное образование город-курорт (МОГК) Анапа; МОГК Геленджик; МОГК Сочи; МОГК Горячий Ключ; Новомихайловское и Джубгское городские поселения Туапсинского района; Небугское и Шепсинское сельские поселения Туапсинского района; в Ставропольском крае территория эксперимента включает территории 4-х муниципальных образований: город-курорт (ГК) Ессентуки; ГК Железноводск; ГК Кисловодск; ГК Пятигорск. ЗАК от 01.11.2017 № 76-ЗС территорию проведения эксперимента и отдельную норму, ее закрепляющую, прямо не предусматривает, но из анализа положений закона ЗАК от 01.11.2017 №76-ЗС можно определить, что эксперимент будет проводиться только на территории муниципального образования город Белокуриха Алтайского края;

6) в Республике Крым размер курортного сбора за сутки проживания плательщика в объекте размещения будет составлять: с 1 мая до 30 сентября – 10 руб.; с 1 января до 30 апреля и с 1 октября до 31 декабря – 0 руб.; в Алайском крае в 2018 г. – 30 руб. за сутки, а в 2019–2022 гг. размер курортного сбора составит 50 руб.; в Краснодарском крае курортный сбор устанавливается в размере 10 руб. в сутки, а в Ставропольском крае установлен максимальный размер курортного сбора, предусмотренный ФЗ № 214-ФЗ, который составляет 50 руб.;

7) сумма курортного сбора, подлежащая уплате в Республике Крым, Алтайском и Краснодарском крае, подлежащая уплате, не включается в стоимость проживания (при этом день заезда не учитывается при расчете суммы уплаты);

8) в соответствии с ЗСК от 08.12.2017 № 130-кз исчисление и взимание курортного сбора осуществляется оператором курортного сбора, зарегистрированным и осуществляющим свою деятельность на территории Ставропольского края, в порядке, установленном ст. 8 ФЗ № 214-ФЗ;

9) в Республике Крым и Алтайском крае исчисление и взимание курортного сбора будет осуществляться оператором курортного сбора при оплате стоимости проживания плательщиком, но не позднее момента выезда плательщика из объекта размещения;

10) порядок исчисления курортного сбора ЗКК от 27.11.2017 № 3690-КЗ не предусмотрен, хотя данный закон запрещает повторную уплату курортного сбора за один и тот же период проживания, а при сокращении фактического количества дней проживания в объекте размещения излишне исчисленная и уплаченная сумма курортного сбора подлежит возврату оператором курортного сбора плательщику при выезде;

11) ЗРК от 30.11.2017 №435-ЗРК/2017, ЗКК от 27.11.2017 № 3690-КЗ и ЗАК от 01.11.2017 № 76-ЗС предусмотре-

но, что оператор курортного сбора при взимании сбора выдает плательщику документ, подтверждающий факт уплаты, а в случае досрочного выезда плательщика из объекта размещения осуществляет перерасчет суммы курортного сбора (в день выезда);

12) ЗРК от 30.11.2017 № 435-ЗРК/2017 и ЗАК от 01.11.2017 №76-ЗС предусмотрено, что в случае, если невозможно удержать у плательщика сумму курортного сбора, оператор курортного сбора не позднее 30 календарных дней по истечении момента выезда плательщика уведомляет уполномоченный орган исполнительной власти Республики Крым и Алтайского края, ответственный за проведение эксперимента, о невозможности такого удержания с указанием суммы сбора, подлежащей уплате. А в Краснодарском крае оператор курортного сбора обязан не позднее пяти рабочих дней со дня получения отказа от уплаты курортного сбора письменно уведомить о невозможности удержания курортного сбора уполномоченный орган. В то же время ЗСК от 08.12.2017 №130-кз устанавливает срок уведомления органа исполнительной власти, ответственного за проведение эксперимента – не позднее 3-х рабочих дней со дня выезда плательщика курортного сбора из объекта размещения;

13) в соответствии с ЗРК от 30.11.2017 № 435-ЗРК/2017 от уплаты курортного сбора освобождаются: а) лица, указанные в ч. 1 ст. 7 ФЗ № 214-ФЗ; б) лица, направляемые на лечение в рамках обязательного медицинского либо социального страхования; в) лица, имеющие место жительства (регистрацию) на территории Республики Крым;

14) в соответствии с ЗАК от 01.11.2017 №76-ЗС от уплаты курортного сбора освобождаются: а) лица, указанные в ч. 1 ст. 7 ФЗ № 214-ФЗ; б) лица, направляемые на лечение в рамках обязательного медицинского либо социального страхования;

15) ЗКК от 27.11.2017 № 3690-КЗ установлено, что плательщиками курортного сбора являются физические лица, достигшие 18 лет, планирующие проживать в объектах размещения более 24 часов, которые обязаны уплачивать курортный сбор при поселении в объект размещения. Однако освобождаются от уплаты курортного сбора категории лиц, освобожденные от уплаты курортного сбора на территории Краснодарского края, которые установлены ч. 1 ст. 7 ФЗ № 214-ФЗ; на территории Краснодарского края от уплаты курортного сбора освобождены лица, имеющие место жительства на территории Краснодарского края;

16) ЗСК от 08.12.2017 № 130-кз особенности освобождения от уплаты курортного сбора на территории эксперимента вообще не предусматривает;

17) в Республике Крым и Алтайском крае перечисление курортного сбора в соответствующий бюджет осуществляется оператором курортного сбора не позднее 10-го числа месяца, следующего за отчетным, в Краснодарском крае – в течение 5-ти рабочих дней, следующих за отчетным периодом, а в Ставропольском крае – не позднее 28-го числа месяца, следующего за месяцем, по итогам которого производится исчис-

ление курортного сбора, но не ранее истечения срока фактического проживания плательщика;

18) в Республике Крым и Алтайском крае уполномоченный орган ежегодно не позднее 1 марта текущего финансового года предоставляет в Государственный Совет Республики Крым / Алтайское краевое Законодательное Собрание сведения о ходе эксперимента за предыдущий финансовый год, а в Ставропольском крае Дума Ставропольского края уведомляется не позднее 1 июня, начиная с года, следующего за годом введения курортного сбора. В Краснодарском крае уполномоченный орган ежегодно не позднее 1 марта года, следующего за отчетным, размещает сведения о перечне построенных, реконструированных, благоустроенных и отремонтированных объектов курортной инфраструктуры на территории Краснодарского края за отчетный год за счет средств Фонда на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

19) предполагается, что суммарный дополнительный объем поступлений в период с 2018 г. по 2022 г. в Ставропольском крае превысит 2,02 млрд руб., в Краснодарском крае – 8,3 млрд руб., в Республике Крым – 16,4 млрд руб. (при ставке в 50 руб.).

Таким образом, введение курортного сбора на территории Республики Крым и ряда других субъектов РФ возможно при условии правильной организации его взимания, дифференцированного определения его размера с учетом особенностей каждого субъекта РФ, применения единого унифицированного подхода при его установлении, а именно:

1) при разработке соответствующих законов субъектов РФ нужно использовать ключевые понятия и формулировки, предусмотренные ФЗ № 214-ФЗ, чтобы уйти от коллизионных и противоречивых моментов в законодательстве субъектов РФ (предлагается название соответствующих законов субъектов РФ скорректировать в соответствии с ФЗ № 214-ФЗ, в частности закон субъекта РФ «О введении курортного сбора в рамках проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры»);

2) прописать в соответствующих законах субъектов РФ, что предметом закона являются отношения по установлению, введению и взиманию курортного сбора, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся на территории субъекта РФ, входящей в территорию эксперимента;

3) более детально прописать базу обложения курортным сбором, ставки, порядок исчисления и уплаты;

4) уточнить и детально прописать, кто является плательщиком курортного сбора, а кто освобождается от уплаты курортного сбора. По нашему мнению,

к таким лицам можно отнести: лиц, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта РФ, входящего в территорию эксперимента; лиц, временно пребывающих, временно проживающих или постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта РФ, входящего в территорию эксперимента в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»; лиц в возрасте до 18-ти лет; детей-инвалидов и лиц, которые сопровождают детей-инвалидов (не более одного сопровождающего); лиц, которые прибыли в командировку на территорию эксперимента; лиц, имеющих право на получение социальной поддержки в соответствии с Законом Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-I «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», в соответствии с Федеральным законом от 26 ноября 1998 г. № 175-ФЗ «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» и Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 2-ФЗ «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне»; многодетные семьи, т. е. семьи, имеющие 3-х и более детей [9, с. 152–153];

5) уточнить формулировку лиц, являющихся операторами курортного сбора, т. е. налоговыми агентами по перечислению и уплате курортного сбора в соответствующий бюджет.

Как нам видится, указанные изменения позволят усовершенствовать нормативно-правовую базу, регламентирующую установление, введение и взимание курортного сбора в соответствующих субъектах РФ, что обеспечит более качественное и эффективное администрирование, уплату, взимание и перечисление курортного сбора, а в конечном итоге сыграет важную роль в создании современных санаторно-курортных и туристических объектов Российской Федерации, позволит сохранять, восстанавливать и развивать сферу курортов и туризма, сформировать единое туристическое пространство, а также привлечь дополнительные средства для проектирования, строительства, реконструкции, содержания, благоустройства и ремонта объектов курортной инфраструктуры. Конечной целью преобразований на рекреационной территории является создание эффективной экономики с развитой туристской и санаторно-курортной инфраструктурой.

Литература

1. Евсикова Е. В., Жигулина В. В. Проблемы установления и взимания туристического налога в Российской Федерации и Республике Крым // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2. С. 172–176.
2. Васильева Н. В. Современное состояние системы налогов и сборов: правовой аспект // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 2. С. 19.
3. Ряховский Д. И., Акулова Н. Г. Неналоговые платежи в налоговой системе России // Проблемы современной экономики. 2015. № 4. С. 83–86.

4. Оголь В. Л., Евсикова Е. В. Проблемы и перспективы развития курортной инфраструктуры в Республике Крым в контексте введения и взимания курортного сбора // Молодая наука: сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых (Ялта, 27–28 октября 2017 г.) / науч. ред. Н. Г. Гончарова. Симферополь, 2017. С. 193–195.

5. Бабич М.Е. Пробелы законодательства о курортах и перспективы введения курортного сбора в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 11. С. 96–105.

6. Уберия А. Р. О целесообразности введения курортного сбора // Развитие общественных наук российскими студентами: сборник научных трудов (30 марта – 05 апреля 2017 г.). Краснодар, 2017. С. 63–66.

7. Джанджугазова Е. А. Курортный сбор в фокусе общественной дискуссии // Российские регионы: взгляд в будущее. 2018. Т. 5. № 1. С. 99–113.

8. Евсикова Е. В., Жигулина В. В. К вопросу о введении туристического налога (сбора) в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2016. № 3. С. 137–139.

9. Евсикова Е. В. Проблемы законодательного урегулирования введения курортного сбора в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3. № 2. С. 143–161.

SOME ASPECTS OF ESTABLISHMENT, INTRODUCTION AND COLLECTION OF RESORT FEE IN THE REPUBLIC OF CRIMEA, ALTAI, KRASNODAR AND STAVROPOL REGION

*Elena V. Evsikova*¹ @

¹ *Crimean Branch of the Russian State University of Justice, 5, Pavlenko St., Simferopol, Russia, 295006*

@ *Helen_yevsikova@mail.ru*

Received 23.04.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: tax system, taxes, fees, resort collecting, an experiment on development of resort infrastructure.

Abstract: The research features the problems of establishment, introduction and collection of resort fee in the Republic of Crimea, Altai region, Krasnodar region and Stavropol region. The objective of the study is to analyze the Federal law «On carrying out an experiment on development of resort infrastructure in the Republic of Crimea, Altai region, Krasnodar region and Stavropol region» as the fundamental normative legal act fixing the main concept of introduction and collection of resort fee in the Russian Federation, as well as to analyze the law introduced in Altai region «On introduction of a payment for use of resort infrastructure in Altai region»; the law of Krasnodar region «On introduction of resort fee in the territory of Krasnodar region and amendments to the law of Krasnodar region «On administrative offenses»; the law of the Republic of Crimea «About introduction of resort collecting»; the law of Stavropol region «On the matters of carrying out an experiment on development of resort infrastructure in Stavropol region». The subject of the research is resort fee as an element of tax system of the Russian Federation and the important tool of economic policy of the state. The method of the system and structural analysis has allowed the author to consider the legal phenomena as elements of the system and to reveal the conflict aspects arising during implementation of the Federal law «On carrying out an experiment on development of resort infrastructure in the Republic of Crimea, Altai region, Krasnodar region and Stavropol region» and the relevant laws of territorial subjects of the Russian Federation with other federal and regional legislation in the sphere of tax legal relationship regulation on the basis of particular improvement recommendations.

For citation: Evsikova E. V. Nekotorye aspekty ustanovleniia, vvedeniia i vzimaniia kurortnogo sbora v respublikе Krym, Altaiskom, Krasnodarskom i Stavropol'skom kraе [Some Aspects of Establishment, Introduction and Collection of Resort Fee in the Republic of Crimea, Altai, Krasnodar and Stavropol Region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 86–92.

References

1. Evsikova E. V., Zhigulina V. V. Problemy ustanovleniia i vzimaniia turisticheskogo naloga v Rossiiskoi Federatsii i Respublike Krym [Problems of establishing and collecting tourist tax in the Russian Federation and the Republic of Crimea]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2 (2016): 172–176.

2. Vasilyeva N. V. Sovremennoe sostoianie sistemy nalogov i sborov: pravovoi aspekt [Current state of taxes and levies system: a legal aspect]. *Baikal Research Journal*, 7, no. 2 (2016): 19.
3. Riakhovsky D. I., Akulova N. G. Nenalogovye platezhi v nalogovoi sisteme Rossii [Non-tax payments in the Russian tax system]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of modern economics*, no. 4 (2015): 83–86.
4. Ogol' V. L., Evsikova E. V. Problemy i perspektivy razvitiia kurortnoi infrastruktury v Respublike Krym v kontekste vvedeniia i vzimaniia kurortnogo sbora [Problems and Prospects for the Development of the Resort Infrastructure in the Republic of Crimea in the Context of the Introduction and Collection of Resort Fee]. *Molodaia nauka: sbornik nauchnykh trudov nauchno-prakticheskoi konferentsii dlia studentov i molodykh uchennykh (Ialta, 27–28 oktiabria 2017 g.)* [Young Science: Proc. Sc.-Prac. Conf. for Students and Young Scientists (Yalta, October 27–28 2017)]. Ed. Goncharova N. G. Simferopol, 2017, 193–195.
5. Babich M. E. Probely zakonodatel'stva o kurortakh i perspektivy vvedeniia kurortnogo sbora v Rossii [Gaps in resort legislation and the prospects for putting resort fee in Russia]. *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii = Property relations in the Russian Federation*, no. 11 (2016): 96–105.
6. Uberiia A. R. O tselesoobraznosti vvedeniia kurortnogo sbora [On the advisability of introducing a resort fee]. *Razvitie obshchestvennykh nauk rossiiskimi studentami (30 marta – 05 apreliia 2017 g.)* [Development of social sciences by Russian students (March 30 – April 05 2017)]. Krasnodar, 2017, 63–66.
7. Dzhandzhugazova E. A. Kurortnyi sbor v fokuse obshchestvennoi diskussii [Resort fee in the focus of public discussion]. *Rossiiskie regiony: vzgliad v budushchee = Russian regions: a look into the future*, 5, no. 1 (2018): 99–113.
8. Evsikova E. V., Zhigulina V. V. K voprosu o vvedenii turisticheskogo naloga (sbora) v Rossiiskoi Federatsii [Introduction of tourist tax (duty) in the Russian Federation]. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal = Eurasian law journal*, no. 3 (2016): 137–139.
9. Evsikova E. V. Problemy zakonodatel'nogo uregulirovaniia vvedeniia kurortnogo sbora v Respublike Krym, Altaiskom, Krasnodarskom i Stavropol'skom kraiaikh [Problems of Legislative Settlement of Introducing the Resort Collection in the Republic of Crimea, Altai, Krasnodar and Stavropol Territories]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki = Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Jurisprudence*, 3, no. 2 (2017): 143–161.

УДК 347.435

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НОВАЦИИ КАК СПОСОБА ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Наталья О. Подгорбунская¹. @

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36
@ nnn0985@mail.ru

Поступила в редакцию 27.04.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: прекращение обязательства, новация, правовая природа, признаки новации, условия новации, отступное.

Аннотация: Предмет исследования – теоретические и практические вопросы правового регулирования новации как способа прекращения обязательства по гражданскому законодательству в сфере гражданских правоотношений. Цель работы – исследование правовой природы новации как способа прекращения обязательства для решения наиболее важных теоретических проблем и выработке на этом основании единого подхода к ее пониманию и правовой природе. Методология проведения работы – общие и специальные научные методы, среди которых главное место занимает общенаучный диалектический метод с системно-функциональным подходом к анализу исследуемых явлений. Результаты работы – определение категории новации и ее признаков, выделение отличий отступного и новации. Область применения результатов: научно-исследовательская сфера – теоретические положения и выводы могут стать основой для дальнейших научных исследований прекращения обязательства новацией; сфера правотворчества – выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности.

Для цитирования: Подгорбунская Н. О. Правовая природа новации как способа прекращения обязательства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 93–98.

С принятием ряда дополнений в Гражданский кодекс в гражданский оборот было возвращено много частно-правовых принципов, которые не имели широкого применения раньше. Существенно была изменена и часть гражданского права, которая содержит нормы о порядке возникновения обязательств, их изменении и прекращении. Основные положения о новации, выработанные в течение многих лет в отечественной и зарубежной цивилистической доктрине, нашли свое отражение в ст. 414 ГК РФ¹. Данные аспекты актуализируют исследование института новации на современном этапе.

Непосредственно исследованием проблемных вопросов новации отдельно или в рамках общих исследований занимались О. С. Кривцов [1], Д. И. Мейер [2], К. П. Победоносцев [3], В. И. Синайский [4] и др.

Среди современных ученых, которые определенным образом занимаются проблемами новации, можно назвать таких отечественных и зарубежных цивилистов, как А. М. Эрделевский [5], Е. В. Крашенинников [6], Д. В. Мурзин, Н. Ю. Мурзина [7], Д. Н. Притыка [8], Е. А. Суханов [9], Е. О. Тупицкая [10], О. Ю. Шилохвост [11] и др. Однако они рассматривали только отдельные вопросы объекта исследования, и на сегодняшний день комплексный анализ по данной проблематике отсутствует.

Согласно ст. 414 ГК РФ суть новации определена как прекращение обязательства «соглашением сторон о замене первоначального обязательства, существовавшего между ними, другим обязательством между теми же лицами, если иное не установлено законом или не вытекает из существа отношений»². Также регламентируется, что «новация прекращает дополнительные обязательства, связанные с первоначальным обязательством, если иное не предусмотрено соглашением сторон» [12].

В правовой доктрине можно выделить два подхода к определению природы новации.

1. Прекращение договора новым договором с целью прекращения предыдущего обязательства и вместо него создание нового, при этом стороны остаются те же.

2. Любое изменение договора с тем, что сами стороны по соглашению между собой продолжают занимать свои места в правоотношениях.

На наш взгляд, наиболее целесообразным является первый подход, т. к. новация характеризуется, прежде всего, появлением нового обязательства, а не изменением существующего.

Следовательно, сущность новации заключается в том, что отмена предыдущего обязательства не отделяется от установления нового, но и то и другое происходит в одном акте обоюдной свободы. В таком

¹ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176165/ (дата обращения: 12.04.2018).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.04.2018).

случае прежнее обязательство прекращается со всеми сопутствующими, допускается разве только по особому согласию переносить обеспечение с предыдущего обязательства на новое.

Новация характеризуется двойной правовой природой, т. к. она выступает одновременно основанием для возникновения обязательственных правоотношений и основанием их прекращения. Новация порождает новые обязательственные правоотношения, следовательно, выступает правопорождающим юридическим фактом и одновременно правопрекращающим – прекращая первоначальное обязательство.

Исходя из этого, можно выделить основные признаки новации (рис. 1).



Рис. 1. Основные признаки новации
Fig. 1. The main characteristics of novation

То, что новация – это способ прекращения обязательства, доказывает ее место в системе гражданского права – размещение в Гражданском кодексе РФ в гл. 26 «Прекращение обязательств».

В то же время следует учитывать, что новация характеризуется двойственной правовой природой, т. к. выступает одновременно основанием для возникновения обязательственных правоотношений и основанием их прекращения. Прекращение одного и установление другого обязательства является не только последовательными действиями, они находятся в причинной связи: прежнее прекращается для того, чтобы установить другое; новое обязательство устанавливается тем, что предусматривается прекратить предыдущее [13].

Определяющим признаком является осуществление новации между теми же сторонами обязательства с целью прекращения первоначального, ведь его отсутствие приведет к потере новыми правоотношениями своего значения в части основания прекращения первоначального обязательства [14].

Новация характеризуется необходимостью двустороннего волеизъявления на ее заключение, т. е. договоренности сторон, что соответствует базовому принципу гражданского права – свободе договора и добровольности.

Правовая природа новации направлена именно на замену первоначального обязательства новым, а не на смену. Основной разграничительный критерий смены от изменения первоначального обязательства – указание на различие существенных условий, которые составляют основу соответствующего обязательства. Обязательство отличается от приостановленного, как правило, своим содержанием, хотя и остается правовой связью между теми же лицами. В случае изменения обязательства, в частности договорного, вся совокупность существенных условий не может быть изменена, в этом случае будет замена первичного обязательства, ведь данный договор будет новым и правовая связь с предыдущим в этой сфере будет потеряна.

Юридическим основанием для обязательства, которое возникает при новации, является соглашение сторон о прекращении первоначального обязательства. Поэтому от действительности последнего зависит действительность нового. Если первоначальное обязательство признается недействительным, то недействительным становится обязательство, его заменяющее. Если же недействительным является новационный договор, стороны остаются связанными первичным обязательством, и новации не происходит.

Законодатель прямо указывает на возможность новации только между теми же лицами. Отсутствие данного признака ведет к потере правовой природы новых правоотношений – они потеряют свое значение в части основания прекращения первоначального обязательства [4, с. 747].

Новация – двусторонняя сделка, т. к. она осуществляется в связи с тем, что цель первоначального обязательства не реализована или реализована не полностью. Обязательным для новации является наличие соглашения сторон, т. е. отсутствие спора о прекращении действия предыдущего обязательства и по условиям нового обязательства.

Следовательно, большинство приведенных признаков новации одновременно являются условиями, необходимыми и достаточными для ее совершения. Их наличие необходимо для того, чтобы соответствующие действия были признаны непосредственно новацией. В то же время условиями совершения новации является то, что отдельный акт должен быть двусторонней сделкой, совершенной между теми же сторонами, что и в первоначальном обязательстве.

Для более полного определения правовой сущности новации следует сформировать систему условий, необходимых и достаточных для совершения новации (рис. 2).

Условие о том, что новое обязательство должно связывать те же лица, что и первоначальное, означает, что сохраняется правосубъектный состав обязательства, из-за чего новация не может предусматривать изменение участника правоотношений третьим лицом, например выгодоприобретателем.

Из условия о достижении сторонами согласия по замене одного обязательства другим следует еще один важный вывод: если новация имеет место только по соглашению сторон, то она не может устанавливаться по решению суда.

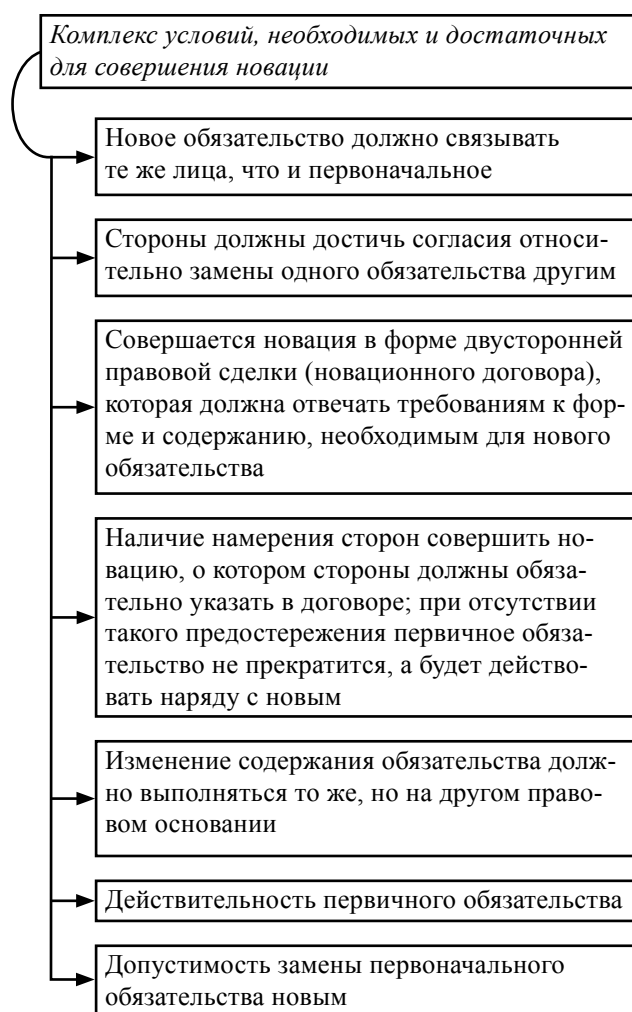


Рис. 2. Комплексная система условий, необходимых и достаточных для совершения новации
Fig. 2. Complex system of conditions necessary and sufficient for the commission of novation

В специальной литературе дискутируется вопрос о форме новационного договора – должен ли он соответствовать форме первоначального договора или последующего, если меняется тип договора. Некоторые исследователи отстаивают мнение, что новационный договор как соглашение, прекращая первоначальное обязательство, должен совершаться в той же форме, что и договор, на основании которого установлено первоначальное обязательство. К примеру, если новационный договор прекращает обязательства по договору, заключенному в нотариальной форме, то новационный (последующий) договор также должен иметь нотариальную форму [15, с. 44].

Мы поддерживаем точку зрения, что поскольку при совершении новации возникает новое обязательство, то для того, чтобы оно было действительным, новше-

ство следует совершать в форме, необходимой для нового обязательства [5, с. 36].

Таким образом, поскольку в ст. 414 ГК РФ отсутствует специальное условие о форме сделки, лежащей в основе новации, следует предоставить преимущество правилу, что принадлежит к новому обязательству.

Соглашение о замене первоначального обязательства другим обязательством (новация) имеет договорную природу. Новация является консенсуальным, двусторонним и возмездным договором [16, с. 11].

Этот договор должен иметь правопрекращающую природу, он является организационным договором. Существенными условиями такого договора являются: предмет; указание на прежнее и новое обязательство; указание на то, что новое обязательство возникает между теми же лицами, что и предыдущее обязательство; и то, что новое обязательство возникает вместо предыдущего, которое прекращается [11, с. 10].

При отсутствии в договоре оговорки о намерении сторон совершить новацию первичное обязательство не прекратится, а будет действовать вместе с новым. Поэтому очень важно четко указать в новационном договоре о намерениях сторон о прекращении первоначальных обязательств, поскольку в судебной практике встречаются иски, связанные с возникновением недоразумений между сторонами по непонятным формулировкам в договоре. Если стороны не упоминают о такой замене или иным способом не выражают явно свою волю ее сделать, то любое соглашение, устанавливающее обязательства, следует считать таким, как оно и есть, т. е. или сделкой об изменении существующего обязательства, или сделкой о создании нового самостоятельного обязательства [5, с. 33].

Одним из существенных условий новации, которое выступает и ее признаком, является действительность первичного обязательства, т. к. при новации соглашение сторон о прекращении первоначального обязательства осуществляется с целью возникновения нового. Новация предполагает обязательное наличие старого обязательства, которое заменяется новым. В порядке новации возникает новый долг как замена старого. Соответственно, недействительность первичного обязательства неизбежно приведет к недействительности и нового обязательства, вытекающего из новации. Поэтому недействительность нового обязательства означает, что стороны остались связанными первичным обязательством, и новация не состоялась. Таким образом, новация не будет действительной в случае недействительности первоначального обязательства. Подтверждением данной позиции служит тот факт, что новация – это обязательство, производное от первоначального обязательства, и поэтому недостатки его элементов имеют те же правовые последствия.

В то же время стоит указать на возможные исключения из данного тезиса – так, последствием недействительности сделки выступает реституция, что обеспечивает возврат сторон в существовавшее до заключения недействительной сделки положение. Без обращения в суд стороны могут самостоятельно согласовать условия реституции по недействительной сделке, оформив их

как новацию или отступное. Возникшее обязательство фактически заменит недействительную сделку, определив последствия ее недействительности, а заключенное соглашение уже не будет признано недействительным.

Возможность замены недействительной сделки новым обязательством более возможна в случае оспаривания первоначальной сделки. Оспариваемая сделка содержит признаки недействительности, пока сторона не заявит об этом. В этой связи пока сделка не оспорена, стороны имеют право заменить основанное на ней обязательство новым, которое должно признаваться действительным [17, с. 20].

Изменение содержания обязательств новацией прямо предусматривается в ГК РФ – необходимость изменения предмета или способа исполнения. По нашему мнению, позиция российского законодателя слишком жесткая, хотя сам факт уточнения того, какими должны быть изменения, чтобы признать договоренность об изменении обязательства именно новацией, является в целом правильным.

Но указание в п. 1 ст. 414 ГК РФ на другой предмет и способ исполнения первоначального обязательства как квалифицирующий признак новации не охватывает всех случаев новации. Новацией является также заключение сторонами соглашения, которое меняет основание обязательства, т. е. правовую цель, на достижение которой направлены установленные первоначальным соглашением имущественные обязан-

ности. Новация, связанная с изменением основания обязательства, имеет особое практическое значение.

Наиболее точным будет говорить о возникновении нового обязательства между теми же лицами, которое отличается от предыдущего содержанием или выполнением на другом правовом основании.

Следовательно, новация только тогда прекращает обязательства, когда соглашение о замене первоначального обязательства новым обязательством отвечает всем требованиям закона, заключено в определенной, предусмотренной законом форме, между неизменными сторонами достигнуто согласие по всем существенным условиям устанавливаемого сторонами обязательства, и сделка является действительной.

Прекращение договорных обязательств новацией вызывает на практике много проблем, связанных с определением наличия новации в той или иной ситуации и последствий ее наступления. Иногда возникают сложности с разграничением прекращения обязательств новацией от других оснований прекращения обязательств, особенно передачи отступного. От правильного решения этих вопросов и правильного толкования норм о новации обязательства во многом зависит эффективность защиты нарушенных прав и интересов субъектов гражданского права и рассмотрения гражданских дел судами.

Следовательно, необходимость разграничения отступного и новации вызвана потребностями практики. В этой связи выделены основные отличия отступного и новации (таблица).

Таблица. Основные отличия отступного и новации
Table. The main differences between compensation and novation

Критерии отличия	Отступное	Новация
Обязанность	Заключение консенсуального договора об отступном предусматривает существование альтернативной обязанности: передать предмет основного обязательства или предмет отступного	Прекращения первоначальной обязанности и возникновение новой без альтернативности
Правоотношения	Правовая сделка о прекращении обязательства предусматривает, что момент заключения совпадает с моментом выполнения	Правоотношения прекращаются не выполнением нового обязательства, а фактом его заключения
Обязательство	Замена первоначального предмета выполнения обязательства на другой не предопределяет возникновения нового обязательства	Новое обязательство меняет первоначальное и потому выполняется после его прекращения
Сделка	Двусторонняя правовая сделка	Консенсуальная правовая сделка
Цель	Воля сторон направлена в первую очередь на прекращение обязательства	Воля сторон направлена на возникновение нового обязательства
Дополнительные обязательства	Сохраняют действие (к моменту его предоставления)	Прекращаются вместе с первоначальным, т. е. при заключении правовой сделки

Для предотвращения признания похожих на новации отношений, например изменения договора, следует в ГК РФ ввести нормы, аналогичные ст. 1273 ГК Франции: «Новация не предусматривается; надо, чтобы воля сделать новшество ясно вытекала из акта» [18, с. 8]. В этом направлении можно дополнить ст. 414 ГК РФ ч. 3 о том, что договоренность сторон о прекра-

щении первоначального обязательства новацией должна явно вытекать из ее содержания.

Таким образом, проблемы новации как способа прекращения обязательства характеризуются наличием значительного круга вопросов, требующих своего решения, в частности вопросы ее правовой квалификации и правопонимания, сферы применения, отграничения

от смежных правовых категорий и многие другие. Ведь применение новации как способа прекращения обязательства как гражданско-правовой категории возможно только после надлежащего выполнения, поскольку пре-

кращение по договоренности (новация) соответствует основным принципам гражданского права – диспозитивности, свободе договора и другим.

Литература

1. Кривцов А. С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и в современном гражданском праве. М.: Статут, 2003. 314 с.
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Старая книга, 2012. 1118 с.
3. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 т. / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. Т. 3. 591 с.
4. Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.
5. Эрделевский А. М. О прекращении обязательств новацией // Законодательство. 2008. № 1. С. 31–34.
6. Крашенинников Е. А. Новация и изменение обязательства // Очерки по торговому праву: сборник научных трудов. Ярославль, 2006. Вып. 13. С. 67–69.
7. Мурзин Д. В., Мурзина Н. Ю. Новация в российском договорном праве // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. С. С. Алексеева. М.: Статут, 2000. С. 170–172.
8. Притыка Д. Н., Карабань В. Я., Ротань В. Г. Договорное право: общая часть. Комментарий к гражданскому законодательству Украины. К.-Севастополь: Институт юридических исследований, 2002. 879 с.
9. Гражданское право: в 4 т. Т. 4. Обязательственное право / под ред. Е. А. Суханова. М.: Волтерс Клувер. 2006. 816 с.
10. Тупицька Є. О. Правове регулювання новачії боргу в системі позикових зобов'язань // Юридичний науковий електронний журнал. 2015. № 5. С. 72–74. Режим доступа: http://lsei.org.ua/5_2015/20.pdf (дата обращения: 12.04.2018).
11. Шиловост О. Ю. Прекращение обязательств новацией // Российская юстиция. 1996. № 8. С. 32.
12. Гражданское право / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: Эксмо, 2009. Ч. 2. 719 с.
13. Самотолкина Я. О. Историческая ретроспектива института прекращения обязательств в РФ // Экономика и социум. 2016. № 12-3. С. 1013–1016.
14. Дерюшева О. И. Прекращение обязательств по гражданскому законодательству // Территория науки. 2017. № 2. С. 161–164.
15. Андреев Ю. Н. Новация как способ прекращения обязательства // Право и государство: теория и практика. 2006. № 10. С. 43–54.
16. Бабаев М. М. Отступное и новация в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 33 с.
17. Мурашко М. С. Новация и отступное: сходство и различия // Российское правосудие. 2009. № 7. С. 15–20.
18. Чайка И. В. Прекращение обязательств по основаниям, не связанным с их фактическим исполнением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 22 с.

THE LEGAL NATURE OF NOVATION AS TERMINATION OF OBLIGATION

*Natalia O. Podgorbunskaya*¹.@

¹ Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050
@nnn0985@mail.ru

Received 11.04.2018. Accepted 04.05.2018.

Keywords: termination of the obligation, novation, legal nature, signs of novation, conditions of novation, compensation.

Abstract: The research features theoretical and practical issues of the legal regulation of novation as a way of terminating the obligation under civil law in the sphere of civil legal relations. The aim of the research is to study the legal nature of novation as a way of terminating the obligation to solve the most important theoretical problems and to develop on this basis a unified approach to its understanding and legal nature. The study employed general and special scientific methods, i.e. general scientific dialectical method with a system-functional approach to the analysis of the phenomena under study. The research has resulted in a definition of the category of novation and its characteristics, highlighting the differences between compensation and novation. The results can be applied in the sphere of theoretical provisions or can become the basis for further scientific research of the termination of the obligation of novation. The results can be used in the sphere of lawmaking as well.

For citation: Podgorbunskaya N. O. Pravovaia priroda novatsii kak sposoba prekrashcheniia obiazatel'stva [The Legal Nature of Novation as Termination of Obligation]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 93–98.

References

1. Krivtsov A. S. *Abstraktnye i material'nye obiazatel'stva v rimskom i v sovremennom grazhdanskom prave* [Abstract and material obligations in Roman and in modern civil law]. Moscow: Statut, 2003, 314.
2. Meier D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow: Staraia kniga, 2012, 1118.
3. Pobedonostsev K. P. *Kurs grazhdanskogo prava* [The course of civil law]. Ed. Tomsinov V. A. Moscow: Zertsalo, vol. 3 (2003): 591.
4. Sinaiskii V. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow: Statut, 2002, 638.
5. Erdelevskii A. M. O prekrashchenii obiazatel'stv novatsiei [On termination of obligations by innovation]. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, no. 1 (2008): 31–34.
6. Krashennnikov E. A. Novatsiia i izmenenie obiazatel'stva [Innovation and change of obligation]. *Ocherki po trgovomu pravu* [Essays on trade law]. Yaroslavl, Iss. 13 (2006): 67–69.
7. Murzin D. V., Murzina N. Iu. Novatsiia v rossiiskom dogovornom prave [Innovation in the Russian Contract Law]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* [Actual Problems of Civil Law]. Ed. Alekseev S. S. Moscow: Statut, 2000, 170–172.
8. Prityka D. N., Karaban' V. Ia, Rotan' V. G. *Dogovornoe pravo: obshchaia chast'*. *Kommentarii k grazhdanskomu zakonodatel'stvu Ukrainy* [Contract law: the general part. Commentary on the civil legislation of Ukraine]. Kiev-Sevastopol': Institut iuridicheskikh issledovanii, 2002, 879.
9. *Grazhdanskoe pravo. T. 4. Obiazatel'stvennoe pravo* [Civil law. Vol. 4. Liability law]. Ed. Sukhanov E. A. Moscow: Volters klüber, 2006, 816.
10. Tupitska E. A. Pravove reguliuvannia novatsii borghu v sistemi pozikovikh zoboviazan' [Legal regulation of debt novation in the system of loan obligations]. *Iuridichnii naukovii elektronnyi zhurnal = Juridical Scientific Electronic Journal*, no. 5 (2015): 72–74. Available at: http://lsej.org.ua/5_2015/20.pdf (accessed 12.04.2018).
11. Shilokhvost O. Iu. Prekrashchenie obiazatel'stv novatsiei [Termination of obligations by novation]. *Rossiiskaia iustitsiia = Russian Justice*, no. 8 (1996): 32.
12. *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]. Eds. Kamyshanskii V. P., Korshunov M. N., Ivanov V. I. Moscow: Eksmo, part 2 (2009): 719.
13. Samotolkina Ia. O. Istoricheskaia retrospektiva instituta prekrashcheniia obiazatel'stv v RF [Historical retrospective of the institution of termination of obligations in the Russian Federation]. *Ekonomika i sotsium = Economics and society*, no. 12-3 (2016): 1013–1016.
14. Deriusheva O. I. Prekrashchenie obiazatel'stv po grazhdanskomu zakonodatel'stvu [Termination of obligations under civil law]. *Territorii nauki = Science Territory*, no. 2 (2017): 161–164.
15. Andreev Yu. N. Novatsiia kak sposob prekrashcheniia obiazatel'stva [Novation as the method of cessation of obligatory]. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 10 (2006): 43–54.
16. Babaev M. M. *Otstupnoe i novatsiia v grazhdanskom prave Rossii*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Retreat and innovation in the civil law of Russia. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2010, 33.
17. Murashko M. S. Novatsiia i otstupnoe: skhodstvo i razlichii [Novation and Release-Money: Similarity and Distinctions]. *Rossiiskoe pravosudie = Russian justice*, no. 7 (2009): 15–20.
18. Chaika I. V. *Prekrashchenie obiazatel'stv po osnovaniiam, ne sviazannym s ikh fakticheskim ispolneniem*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Termination of obligations on grounds not related to their actual performance. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2007, 22.

УДК 347

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЕДИНОГО НЕДВИЖИМОГО КОМПЛЕКСА И СЛОЖНОЙ ВЕЩИ

Дарья О. Рахвалова¹. @

¹ Новосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
@ daryarakhvalova@mail.ru

Поступила в редакцию 07.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, единый недвижимый комплекс, сложная вещь, принцип единого объекта, принцип единой правовой судьбы.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются признаки двух объектов гражданских прав – единого недвижимого комплекса и сложной вещи, анализируются их сходства и различия. Среди общих признаков выделяются требования к элементному составу указанных объектов, наличие связанности их элементов общим назначением и свобода воли участников гражданского оборота при формировании как единого недвижимого комплекса, так и сложной вещи. При этом к числу различий относятся, во-первых, способ формирования указанных объектов: для единого недвижимого комплекса установлено императивное требование о государственной регистрации; во-вторых, наличие дополнительных предпосылок для формирования единого недвижимого комплекса; в-третьих, применение к единому недвижимому комплексу правил о неделимых вещах. Автором делается вывод о том, что единый недвижимый комплекс и сложная вещь являются моделями совокупности вещей, в которых достижение одной цели – обеспечение единства элементов такой совокупности в отношениях статики и динамики – осуществляется различными способами.

Для цитирования: Рахвалова Д. О. К вопросу о соотношении единого недвижимого комплекса и сложной вещи // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 99–102.

Положения о едином недвижимом комплексе, введенные в отечественное законодательство в 2013 г.¹, и их практическое применение до сих пор для юридического сообщества во многом остаются terra incognita. Лаконичность нормативного материала о новом объекте гражданских прав и формулировок о схожих моделях совокупности вещей приводят к нерешенности вопросов о соотношении целого ряда понятий, в частности «единого недвижимого комплекса» (ЕНК) и «сложной вещи». Следствием этого являются споры о квалификации тех или иных объектов материального мира, неопределенность их правовых режимов.

В соответствии со статьей 133.1 ГК РФ ЕНК – это совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь. При этом к ЕНК применяются правила о неделимых вещах.

Согласно ст. 134 ГК РФ, если различные вещи соединены таким образом, который предполагает их использование по общему назначению (сложная вещь),

то действие сделки, совершенной по поводу сложной вещи, распространяется на все входящие в нее вещи, поскольку условиями сделки не предусмотрено иное.

Соответственно в числе общих признаков ЕНК и сложной вещи можно выделить следующие.

Во-первых, их элементами являются исключительно вещи, т.е. и ЕНК, и сложная вещь представляют собой модели совокупности вещей.

Ст. 133.1 ГК РФ допускает, что элементами ЕНК являются здания, сооружения и иные вещи. В первое время после появления в ГК РФ новой статьи весьма остро стоял вопрос о возможности включения в ЕНК движимых вещей. Отчасти это было обусловлено неприспособленностью действовавшего на тот момент регистрационного законодательства. В судебной практике 2013, 2014 и даже 2015 годов можно обнаружить отказы в удовлетворении требований о признании права на ЕНК именно в силу того, что один из элементов совокупности не отвечал признакам недвижимой вещи. Так, Арбитражный суд Республики Бурятия, согласившись с доводами одной из сторон, указал, что в состав ЕНК должны входить разнородные недвижимые вещи, в то время как суду не представлено доказательств того, что входящие в состав линии оптико-волоконной связи отдельные объекты являются недвижимым имуществом, и она сама в целом также является объектом недвижимости².

¹ О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148454/ (дата обращения: 18.04.2018).

² Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 09.07.2015 по делу № А10-2170/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/SCHzHSqAMuQm/> (дата обращения: 18.04.2018).

Однако затем общая парадигма поменялась. В судебных актах все чаще стали встречаться формулировки следующего характера: «каждая отдельная составляющая единого недвижимого комплекса может и не отвечать правовым критериям недвижимого имущества, однако в своей совокупности они образуют единый комплекс, который, будучи зарегистрированным в качестве недвижимого имущества, приобретает соответствующий статус»³. Например, Арбитражный суд Удмуртской республики также признал право собственности на ЕНК, в состав которого, в числе прочих, включены баки для воды, котлы, емкость для хранения силоса⁴.

При этом в юридических научных источниках еще с 2013 г. подавляющее число авторов поддерживали возможность включения в состав ЕНК движимых вещей. В частности, именно такой вывод содержался в работах С. П. Гришаева [1], Ю. Ф. Дружининой [2, с. 105], Ж. А. Колесниковой [3], В. Э. Поляковой [4].

Что же касается сложной вещи, то законодатель не устанавливает никаких дополнительных требований к ее элементам. В связи с этим в доктрине даже предлагается классифицировать сложные вещи на недвижимые и движимые. Впрочем, существование недвижимых сложных вещей допускается не всеми правоведами. Например, по мнению В. К. Андреева, «сложная вещь всегда признается движимым имуществом, у нее нет и не может быть прочной связи с землей» [5, с. 27]. Однако непосредственно из позитивного права такой вывод не следует.

Во-вторых, элементы и ЕНК, и сложной вещи должны быть объединены общим назначением. В толковом словаре русского языка назначение определяется как область, сфера применения чего-нибудь или как цель [6, с. 382]. Однако представители цивилистической науки категорию назначения вещи практически не затрагивают. Среди немногих предложенных правоведами дефиниций можно обнаружить следующую. Г. С. Васильев понимает назначение как цель использования вещи, ее функцию. По словам автора, назначение устанавливается не для конкретного предмета, а для классов явлений (например, помещение, судно и т. п.), принадлежность же конкретного объекта к какой-либо разновидности вещей определяется по его способности выполнять соответствующую функцию [7, с. 8].

При этом, несмотря на то, что в ст. 133.1 ГК РФ используется формулировка «единое назначение», а в ст. 134 ГК РФ – «общее назначение», представляется, что законодатель использует их как синонимы, и не кажется обоснованным углубляться в оттенки их лексической разницы.

В-третьих, общей чертой является определенная свобода субъектов при формировании и той, и другой совокупности. По мнению подавляющего большинства авторов, правовой режим сложной вещи подразумевает волевое объединение ее элементов самими участниками гражданского оборота. ЕНК, в свою очередь, также создается по воле правообладателя включаемых в него вещей.

Вместе с тем помимо перечисленных общих признаков имеется и ряд отличий.

Во-первых, различия в способе формирования названных моделей совокупности вещей. Для ЕНК императивно установлена необходимость государственной регистрации права собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь. Впрочем, некоторое время регистрационный признак был бесспорным, и из общей парадигмы выбивались подходы отдельных судов. Арбитражный суд Уральского округа в рекомендациях по разрешению споров от 05.05.2014 указал, что «судам необходимо в каждом конкретном случае давать правовую квалификацию спорного объекта ... в отношении объектов, которые по своим фактическим характеристикам отвечают признакам единого недвижимого комплекса (ст. 133.1 ГК РФ), могут применяться правила о неделимых вещах независимо от факта регистрации в ЕГРП права на единый недвижимый комплекс»⁵. Однако ВС РФ в 2015 г. сформулировал иную правовую позицию: «в силу прямого указания ст. 33.1 ГК РФ в отсутствие названной регистрации такая совокупность вещей не является единым недвижимым комплексом»⁶. Таким образом, дуализм подходов был ликвидирован, что иллюстрируется последующими актами нижестоящих судов.

Обращение к судебной практике иллюстрирует, что очень часто суды видят разницу лишь в регистрационном признаке. Показательно в этом плане решение Арбитражного суда Московской области от октября 2017 г. Спорным объектом в деле выступала теплотрасса. Суд отметил, что в соответствии со ст. 133 ГК РФ ЕНК создается с момента государственной регистрации, а следовательно, в отсутствие такой регистрации объект не может быть квалифицирован как ЕНК. При этом в следующем абзаце суд приходит к выводу о том, что спорный объект является сложной неделимой вещью⁷.

Во-вторых, еще одно различие кроется в дополнительных предпосылках формирования ЕНК, установленных в ст. 133.1 ГК РФ: альтернативном или наличии между элементами совокупности физической либо технологической связи, или их расположении на одном

³ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2015 по делу № А51-19502/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.04.2018).

⁴ Решение Арбитражного суда Удмуртской области от 28.01.2015 по делу № А71-4970/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/OIDK5EHLapUS/> (дата обращения: 18.04.2018).

⁵ Рекомендации, разработанные по итогам заседания НКС Арбитражного суда Уральского округа, состоявшегося 15.05.2014 (часть I ГК РФ). Режим доступа: <http://fasuo.arbitr.ru/node/14535> (дата обращения: 18.04.2018).

⁶ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 18.04.2018).

⁷ Решение Арбитражного суда Московской области от 25.10.2017 по делу № А41-20944/17 // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/JIDaLWEYgILP/> (дата обращения: 18.04.2018).

земельном участке. Для сложной вещи данные признаки не предусмотрены.

Наконец, ключевое различие кроется в распространении на ЕНК правил о неделимой вещи. В актах исполнительных органов власти делается акцент как раз на указанном обстоятельстве. В частности, такую позицию высказал Росреестр, отметив, что ЕНК не является сложной вещью и к нему согласно ст. 133.1 ГК РФ применяются правила о неделимых вещах⁸. При этом элементы неделимой вещи, а следовательно, элементы ЕНК не обладают свойством правообъектности [8, с. 199]. Что же касается слож-

ной вещи, то ее элементы сохраняют свое значение самостоятельных вещей, они могут быть отделены друг от друга без разрушения или изменения назначения сложной вещи, они могут быть предметом самостоятельных прав и обременений [9].

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что ЕНК и сложная вещь не находятся в отношениях родовидовой субординации, не являются тождественными понятиями. Это две различные модели совокупности вещей. И достижение одной цели – обеспечения единства совокупности вещей в отношениях статики и динамики – осуществляется разными способами.

⁸ Письмо Росреестра от 05.03.2014 № 14-исх/02410-ГЕ/14 // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <http://sudact.ru/law/pismo-rosreestra-ot-01042014-n-14-iskh03596-ge14-o-prilozhenie/pismo-rosreestra-ot-05.03.2014-n/> (дата обращения: 18.04.2018).

Литература

1. Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // Консультант Плюс. 2015.
2. Дружинина Ю. Ф. О перспективах включения единого недвижимого комплекса в гражданский оборот // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 3. С. 100–105.
3. Колесникова Ж. А. В ГК РФ появилось новое понятие единого недвижимого комплекса. Плюсы и минусы новой конструкции. Режим доступа: http://www.advocates.ru/netcat_files/userfiles/Kolesnikova.pdf (дата обращения: 12.04.2018).
4. Полякова В. Э. Имущественный комплекс // Консультант Плюс. 2018.
5. Андреев В. К. Вещь как объект гражданских прав // Гражданское право. 2014. № 1. С. 26–29.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник. 1999. 1008 с.
7. Васильев Г. С. Переход права собственности на движимые вещи по договору: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 20 с.
8. Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2011. 1301 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6–12 / под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2014. 383 с.

SINGLE REAL ESTATE COMPLEX VS. COMPLEX THING

*Daria O. Rakhvalova*¹.@

¹ *Novosibirsk State Technical University, 20, K. Marx Ave., Novosibirsk, Russia, 630073*
@*daryarakhvalova@mail.ru*

Received 07.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: objects of civil law rights, single real estate complex, complex thing, principle of a single object, principle of a single legal fate.

Abstract: The article features two objects of civil law rights, i.e. a single real estate complex and a complex thing, their similarities and differences. Their common features are requirements to elemental composition; coupling the elements by general purpose and freedom of parties of civil law relations in the formation of both a single real estate complex and a complex thing. As for the differences, they are in the method of formation of these objects: for a single real estate complex there is a rule of state registration. Secondly, there are additional prerequisites to the formation of a single real estate complex. Thirdly, rules on indivisible things apply to a single real estate complex. The author concludes that a single real estate complex and a complex thing are models of the totality of things which have the same objective, i.e. to ensure unity of things in statics and dynamics relations that is carried out in different ways.

For citation: Rakhvalova D. O. К вопросу о соотношении единого недвижимого комплекса и сложной вещи [Single Real Estate Complex vs. Complex Thing]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 99–102.

References

1. Grishaev S. P. Evoliutsiia zakonodatel'stva ob ob"ektakh grazhdanskikh prav [Evolution of legislation on civil rights objects]. *ConsultantPlus*. 2015.
2. Druzhinina Yu. F. O perspektivakh vklucheniia edinogo nedvizhimogo kompleksa v grazhdanskii oborot [On the prospects for the inclusion of the consolidated complex of immovable property to the civil circulation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, no. 3 (2014): 100–105.
3. Kolesnikova Zh. A. *V GK RF poiavilos' novoe poniatie edinogo nedvizhimogo kompleksa. Pliusy i minusy novoi konstruktsii* [In the Civil Code of the Russian Federation a new concept of a single real estate complex has appeared. Pros and cons of a new design]. Available at: http://www.advocates.su/netcat_files/userfiles/Kolesnikova.pdf (accessed 18.04.2018).
4. Poliakova V. E. Imushchestvennyi kompleks [Property Complex]. *ConsultantPlus*. 2018.
5. Andreev V. K. Veshch' kak ob"ekt grazhdanskikh prav [Thing as an object of civil rights]. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*, no. 1 (2014): 26–29.
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions]. Moscow: Azbukovnik, 1999, 1008.
7. Vasil'ev G. S. *Perekhod prava sobstvennosti na dvizhimye veshchi po dogovoru*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Transition of the right of ownership to movable things under the contract. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2006, 20.
8. *Praktika primeneniia Grazhdanskogo kodeksa RF chasti pervoi* [Practice of application of the Civil Code of the Russian Federation part one]. Ed. Belov V. A. Moscow: Iuait, 2011, 1301.
9. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Postateinyi kommentarii k glavam 6–12* [Civil Code of the Russian Federation. A commentary to chapters 6–12]. Ed. Sannikova L. V. Moscow: Statut, 2014, 383.

УДК 343.97

К ВОПРОСУ О ВЗАИМНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ И ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛГБТ-СООБЩЕСТВ

Вера Н. Смылова¹. @

¹ Московский государственный гуманитарно-экономический университет, 107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49
@ veramysh@mail.ru

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: протестная активность, ЛГБТ-сообщество, гомофобия, взаимная обусловленность, экстремизм.

Аннотация: В статье представлена попытка исследования взаимной обусловленности экстремистских проявлений и протестной активности представителей ЛГБТ-сообществ. Протестная активность как одна из форм проявлений гражданской активности, ее новые методы и формы, половозрастные и демографические признаки участников, в том числе на примере представителей ЛГБТ-сообществ, факторы, способствующие ее проявлению, и последствия являются в настоящее время малоизученными, что обуславливает актуальность исследования. Целью является анализ факторов, влияющих на взаимную обусловленность протестной активности представителей ЛГБТ-сообществ и экстремистских проявлений в отношении них, а также со стороны представителей ЛГБТ-сообществ в качестве ответной реакции. Задачами настоящего исследования являются краткий анализ основных сформированных на данный момент в обществе стратегий поведения представителей ЛГБТ-сообществ; исследование проблемы взаимосвязи и взаимной обусловленности экстремистских проявлений и протестной активности представителей ЛГБТ-сообществ. Проведенное исследование позволило установить, что внутренняя (интернальная) и внешняя (институционализируемая) формы гомофобии, рост протестной активности среди представителей ЛГБТ-сообществ и гетеросексуального общества приводят к проявлениям экстремизма и являются взаимно обуславливающими факторами.

Для цитирования: Смылова В. Н. К вопросу о взаимной обусловленности экстремистских проявлений и протестной активности представителей ЛГБТ-сообществ // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 103–108.

*Друзья мои, вы слишком громко протестуете, чтобы поверить в ваш протест
Кен Кизи. Над кукушкиным гнездом*

В условиях современных политических трансформаций и социально-политической неопределенности в мире все больше осуществляется репрезентация интересов и статусных позиций малых социальных групп, учет интересов различных «меньшинств», приобретающих характерные черты теневого субъектов внутренней политики и общественной жизни [1, с. 92; 2, с. 58; 3, с. 226; 4, с. 116].

Протестная активность как одна из форм проявлений гражданской активности, ее новые методы и формы, половозрастные и демографические признаки участников на фоне многочисленных политических, социально-экономических, духовных преобразований в обществе, в том числе на примере представителей ЛГБТ-сообществ, является малоизученной в настоящее время, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Одним из проявлений феномена теневого субъектов в политических процессах является активизация

представителей ЛГБТ-сообществ, позиционирующих себя как социально-культурные движения, стремящиеся добиться изменений в обществе, культуре, законодательстве, выйти в политическую реальность и обеспечить права «сексуальных меньшинств» [1, с. 93].

Аббревиатура «ЛГБТ» («LGBT») возникла в английском языке для обозначения представителей групп (сообществ) так называемых сексуальных меньшинств: лесбиянок (Lesbian), геев (Gay), бисексуалов (Bisexual), трансгендеров (Transgender). В литературе представители ЛГБТ-сообществ именуется «лицами, имеющими нетрадиционную сексуальную ориентацию», «сексуальными меньшинствами», «лицами, имеющими сексуальные отклонения», «третий пол».

В настоящее время отмечается повышение социальной и политической активности данных групп, особенно в условиях перехода представителей ЛГБТ-сообществ от самопрезентации («перформанса узнавания», «каминг-аута») в форме создания клубов, сообществ, групп взаимопомощи и реабилитационных центров для ЛГБТ¹ (Всеукраинская общественная организация «Гей-альянс Украина» («ГАУ»), «ЛАВЕРНА»); проектов (напри-

¹ Специализированный реабилитационный центр для ЛГБТ-людей, страдающих от наркотической и других типов зависимости открыт в Таиланде. 11.01.2018. Режим доступа: <http://www.gay.ru/news/rainbow/2018/01/11-37552.htm> (дата обращения: 13.01.2018).

мер, украинский проект по содействию реализации основных прав и свобод человека и противодействию гомофобии посредством повышения осведомленности общественности, созданный при поддержке посольства Королевства Нидерланды, проект «Креативные протесты» – при поддержке Посольства Германии; российский общественный интернет-проект поддержки гомосексуальных, бисексуальных и трансгендерных подростков – «Дети-404»); сайтов и групп в социальных сетях («Российская ЛГБТ-сеть»; «Género Fluid»); проведения гей-парадов, демонстраций, фестивалей (фестиваль квир-культуры «ОдессаПрайд-2017»); лекций и тренингов (курс лекций «Глобализация гендера и сексуальной ориентации» в Йельском университете; «Ведьмовство и гендер в Раннее Новое время» и «До трансгендеров: гермафродиты в литературе

полу; дискриминация в трудовой сфере (отказ в приеме на работу); дискриминация в области здравоохранения (отказ в предоставлении или некачественное оказание медицинских услуг); применение насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов; дискриминация в сфере образования; дискриминация при пользовании общественным транспортом; нарушение прав в сфере уголовного судопроизводства; а также случаи вынужденного отказа от получения благ и услуг в коммерческих и государственных организациях во избежание конфликтных ситуаций² [8, с. 90–92].

Данные о количестве насильственных преступлений и актов вандализма, совершенных по мотиву ненависти в отношении представителей ЛГБТ-сообщества, представлены Информационно-аналитическим центром «Сова» (таблица)³.

Таблица. Количество насильственных преступлений и актов вандализма, совершенных по мотиву ненависти в период 2007–2017 гг. (по данным ИАЦ «Сова»)

Table. The number of violent hate crimes and vandalism in 2007–2017 (according to the IAC «Sova»)

Характеристика жертв нападения	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Представители ЛГБТ-сообщества	7	7	–	3	3	12	27	9	9	4	10
Общее число пострадавших	692	627	525	463	245	214	238	169	106	93	53

XIX века» в Пенсильванском университете) и иных форм социальной и политической активности – к открытой борьбе за легализацию однополых браков и признанию правового статуса ЛГБТ во всех видах правоотношений, включая как конвенциональные (обращение в ЕСПЧ в связи с нападениями на участников демонстраций в связи с их сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью), так и неконвенциональные формы легализации и отстаивания своих прав (несанкционированные митинги, шествия, внутренняя форма гомофобии, открытые призывы к экстремизму и пр.) [5, с. 137; 6, с. 99; 7].

Анализ ряда публикаций позволяет сделать вывод о том, что политическая активность и конструирование собственной позитивной идентичности представителей ЛГБТ-сообществ вызваны сформированной и устоявшейся у данных групп лиц позицией о наличии и усилении политической и социальной дискриминации в отношении них со стороны общества и государства [1, с. 94; 5, с. 137].

Исследование данных различных источников о нарушении прав представителей ЛГБТ-сообществ раскрывает наиболее распространенные формы дискриминации: нарушение прав из-за несоответствия гендерной (половой) идентичности и признаков внешности паспортному

В научной литературе достаточно широко обозначена позиция о том, что гомофобия фактически становится официальной государственной политикой, порождающей стигматизацию и виктимизацию ЛГБТ, побуждает представителей данного сообщества к поиску новых стратегий в отстаивании и закреплении своих прав, к радикализации и повышению гражданской активности в различных формах ее проявления [4, с. 128–129].

Появлению данной ситуации способствует манипулятивная деятельность ряда средств массовой информации (СМИ) с применением в процессе коммуникации «языка вражды» в форме пропаганды и призывов к дискриминации и насилию, создавая тем самым искаженное представление в обществе о поведении и проблемах ЛГБТ, вследствие чего в обществе повышается уровень гомофобии и стигматизации, отмечается проявление насилия, вплоть до совершения террористических актов⁴. Ответной реакцией представителей ЛГБТ-сообществ становится формирование аналогичных настроений и переход к активным действиям протестного и экстремистского характера⁵ [9, с. 812–813; 10, с. 140].

Оборотной стороной стигматизации и гомофобии в отношении представителей ЛГБТ-сообществ является вовлечение их в экстремистскую деятельность,

² Исследование: в Кыргызстане высокий уровень дискриминации ЛГБТ. 27.07.2017. Режим доступа: <http://theopenasia.net/articles/detail/issledovanie-v-kyrgyzstane-vysokiy-uroven-diskriminatsii-lgbt/> (дата обращения: 17.03.2018).

³ Данные о совершенных по мотиву ненависти насильственных преступлениях и актах вандализма // Сова: Информационно-аналитический центра. Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/database/> (дата обращения: 13.04.2018).

⁴ Исследование: в Кыргызстане высокий уровень дискриминации ЛГБТ. 27.07.2017. Режим доступа: <http://theopenasia.net/articles/detail/issledovanie-v-kyrgyzstane-vysokiy-uroven-diskriminatsii-lgbt/> (дата обращения: 17.03.2018).

⁵ Трагедия в «Бар-Ноар» и радикализация ЛГБТ: взгляд слева // livejournal.com. 17.08.2009. Режим доступа: <http://lgbt-grani.livejournal.com/115729.html> (дата обращения: 17.03.2018).

обусловленное чувством несправедливости, страха, потребностью в политической активности, попыткой удовлетворить свои социально-культурные потребности, стремлением к социальным связям и защите, борьбой за легализацию прав, с предоставлением им недостающей искомой идеологии [5, с. 2–4].

В литературе встречается описание такой разновидности экстремистских проявлений, как «гендерный экстремизм», «гей-национализм», в идеологической основе которых заложены позиции о необходимости устранения всех форм дискриминации по признаку пола и половой идентификации и самоидентификации, вплоть до призывов к открытой гендерной войне [12, с. 13–14; 13, с. 160]. Исходя из позиции конфликтного подхода, экстремизм определяется как способ конфликтного действия, характеризующийся крайними формами насилия, пренебрежением существующими в обществе формальными и неформальными стереотипами конфликтного поведения [14, с. 800].

Анализ структуры дискурса в российских СМИ о ЛГБТ-сообществах наглядно показывает наличие как стигматизирующих, так и виктимизирующих элементов в поведении их представителей [15, с. 80]. Данные выводы косвенно подтверждаются результатами зарубежных и отечественных исследований, в которых констатируется свойственная представителям ЛГБТ-сообществ повышенная суицидогенность, вызванная насилием и отвержением в семье, политической и институциональной гомофобией, травлей, принудительным раскрытием информации («аутинг»); физическим и психическим насилием, социальной, эмоциональной и информационной изоляцией, «общественной агрессией», в своей совокупности приводящими к усилению протестных настроений среди данной категории лиц [14, с. 40–59; 16, с. 10].

ЛГБТ-активисты выступают одной из составных частей оппозиционного движения, в частности как участ-

ники массовых беспорядков 6 мая 2012 г. на Болотной площади в Москве, протестных акций относительно принятия отдельных законодательных актов, проведения Олимпиады в Сочи [17].

Среди основных поднимаемых в публикациях тем относительно представителей ЛГБТ-сообщества наиболее распространенными являются материалы о законодательных актах против «пропаганды гомосексуализма» в Санкт-Петербурге и практика его применения, против «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» среди несовершеннолетних на федеральном уровне и практика его применения; о дискриминации гомосексуалистов в России; протестная активность в защиту прав ЛГБТ-сообществ; легализация однополых браков и протесты против этого во Франции; протесты против Олимпиады в Сочи 2014 г. и «Евровидения-2014» и пр. [15, с. 75–76].

Внешние факторы, оказывающие влияние на формирование стратегий поведения представителей ЛГБТ-сообществ, дополняются рядом внутрисредовых факторов.

Так, среди представителей ЛГБТ-сообществ отмечается проявление своеобразной интернализированной (интернальной, внутренней) формы гомофобии – гомонегативизма, формируемой у представителей сексуальных меньшинств под влиянием гомофобии общества и выражающейся в проявлениях фобий, негативном, порой брезгливом, отношении к представителям иной «нетрадиционной» сексуальной ориентации [18, с. 132–133].

Согласно зарубежным исследованиям, внешняя гомофобия, интернализуясь, становится фактором возникновения внутренней гомофобии [19, с. 233].

Таким образом, наличие взаимной обусловленности индивидуальных и контекстуальных факторов риска радикализации, протестной активности представителей ЛГБТ-сообществ, гомофобии и экстремистских проявлений можно представить в виде схемы (рис.).

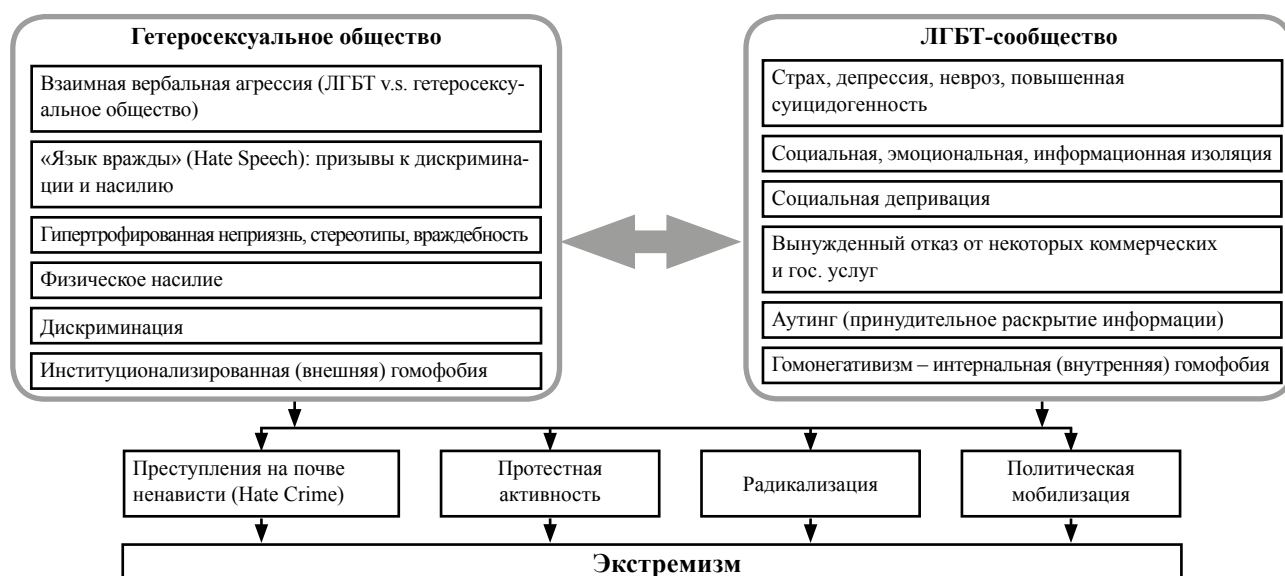


Рис. Взаимная обусловленность индивидуальных и контекстуальных факторов риска гомофобии, радикализации, роста протестной активности и экстремистских проявлений представителей ЛГБТ-сообществ

Fig. Interdependence of individual and contextual risk factors for homophobia, radicalization, growth of protest activity and extremist manifestations of LGBT members

Подводя итоги исследования, нельзя не отметить, что своеобразным парадоксом современного общества является сочетание лояльных настроений к представителям ЛГБТ-сообществ параллельно с сильными гомофобными течениями, приобретающими характер не только социокультурного, но и политико-правового противоборства, «конфронтации» интересов «ЛГБТ-сообщество» VS «гетеросексуальное общество».

Нами установлено, что внутренняя (интернальная) и внешняя (институционализируемая) формы гомофобии, рост протестной активности среди представителей ЛГБТ-сообществ и гетеросексуального общества приводят к проявлениям экстремизма и являются взаимно обуславливающими факторами.

Литература

1. Самыгин С. И., Имгрунт С. И. Квазигендерные группы как теневые субъекты политики в условиях социально-политической неопределенности и динамики идентификационных процессов в гендерной сфере // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 92–97.
2. Швец М. В. Квазигендерные группы в лиминальных политических процессах // Социум и власть. 2013. № 5. С. 58–62.
3. Швец М. В. Теневые субъекты в современных политических процессах: нестандартная и парадоксальная модели // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 2. С. 225–233.
4. Шульга Р. Возможные стратегии ЛГБТ-движения в России в условиях репрессивной политики властей // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований / ред.-сост. А. А. Кондаков. СПб., 2014. С. 116–130.
5. Гаврилова Ю. В., Пономарев М. В. Права «меньшинства» в контексте проблем политико-правового развития современного общества // Права человека в современном мире: новые вызовы и трудные решения: Материалы Международной научной конференции (23 октября 2014 г.) / отв. ред. Т. А. Сошникова. М.: МГУ, 2014. С. 132–138.
6. Картунов В. В., Зорина Н. М., Краснова О. Н., Кокотов С. А. Социокультурные и мировоззренческие истоки гомофобии в России // Сервис PLUS. 2015. № 4. С. 91–104.
7. Николаев Г. А. Дело «Вейделанд и другие (Vejdeland and Others) против Швеции» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 3. С. 66–80.
8. Яшенкова Д., Кириченко К. Нарушения прав трансгендерных людей в России: результаты исследования. СПб.: Проект правовой помощи трансгендерным людям, 2016. 100 с.
9. Автаева Н. О. Язык вражды в современных СМИ: гендерный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 811–813.
10. Распопова Т. А. Вербальные средства разжигания межнациональной вражды и ненависти в текстах современных СМИ // Ежегодник НИИ Фундаментальных и прикладных исследований. 2011. № 1. С. 139–154.
11. Манукян А. Р., Шхагапсоева М. Х. Насильственный экстремизм и индивидуальные факторы радикализации // Психолог. 2016. № 6. С. 1–8. DOI: 10.7256/2409-8701.2016.6.20852.
12. Бутаева М. А. Дискурс гендерного экстремизма // Социосфера. 2010. № 2. С. 13–14.
13. Петров А. В. Экстремизм: понятие и виды в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 160–164.
14. Стребков А. И., Алейников А. В., Сунами А. Н. Российский молодежный экстремизм: проблемы понимания и противодействия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 4. С. 796–806.
15. Пронкина Е. С. Особенности ЛГБТ-дискурса в российских медиа, инициированного дискуссиями о регулировании сексуальности // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 1. С. 71–86.
16. Ворошилин С. И. Расстройства половой идентификации и суицидальное поведение // Суицидология. 2011. № 2. С. 3–11.
17. Простаков С. «Исламское государство» и ЛГБТ-активизм: единство методов и конечных выгодополучателей деятельности // Четыре пера. 27.08.2015. Режим доступа: <http://4pera.ru/~xRR2P> (дата обращения: 13.04.2018).
18. Щелин И. В. Индивидуально-психологические факторы проявления гомонегативизма в молодежной среде // Сибирский психологический журнал. 2013. № 48. С. 131–135.
19. Яныкин А. А., Наследов А. Д. Взаимосвязь личностной гомонегативности и самооотношения у гомосексуалов // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2016. Т. 4. С. 232–238.

INTERDEPENDENCE OF EXTREMIST MANIFESTATIONS AND PROTEST ACTIVITY OF LGBT COMMUNITIES

Vera N. Smyslova¹, @

¹ Moscow State University of Humanities and Economics, 49, Losinoostrovskaya St., Moscow, Russia, 107150

@veramysh@mail.ru

Received 03.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: protest activity, LGBT community, homophobia, interdependence, extremism.

Abstract: The article presents an attempt to study the interdependence of extremist manifestations and protest activity of LGBT communities. Protest activity as a form of manifestation of civic activity, its new methods and forms, gender and age and demographic characteristics of participants, as well as the factors that contribute to its manifestation and its consequences, are currently poorly investigated, especially in case of LGBT communities. The purpose of the current study is to analyze the factors that influence the interdependence of protest activity of LGBT communities and extremist manifestations expressed by them in response or against them. The objectives of the research are a brief analysis of the main behavior strategies of LGBT communities; the study of the problem of interconnection and mutual conditioning of extremist manifestations and protest activity of LGBT representatives. The study has made it possible to establish that the internal (internal) and external (institutionalized) forms of homophobia, the growth of protest activity among LGBT representatives and heterosexual society lead to manifestations of extremism and are interdependent.

For citation: Smyslova V. N. K voprosu o vzaimnoi obuslovlennosti ekstremistskikh proiavlenii i protestnoi aktivnosti predstavitelei LGBT-soobshchestv [Interdependence of Extremist Manifestations and Protest Activity of LGBT Communities]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 103–108.

References

1. Samygin S. I., Imgrunt S. I. Kvazigendernye gruppy kak tenevye sub"ekty politiki v usloviiah sotsial'no-politicheskoi neopredelennosti i dinamiki identifikatsionnykh protsessov v gendernoi sfere [Quasigender groups as shadow subjects of politics in conditions of socio-political uncertainty and dynamics of identification processes in the gender sphere]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki = Humanities, Social-economic and Social Sciences*, no. 6-7 (2017): 92–97.
2. Shvets M. V. Kvazigendernye gruppy v liminal'nykh politicheskikh protsessakh [Quasigender groups in political processes]. *Sotsium i vlast' = Society and Power*, no. 5 (2013): 58–62.
3. Shvets M. V. Tenevye sub"ekty v sovremennykh politicheskikh protsessakh: nestandardnaia i paradoksal'naia modeli [Shadow subjects in modern political processes: non-standard and paradoxical models]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and municipal management. Scientific notes of SKAGS*, no. 2 (2013): 225–233.
4. Shul'ga R. Vozmozhnye strategii LGBT-dvizheniia v Rossii v usloviakh repressivnoi politiki vlastei [Possible strategies for LGBT movement in Russia in conditions of repressive policy of the authorities]. *Na pereput'e: metodologiya, teoriia i praktika LGBT i kvir-issledovaniia* [At the crossroads: the methodology, theory and practice of LGBT and Queer studies]. Ed. and comp. Kondakov A. A. Saint-Petersburg, 2014, 116–130.
5. Gavrilova Iu. V., Ponomarev M. V. Prava «men'shinstva» v kontekste problem politiko-pravovogo razvitiia sovremennogo obshchestva [Rights of «minority» in the context of problems of political and legal development of modern society]. *Prava cheloveka v sovremennom mire: novye vyzovy i trudnye resheniia: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (23 oktiabria 2014)* [Human Rights in the Modern World: New Challenges and Difficult Solutions: Proc. Intern. Sc. Conf. (October 23, 2014)]. Ed. Soshnikova T. A. Moscow: MGU, 2014, 132–138.
6. Kortunov V. V., Zorina N. M., Krasnova O. N., Kokotov S. A. Sotsiokul'turnye i mirovozzrencheskie istoki gomofobii v Rossii [Socio-cultural and world outlook sources of homophobia in Russia]. *Servis PLUS = Servise PLUS*, no. 4 (2015): 91–104.
7. Nikolaev G. A. Delo «Veideland i drugie (Vejdeland and Others) protiv Shvetsii» [Case «Vejdeland and Others v. Sweden»]. *Precedenty Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka = Precedents of the European Court of Human Rights*, no. 3 (2016): 66–80.
8. Iashenkova D., Kirichenko K. *Narusheniia prav transgendernykh liudei v Rossii: rezul'taty issledovaniia* [Violent extremism and individual factors of radicalization]. Saint-Petersburg: Proekt pravovoi pomoshchi transgendernym liudiam, 2016, 100.

9. Avtaeva N. O. Iazyk vrazhdy v sovremennykh SMI: gendernyi aspekt [Hate speech in modern mass media: the gender aspect]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 4-2 (2010): 811–813.
10. Raspopova T. A. Verbal'nye sredstva razzhiganiia mezhnatsional'noi vrazhdy i nenavisti v tekstakh sovremennykh SMI [Verbal means of inciting ethnic hatred and enmity in the texts of modern media]. *Ezhegodnik NII Fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy = Yearbook of the Research Institute of Fundamental and Applied Research*, no. 1 (2011): 139–154.
11. Manukyan A. R., Shkhagapsoeva M. Kh. Nasil'stvennyi ehkstreimizm i individual'nye faktory radikalizatsii [Gewalttätiger Extremismus und individuelle Radikalisierungsfaktoren]. *Psikholog = Psychologe*, no. 6 (2016): 1–8. DOI: 10.7256/2409-8701.2016.6.20852.
12. Butaeva M. A. Diskurs gendernogo ehkstreimizma [Discourse of Gender Extremism]. *Sotsiosfera = Sociosphere*, no. 2 (2010): 13–14.
13. Petrov A. V. Ekstreimizm: poniatie i vidy v sovremennoi Rossii [Extremism: the concept and types in modern Russia]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-economic and Social Sciences*, no. 4 (2015): 160–164.
14. Strebkov A. I., Aleinikov A. V., Sunami A. N. Rossiiskii molodezhnyi ehkstreimizm: problemy ponimaniia i protivodeistviia [Russian Youth Extremism: Problems of Understanding and Counteraction]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Russian Journal of Criminology*, no. 4 (2015): 796–806.
15. Pronkina E. S. Osobennosti LGBT-diskursa v rossiiskikh media, initsiirovannogo diskussiiami o regulirovanii seksual'nosti [Features of LGBT-discourse in Russian media, initiated by discussions on regulating sexuality]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = Journal of Social Policy Studies*, no. 1 (2016): 71–86.
16. Voroshilin S. I. Rasstroistva polovoi identifikatsii i suitsidal'noe povedenie [Sexual identification disorders and suicidal behavior]. *Sotsiologiya = Suicidology*, no. 2 (2011): 3–11.
17. Prostakov S. «Islamskoe gosudarstvo» i LGBT-aktivizm: edinstvo metodov i konechnykh vygodopoluchatelei deiatel'nosti ["Islamic State" and LGBT-activism: unity of methods and ultimate beneficiaries of activities]. 27.08.2015. Available at: <http://4pera.ru/~xRR2P> (дата обращения: 13.04.2018).
18. Shchelin I. V. Individual'no-psikhologicheskie faktory proiavleniia gomonegativizma v molodezhnoi srede [Individual-psychological factors of homonegativity in youth environment]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, no. 48 (2013): 131–135.
19. Ianykin A. A., Nasledov A. D. Vzaimosviiaz' lichnostnoi gomonegativnosti i samootnosheniia u gomoseksualov [Interrelation of personal homonegativity and self-relationship in homosexuals]. *Nauchnye issledovaniia vypusknikov fakul'teta psikhologii SPbGU [Scientific research of the graduates of the psychology department of St. Petersburg State University]*. Vol. 4 (2016): 232–238.

УДК 349.3:351.746+94(476)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СЛУЖАЩИХ МИЛИЦИИ В 1920–1930-Е ГГ.

Светлана Н. Токарева¹, @

¹ Курский государственный университет, 305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, 33

@ tokareva_sn@mail.ru

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова:

милиция, советская рабоче-крестьянская милиция, социальная политика, социальное обеспечение.

Аннотация: Предметом исследования в представленной статье стала социальная политика в отношении служащих советской рабоче-крестьянской милиции в 1920–1930-е гг. Целью работы является изучение основных направлений и мер социальной поддержки данной категории. В работе используются общенаучные и частно-научные методы, позволяющие определить становление данного института, факторы его появления, а также охарактеризовать его элементы. В результате проведенного исследования можно сделать вывод об активном становлении социальной политики в отношении милиционеров после Октября 1917 г. Получили развитие такие ее направления, как страхование, медицинское обслуживание, время отдыха, льготный проезд и жилищный вопрос. По сравнению с предшествующими периодами, появилась гарантия оплаты больничного периода, и в милиции создавались свои приемные покои. Жилищная проблема разрешалась путем создания общежитий, снижения квартирной платы и обеспечения семейных милиционеров квартирами. Возникли и новые направления, например продовольственное обеспечение. Поддержка осуществлялась за бюджетный счет и с помощью общественности. Однако изначально отсутствовал единый правовой акт о льготах и преимуществах милиционеров. При разработке в наши дни вопросов социальных гарантий для служащих органов общественной безопасности законодатель основывался на опыте прошлого, учитывая его положительные и отрицательные аспекты. Специальные службы или общественные советы, изучая нужды сотрудников органов правопорядка и их семей, могут разрабатывать и реализовывать методики социального оздоровления, что способствует повышению престижа государственной службы.

Для цитирования: Токарева С. Н. Социальная политика в отношении служащих милиции в 1920–1930-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 109–116.

Несмотря на столетнее существование института советской рабоче-крестьянской милиции и пристальное внимание к ней со стороны научного сообщества в советский период, на данный момент вопросы ее функционирования в первые десятилетия XX в. разрабатываются и современными исследователями. В рамках заявленной темы не так много исследований посвящено рассмотрению социальных вопросов. Наибольшим вниманием пользуются аспекты кадровой политики [1], воспитательной работы [2; 3], профессиональной подготовки [4; 5], материального обеспечения [6] сотрудников милиции, в частности в регионах. Одной из первых отдельных работ о социальной политике в отношении полицейских Российской империи является статья автора [7]. Ряд статей посвящен проблеме социального обеспечения в современных органах правопорядка [8; 9]. Широкий круг вопросов и проблем, касающихся становления, эволюции и состояния правоохранительной службы, обсуждается на тематических конференциях различного уровня [10]. Однако как такового целостного историко-правового исследования не существует.

В начале XX в. приходило осознание, что необходимо выработать меры социальной поддержки отдельных групп населения. Интенсивное развитие социальной политики в отношении служащих правопорядка последовало после событий первой русской революции, а особенно после Октября 1917 г.

В первые годы становления Советской власти на жизнь и здоровье милиционеров посягали не только хулиганы и уголовники (при ликвидации банд, конвоировании, побегах, облавах, рейдах, а иногда смерть наступала даже в результате халатности), но и политические преступники. К примеру, с декабря 1918 г. В. А. Саенко был назначен первым начальником милиции г. Белгорода. При наступлении денкинских войск ему не удалось эвакуироваться, и 25 июня 1919 г. он был арестован и расстрелян белогвардейцами [11, с. 225].

Во второй половине 1918 г. на работников милиции распространили правовые нормы о социальном страховании на случай болезни, несчастных случаев, старости и инвалидности. К этому времени уже действовали «Положение о страховании на случай безработицы» (11 (24) декабря 1917 г.) и «Положение о стра-

ховании на случай болезни» (22 декабря (4 января) 1918 г.)¹. К примеру, в начале 1930 г. в Курске все работники были застрахованы в Госстрахе².

Но правовая защита не гарантировала безопасности, поэтому случаи гибели милиционеров, особенно в условиях гражданской войны, продолжались. Например, Орловское губернское управление милиции 12 июля 1920 г. сообщило в Губернскую Чрезвычайную комиссию (ГубЧК), что 6 июля в Кромском уезде неизвестными были убиты кривчиковские волостной милиционер Смиронов, волвоенком Сажнев и красноармеец Голованов [12, с. 38]. При исполнении служебных обязанностей в 1921 г. в Курской губернии из комсостава были убиты 3 человека и 2 ранены, старших милиционеров – 7 и 1, младших – 8 и 1 соответственно, и убит один канцелярский служащий³.

Во время крестьянской войны в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. для борьбы с восставшими привлекались отряды милиции. Так, в сабельном бою у ст. Никифоровка в 1921 г. погиб Морозов, сформировавший конный отряд из 80 человек. Семьи погибших получали помощь, но в тех обстоятельствах было трудно найти доказательства. Факт гибели милиционеров 2-го района Борисоглебской уездной милиции удалось доказать только в 1924 г. Семья помощника начальника 1-го района милиции Борисоглебского уезда Д. А. Сушкова, погибшего в 1921 г. при исполнении служебных обязанностей, смогла только в 1926 г. добиться возбуждения ходатайства о персональной пенсии⁴.

В управление милиции РСФСР (административно-организационный отдел) ежемесячно поступал именной список служащих милиции, погибших и пострадавших при исполнении служебных обязанностей. Сообщались краткие сведения – год и место рождения, близкие родственники, когда и кем сообщено им о происшествии.

Преступники нередко превосходили милиционеров по численности, вооружению и средствам передвижения, что приводило к большим потерям в милиции. Так, с 1 июня 1924 г. по 1 июля 1925 г. в Тамбовской губернии было зафиксировано 7 случаев смерти сотрудников милиции и уголовного розыска при исполнении служебных обязанностей, в 1927 г. – 4 убитых и 5 раненых [13, с. 89].

На милиционеров совершались и целенаправленные нападения. К примеру, младший милиционер 1-го отделения милиции г. Воронежа 14 ноября 1925 г. был избит группой лиц, упоминавшими: «Ты – милиционер» [14, с. 2].

Управления милиции возбуждали перед местными органами социального страхования ходатайства о выдаче семьям погибших единовременного пособия или пенсии. Но наблюдалась проблематичность предоставления доказательств, длительные сроки

рассмотрения просьб (до полугода) и небольшой размер (средняя пенсия была от 9 руб. 60 коп. до 10 руб. 50 коп.). Через подписные листы собирались средства на пожертвования среди сотрудников милиции. Органами оказывалась помощь в трудоустройстве членов семьи погибшего [13, с. 90].

Серьезный риск для жизни при работе в милиции был несопоставим с мизерной зарплатой и условиями быта, что вынуждало искать более приемлемое место работы. Много сотрудников погибало в борьбе с преступниками из-за отсутствия систематической профессиональной подготовки.

Актуальным стал вопрос медицинского обслуживания. Так, например, в 1920 г. в Воронежской губернской милиции отмечалась сильная заболеваемость среди милиционеров из-за отсутствия теплой одежды, что сказывалось на работе и несении постовой службы⁵. Вводились социально-трудовые гарантии. Так, приказом по Орловскому губернскому управлению рабоче-крестьянской советской милиции на 26 февраля 1920 г. объявлялось, что при заболевании на службе сотрудников милиции они до выздоровления числились на службе и удовлетворялись содержанием согласно декрету Совнаркома от 23 мая 1919 г. в первые два месяца полностью, а затем подотдел социального обеспечения и охраны труда начинал выдавать пособие в тех же размерах вплоть до выздоровления или назначения постоянной пенсии⁶.

Приказом начальника Главмилиции от 12 октября 1921 г. в составе губернских управлений милиции создавались приемные покои, работники которых должны были оказывать медицинскую помощь сотрудникам милиции. Во втором приказе этого же дня разъяснялись задачи организуемой ведомственной медицины. Для взаимодействия с Наркоматом здравоохранения и руководства медицинским делом в составе Главного управления милиции была создана врачебно-санитарная служба по положению, объявленному приказом начальника милиции республики № 121 от 23 апреля 1923 г. [15, с. 63].

Приказом Центрального административного управления (ЦАУ) № 76 от 31 октября 1923 г. объявлялся циркуляр народных комиссаров здравоохранения и внутренних дел за № 255 о порядке медико-санитарного обслуживания работников милиции и уголовного розыска⁷ [11, л. 96].

Врачебно-санитарное обследование милиционеров находилось в ведении органов здравоохранения. Они по согласованию с местными учреждениями милиции возлагали обязанности по обслуживанию милиционеров на лечсанучреждения, а в случае необходимости выделяли специальный медперсонал. На них возлагалось:

а) лечебно-санитарное обслуживание лиц, временно задержанных при милиции и уголовном розыске;

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 200–205, 267–278.

² Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-2642. Оп. 1. Д. 94. Л. 8.

³ ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 792. Л. 8.

⁴ ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 1. Д. 94. С. 84–85.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 119. Л. 9 об.

⁶ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 57. Л. 319.

⁷ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 123. Л. 93.

б) предварительные и периодические осмотры милиционеров;

в) санитарный осмотр и надзор за помещениями общежитий, резервов, школ и квартир милиционеров, а также арестных помещений при милиции и уголовном розыске и дворовых усадеб при них;

г) санитарный надзор за продовольственными складами, цейхгаузами, кухнями и хлебопекарнями милиций и уголовного розыска;

д) санитарное просвещение работников милиции и уголовного розыска.

Начальник ЦАУ НКВД – начальник милиции республики П. К. Сергиевский 17 ноября 1923 г. объявил форму трехмесячной ведомости о движении больных в милиции и медико-санитарной отчетности, утвержденную Центральной санитарно-статистической комиссией Наркомздрава и Центральным статистическим управлением. Начальникам милиции губернии, областей и школ среднего комсостава приказывалось предоставлять их в отдел милиции ЦАУ по четвертям года к 25 января, апреля, июля и октября⁸.

На практике, несмотря на наличие в штате врача, телесные осмотры милиционеров, например, в Курске в 1924 г., производились нерегулярно, а санитарного надзора вообще не было [16, с. 23–24].

В Воронежской губернии в 1926 г. специальных амбулаторий при управлениях уездных милиций не имелось. В уездно-городских центрах работники милиции пользовались амбулаторной помощью в городских больницах, в волостных центрах и сельских местностях – в лечебных пунктах. Работники милиции, нуждавшиеся в стационарном лечении, обслуживались в больницах при местных медучастках и в больницах г. Воронежа. Медицинские осмотры работников милиции в большинстве уездов проводились 1–2 раза в год, а также при приеме вновь поступавших на службу в ряды милиции. Санитарно-курортным лечением за лето пользовались 4 человека. Периодические санитарные осмотры помещений работников милиции, расположенных казарменным порядком, производились органами санитарного надзора и комиссиями по охране труда. Санитарно-просветительная работа среди работников милиции велась лишь в милиции г. Воронежа и в Валуйском уезде⁹.

По Положению 1920 г. специальное обеспечение семей милиционеров производилось в порядке, установленном для снабжения армии и обеспечения призванных в ее ряды¹⁰, в связи с тяжелой продовольственной ситуацией.

30 сентября 1921 г. вышло Постановление Совета труда и обороны о выделении сотрудникам милиции

твердого продовольственного пайка на численность в 150000 человек. Постановление СНК от 24 мая 1922 г. распространило на милицию права военной кооперации [15, с. 63, 65]. С целью урегулирования защиты прав, оплаты труда, улучшения быта сотрудников в Курске в 1923 г. обсуждался вопрос о вхождении состава милиции в профсоюз¹¹.

Более того, по предшествовавшему опыту при Тимской уездной милиции была организована касса взаимопомощи, где на 1922 г. имелось 500 руб., пособия выдавались по возможности всем нуждающимся¹². В 1929 г. в Воронеже подчеркивалось, что необходимо расширить число членов кассы взаимопомощи и вовремя вносить средства, а на неаккуратных плательщиков без уважительных причин дела передавать в суд¹³.

На основании приказа начальника ЦАУ НКВД – начальника милиции республики № 85 1923 г. в Курской губернии провели месячник «Красный милиционер» по улучшению быта милиции, но результаты были небольшие¹⁴. На Курском губернском съезде административных работников в 1926 г. подчеркивалось, что необходимо за выслугу лет работникам милиции назначать пенсию [17, с. 43]. С 1 декабря по 1 января 1924 г. в г. Воронеже также проводился месячник «Красного милиционера» по вопросам повышения зарплаты и улучшения охраны труда, материальной помощи, обследования здоровья и жилищных условий, политического и правового просвещения, культурного досуга, введения милиции в профсоюз¹⁵. Однако воронежская коммуна 7 ноября 1924 г. поясняла, что так как милиция является полувоенной организацией, на нее не распространяется действие Кодекса законов о труде, т. е. они не имели двухнедельного отпуска, выходного дня в неделю и не могли состоять в профсоюзе [18, с. 49].

В августе 1923 г. сотрудникам губернских и уездных органов уголовного розыска было предоставлено право проезда во всех поездах специального назначения с оплатой по твердым ставкам (0,75 коп. за версту) без других дополнительных плат. Циркуляром НКВД РСФСР № 357 от 15 октября 1926 г. рекомендовано местным органам власти издавать специальные постановления, дававшие право строевому составу милиции и оперативному составу уголовного розыска использовать свободный автотранспорт и конные экипажи для осуществления возложенных на них функций по задержанию преступников, препровождению пострадавших и других нуждавшихся в помощи лиц в лечебные заведения [19, с. 87].

Положением 1925 г. предусматривался порядок предоставления очередных и внеочередных отпу-

⁸ ГАКО. Ф. Р-1287. Оп. 1. Д. 343. Л. 104.

⁹ ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 109. Л. 20–20 об.

¹⁰ Положение «О рабоче-крестьянской милиции» от 10.06.1920 // Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 9. § 8.

¹¹ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-65. Оп. 2. Д. 5. Л. 29–29 об.

¹² ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 об.

¹³ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 16 об.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-1287. Оп. 1. Д. 466. Л. 3.

¹⁵ ГАОПИВО. Ф. 389. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–13.

сков¹⁶. При отпуске действовали все гарантии ст. 91, 114 и 115 Кодекса законов о труде (КЗоТ) РСФСР (1922 г.). Внеочередной отпуск мог предоставляться в случае: 1) смерти или тяжелой опасности для жизни или болезни близких родственников; 2) внезапного разорения тех же лиц от несчастного случая. Он не мог превышать одного месяца. При предоставлении отпусков работники милиции сохраняли право на получение всех видов довольствия. А при объявлении мобилизации должны были немедленно вернуться к месту постоянной службы.

В Положении 1925 г. указывалось, что на работников милиции распространялся КЗоТ, за исключением оперативной работы и случаев, когда работа на них возлагалась в ночное время, праздничные дни и дни отдыха¹⁷.

Все работники при увольнении и расформировании ведомственной милиции имели право на получение за счет предприятия или учреждения денежного вознаграждения в порядке, установленном КЗоТ и действовавшими постановлениями¹⁸.

В ходе реализации этих положений на практике в 1929 г. в Воронеже указывали, что необходимо искоренять переработки и в случае обнаружения компенсировать их, а также следить, чтобы предоставлялся отпуск, а не заменялся деньгами¹⁹.

Однако в Курске даже в 1931 г. не было календарного плана отпусков. Постановления Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) от 1925–1930 гг. по данному вопросу не применялись из-за неустановленного твердого штата и частых реорганизаций. Имелись нарушения в использовании выходных дней сотрудниками из-за перегруженности. Компенсаций за неиспользованные выходные дни сотрудникам не было, и замена дней производилась по мере возможности²⁰.

В итоге видим, что право на отдых в этот период закреплялось в нормативном порядке, но в реальности оно не реализовывалось в полном объеме.

Не менее важным аспектом являлись жилищно-бытовые условия служащих, поэтому остановимся на них подробнее. Так, в 1918 г. в 1-й части г. Орла казарма представляла собой скудно освещенный большой каменный сарай. Милиционеры спали на деревянных нарах и холщовых мешках, набитых соломой, не было подушек, простыней, одеял. Во 2-й части из-за недостатка дров милиционеры несколько дней оставались без горячей пищи. В 3-й части не было даже умываль-

ника²¹. Постельные принадлежности милиционеры заменяли шинелями и полушубками, в помещении ходили в верхней одежде, спали на досках, положенных на козлы. Часть семейных милиционеров жила на частных квартирах.

Общежития для милиции устраивались в экспроприированных домах. Так, в 1919 г. в г. Курске выселили жителей из нескольких домов²²,]. В 1923 г. милицией были взяты в аренду мельница, огороды и земли, также предполагалось взять горсад для поддержки быта милиционера²³.

Помещения общежитий после событий гражданской войны были значительно повреждены, обстановка испорчена, окна выбиты, но постепенно они приводились в порядок, оборудовались кровати, кухни. Недосток дров отрицательно сказывался на здоровье милиционеров, а отсутствие освещения не давало возможности заниматься по вечерам²⁴.

Служебные помещения тоже требовали ремонта. К примеру, в 1923 г. Управление милиции Тамбовской губернии содержалось чисто, но было необходимо отремонтировать стены и потолок, установить бак для воды и электрическую лампочку. Требовалось отремонтировать помещение конного резерва, печи в нем, застеклить окна и т. д.²⁵.

С конца 1920-х гг. обратили внимание на жилищную проблему. Постановление ВЦИК и СНК «О мерах улучшения быта и службы работников РКМ» от 11 ноября 1927 г. обязало местные Советы решать вопросы улучшения жилищных условий для активно-строевого состава работников милиции и уголовного розыска²⁶. Местным исполнительным комитетам предлагалось: а) разработать мероприятия по их улучшению; б) выделять ежегодно средства на строительство общежитий и домов; в) снизить с 1927–1928 г. квартирную плату (размер уменьшения устанавливался местными Советами)²⁷.

Начальник воронежской гормилиции 21 ноября 1927 г. отмечал, что участились случаи самовольного вселения в квартиры милиционеров с использованием служебного положения, и призывал таких наказывать вплоть до уголовной ответственности по ст. 90 УК [18, с. 158].

Жилищно-бытовые условия милиционеров в Центрально-Черноземной области (ЦЧО) были неудовлетворительными: отсутствовали общежития, до 30 % работников не имели сносных домов. В г. Воронеже часть милиционеров проживала в 10–15 км от города, другие ютились на вокзалах, в ночлежных домах и попадали

¹⁶ Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1925. № 68. Ст. 539.

¹⁷ Положение о службе рабоче-крестьянской милиции от 28.09.1925 // СУ РСФСР. 1925. № 77. Ст. 5, 6.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-1287. Оп. 1. Д. 348. Л. 1–2.

¹⁹ ГАОПИВО. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 1. Д. 218. Л. 7.

²¹ ГАОО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 21. Л. 59–61 об.

²² ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 1. Д. 12. Л. 18–19.

²³ ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 2. Д. 5. Л. 21 об. – 22.

²⁴ ГАОО. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 44 ол. Л. 83 об.

²⁵ Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-7775. Оп. 1. Д. 76. Л. 229.

²⁶ СУ РСФСР. 1927. № 113. Ст. 761.

²⁷ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 73. Л. 8.

в кабалу к спекулянтам. Только 25 % жили более-менее удовлетворительно²⁸.

Исходя из таких данных, президиум облисполкома ЦЧО 27 декабря 1928 г. констатировал, что бытовое положение милиционеров неудовлетворительное. Заместителю председателя облисполкома ЦЧО Прядченко и начальнику областного адмтдела Мазурову поручалось на специальном совещании с представителями заинтересованных организаций 15 января 1929 г. обсудить улучшение бытовых условий милиционеров и выработать практические мероприятия. Областному коммунотделу и обладмтделу предложили рассмотреть вопрос о снижении активно-строевому составу милиции и уголовного розыска квартирной платы до 50 %²⁹.

В 1929 г. в Воронеже ставился вопрос о снижении квартплаты для милиционеров, выделении средств для оборудования общежития³⁰.

Постановлением Курского горсовета от 2 октября 1928 г. («Курская правда». 1928 г. № 263) для работников активно-строевого состава милиции и уголовного розыска, проживавших в г. Курске, квартплата была снижена на 50 %³¹. Но для курской городской милиции в первой половине 1929 г. не было подходящих помещений для общежитий, а имевшееся было настолько мало, что иногда на одной койке спали по 2 и даже 3 милиционера³². При обследовании 1-го и 2-го районов милиции г. Курска в ноябре 1929 г. выяснились недостатки в общежитиях: отсутствовали правила для дежурного, вешалки для обмундирования и дощечки над койками с указанием, кому она принадлежит, находились лишние предметы, загрязненность, койки ежедневно не убирались, не было бака для кипячения воды и требовался ремонт помещения³³.

Комиссия по чистке аппарата милиции г. Курска в конце 1929 г. – начале 1930 г. предлагала через президиум горсовета добиваться улучшения жилищных условий милицейских работников и предоставления индивидуальных квартир семьям милиционеров, не нарушая обязательного срока годовой службы³⁴.

В начале 1930 г. в Курске пытались обеспечить работников участковой милиции квартирами за счет проведения компании по ликвидации кулака как класса и конфискации их имущества³⁵. Поднимался вопрос об установлении скидок за оплату коммунальных ус-

луг и пользование баней³⁶. При проверке Курского управления милиции 25 июля 1931 г. выявлено, что общежитием были обеспечены 30 %, столовой и закрытым распределением – 100 % работников милиции³⁷.

Тамбовскому городскому совету и окркоммунотделу, райисполкомам городов Моршанск, Кирсанов и Рассказово предлагалось подыскать помещения для общежитий милиции и средства для их обустройства (особенно для участковых милиционеров сельских мест) и предоставить скидку квартплаты по трем группам от 25 % до 60 %³⁸. Еще в первой половине 1928 г. для детей милиционеров в г. Тамбове была организована детская площадка³⁹.

Проблема с общежитиями милицейских работников в райадмтделениях Тамбовского округа до января 1929 г. не была решена, из 17 РАО их организация была возможна только в трех (городах Рассказове, Кирсанове и Моршанске). При горчасти окрадмтдела должны были организовать общежитие на 25 человек, хотя оно требовалось минимум 200 служащим. На это выделили 428 руб. 50 коп., но на них можно было приобрести только постельные принадлежности⁴⁰.

По приказу Главного управления милиции от 7 января 1932 г. для удовлетворения жилой площадью нуждающихся семейных милиционеров и начсостава исполкомам и горсоветам приказывалось обязательно и немедленно выделить не менее 5 % жилплощади из жилфонда нового строительства⁴¹. Наиболее благоприятное положение было в г. Воронеже, где 11 марта 1932 г. было образовано рабоче-жилищно-строительное товарищество «Красный милиционер»⁴².

На 1 апреля 1932 г. членами профсоюза были 87 % милиционеров ЦЧО, неполный охват объяснялся текучестью кадров. Профсоюз пытался улучшить быт милиционеров, обеспечивал продуктами и квартирами. В Воронеже, Курске, Орле и Тамбове действовали еще и буфет. Но в большинстве сельских районов работники милиции были сняты со снабжения и продукты питания не получали (Пичаевский, Никитовский, Сампурский и др.), некоторые – только хлеб (Старо-Оскольский, Кирсановский, Уваровский и др.), или 400 граммов хлеба на работника милиции и 200 граммов на члена семьи (Кирсановское, Белгородское районные управления милиции). Отчислений 5 %

²⁸ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 98–98 об.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-2638. Оп. 1. Д. 69. Л. 17–17 об.; ГАТО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 73. Л. 16–16 об.

³⁰ ГАОПИВО. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

³¹ ГАКО. Ф. Р-2638. Оп. 1. Д. 69. Л. 24.

³² ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

³³ ГАКО. Ф. Р-2638. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–1 об.

³⁴ ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 1. Д. 93. Л. 206–207.

³⁵ ГАКО. Ф. Р-2628. Оп. 1. Д. 101. Л. 48.

³⁶ ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 1. Д. 94. Л. 8.

³⁷ ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 1. Д. 233. Л. 22.

³⁸ ГАТО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 73. Л. 17.

³⁹ ГАТО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.

⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.

⁴² ГАОПИВО. Ф. 390. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

от нового жилищного строительства также не производилось. Намеченная постройка дома на 48 квартир в г. Воронеже за отсутствием материалов была сорвана⁴³. На средства Коммунального банка (225000 руб.) 3 сентября 1932 г. было намечено построить 5 сборно-каркасных двухэтажных домов по 16 квартир в каждом. Руководство производилось специальным строительным отделом отдела снабжения областного управления милиции. К 20 ноября этого года сдали в эксплуатацию один дом без надворных построек, электрического освещения и водоснабжения. Предложили построить овощехранилище. Порядок распределения квартир осуществлялся отделом снабжения, который выдавал ордера по согласованию с правлением жилищной инспекции⁴⁴.

Таким образом, вопрос о жилье в ЦЧО более года фактически не решался, конкретные мероприятия начали проводить только с начала 1929 г. в основном в окружных центрах. Проблема все также заключалась в материальном факторе, т.к. милиция до 1931 г. содержалась на местные средства.

Стоит отметить, что согласно Постановлению СНК СССР «О государственном обеспечении рядового состава милиции»⁴⁵ от 2 декабря 1932 г. работники рядового и начальствующего состава милиции и их семьи стали пользоваться государственным обеспечением наравне с военнослужащими.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что в советское время получили развитие такие направления социальной политики, как страхование, медицинское обслуживание, время отдыха, льготный проезд и жилищный вопрос. По сравнению с предшествующими периодами, появилась гарантия оплаты больничного периода, и в милиции создавались свои приемные покои. Жилищная проблема разрешалась путем создания общежитий, снижения квартирной платы и обеспечения семейных милиционеров квартирами. Актуализировались

и новые направления, например продовольственное обеспечение. Решать этот вопрос приходилось не только за счет государственных средств, но и с помощью общественности (сбор продуктов и различных предметов от шефов и населения, организация касс взаимопомощи, вхождение в профсоюз).

Изначально не было единого правового акта о льготах и преимуществах милиционеров, они носили несистематизированный характер и принимались на основе законов о военнослужащих.

За последние десятилетия введен в действие ряд правовых норм в сфере социальной политики государства. Механизм их реализации на практике не всегда совершенен. Разрешение этой проблемы – самая важная задача законодателей современности. Очевидно, что при разработке вопросов социальных гарантий для служащих органов общественной безопасности законодатель основывался на опыте прошлого, учитывая его положительные и отрицательные аспекты, чтобы исключить возможные ошибки. А анализ, выявление пробелов и поиск решения проблем современного законодательства становятся основой для будущих правовых актов в этой сфере. Предлагаем создание специальных служб с привлечением общественности или постановку этих вопросов в общественных советах, которые изучали бы нужды сотрудников органов правопорядка и их семей (затрагивая различные аспекты: экономические, психологические и др.), разрабатывали и претворяли в жизнь методики социального оздоровления. Необходимо помнить о финансировании исследований, а также обеспечении всех прав и гарантий данной группы населения. Такие мероприятия способствовали бы повышению престижа государственной службы в органах общественной безопасности.

⁴³ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1952. Л. 68–69.

⁴⁴ ГАОПИВО. Ф. 390. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

⁴⁵ Собрание законов СССР. 1932. № 80. Ст. 490.

Литература

1. Иванов В. А., Иванов В. В. Национальные кадры советской милиции в 1917–1991 гг. (на материалах Марийской АССР) // Марийский юридический вестник. 2016. № 4. С. 19–22.
2. Гутман М. Ю. Развитие и совершенствование кадрово-воспитательных аппаратов органов милиции СССР и их деятельность в межвоенный период (1921–1941) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3. С. 16–25.
3. Гутман М. Ю. Совершенствование структуры и функций кадрово-воспитательных аппаратов НКВД СССР и правовое регулирование воспитательной работы в органах милиции (1921–1941 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4. С. 43–52.
4. Синиченко В. В., Карнович С. А., Кузнецов А. А. Система профессионального образования советской милиции в Восточной Сибири в 20-х гг. XX в. // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2016. № 3. С. 53–63.
5. Нахимов А. П., Киринос А. В., Колесников В. А. Предпосылки перестройки милицейского образования в Воронежской губернии в 1923–1925 гг. // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 4. С. 9–19.
6. Коваль И. И. Материальное обеспечение сотрудников милиции Южного Урала в годы НЭПа // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. № 1. С. 17–21.
7. Главинская С. Н. Историческая преемственность норм права в области социальной политики государства (на примере служащих органов внутренних дел) // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 3-1. С. 265–269.

8. Кудратов М. О., Махмудов М. А. Понятие правовой и социальной защиты сотрудников милиции (полиции) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2015. № 4. С. 44–54.
9. Быковская Ю. В. Государственная социальная политика в органах внутренних дел и методология ее формирования и реализации в системе обеспечения экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 47. С. 25–39.
10. Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции (23–25 апреля 2018 г.) / под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018.
11. Милиция Белогорья: годы и люди / под общ. ред. В. В. Пучкова. Белгород: Истоки, 2002. 256 с.
12. Люди долга и отваги: орловской милиции посвящается / под общ. ред. И. П. Савченко. Орел: Орелиздат, 1997. 256 с.
13. Захарцев С. Н. Борьба с преступностью органов милиции и уголовного розыска Тамбовской губернии в 1921–1928 гг. СПб.: Нестор, 2005. 102 с.
14. Смирных В. М. Крим-информ: 70 лет назад // Воронежский курьер. 09.11.1995.
15. Морук Ю. Н. История органов правопорядка России в точных датах: хронологический справочник. М.: Объединенная редакция МВД России, 2007. 192 с.
16. Город Курск // Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 5. С. 23–24.
17. Отпущенников Е. П. Революционная законность и курская милиция. Курск: издание Административного отдела Курского губисполкома, 1926. 61 с.
18. Смирных В. М. Почти военная организация: очерки истории Воронежской милиции 20-х годов 20 века. К 200-летию МВД России. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, 2002. 190 с.
19. Щендригин Е. Н., Булыжкин А. В. Орловская милиция (1917–1928 гг.): историко-правовой очерк. Орел: Труд, 2003. 199 с.

SOCIAL POLICY TOWARDS MILITIA PERSONNEL IN 1920–1930S

Svetlana N. Tokareva¹.[@]

¹ *Kursk State University, 33, Radishcheva St., Kursk, Russia, 305000*

[@] *tokareva_sn@mail.ru*

Received 03.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: militia, Soviet worker and peasant militia, social policy, social security.

Abstract: The research features the social policy towards employees of the Soviet worker and peasant militia in 1920–1930s. The aim of the work was to study the main directions and measures of social support of this category. The paper uses general scientific and specific scientific methods to determine the formation of the organization, the factors of its occurrence, as well as to characterize its elements. The author concludes that an active formation of social policy towards militiamen took place after October, 1917. It included such areas as insurance, medical care, leisure time, travel privilege and housing. In comparison with the previous periods there was a guarantee of payment of the sick-list period and separate hospital wards. The housing problem was resolved through the establishment of dormitories, the reduction of rent and the provision of apartments to family policemen. New trends included food support. All these bonuses were provided at the budget expense and with the assistance of the community. Initially, however, there was no unified legal act on the benefits and advantages of the militia personnel. While developing the modern social guarantees for employees of public security, the legislators based them on the experience of the past, taking into account both positive and negative aspects. By studying the needs of law enforcement officers and their families, special services or public councils can develop and implement methods of social rehabilitation, which enhances the prestige of public service.

For citation: Tokareva S. N. Sotsial'naiia politika v otnoshenii sluzhashchikh militsii v 1920–1930-e gg. [Social Policy towards Militia Personnel in 1920–1930s]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 109–116.

References

1. Ivanov V. A., Ivanov V. V. Natsional'nye kadry sovetskoi militsii v 1917–1991 gg. (na materialakh Mariiskoi ASSR) [The national staff of the Soviet Police in 1917–1991 (on materials of the Mari ASSR)]. *Mariiskii iuridicheskii vestnik = Mary Law Vestnik*, no. 4 (2016): 19–22.
2. Gutman M. Yu. Razvitiie i sovershenstvovanie kadrovo-vospitatel'nykh apparatov organov militsii SSSR i ikh deiatel'nost' v mezhoennyy period (1921–1941) [Development and improvement of educational personnel and spacecraft's of the police of the USSR and their activities in the inter-war period (1921–1941)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia*, no. 3 (2013): 16–25.
3. Gutman M. Yu. Sovershenstvovanie struktury i funktsii kadrovo-vospitatel'nykh apparatov NKVD SSSR i pravovoe regulirovanie vospitatel'noi raboty v organakh militsii (1921–1941 gg.) [Improving the structure and functions of the personnel and educational apparatus of the NKVD of the USSR and regulation of educational work at the police (1921–1941)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia*, no.4 (2015): 43–52.
4. Sinichenko V. V., Karnovich S. A., Kuznetsov A. A. Sistema professional'nogo obrazovaniia sovetskoi militsii v Vostochnoi Sibiri v 20-kh gg. XX v. [System of education of the Soviet militia in eastern Siberia in 20-ies XX v.]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 3 (2016): 53–63.
5. Nakhimov A. P., Kirnos A. V., Kolesnikov V. A. Predposylki perestroiki militsiiskogo obrazovaniia v Voronezhskoi gubernii v 1923–1925 gg. [The background of Voronezh province militia education reorganization in 1923–1925]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, no. 4 (2017): 9–19.
6. Koval' I. I. Material'noe obespechenie sotrudnikov militsii Iuzhnogo Urala v khody NEPa [Material maintenance of militia officers of the South Urals in the course of the new economic policy]. *Vestnik Tiimenskogo instituta povysheniia kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii = Bulletin of the Tyumen Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (2017): 17–21.
7. Glavinskaya S. N. Istoricheskaia preemstvennost' norm prava v oblasti sotsial'noi politiki gosudarstva (na primere sluzhashchikh organov vnutrennikh del) [The historical succession of legal regulations in the area of the state social policy (exemplified by the internal security service officers)]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov State University. Series: The humanities*, no. 3-1 (2006): 265–269.
8. Qudratov M. O., Makhmudov M. A. Poniatie pravovoi i sotsial'noi zashchity sotrudnikov militsii (politsii) [Concept of the legal and social protection of the police officials]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk = Scientific notes of Khudzhand State University named after academician B. Gafurov. Series of Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2015): 44–54.
9. Bykovskaya Yu. V. Gosudarstvennaia sotsial'naia politika v organakh vnutrennikh del i metodologiya ee formirovaniia i realizatsii v sisteme obespecheniia ekonomicheskoi bezopasnosti [The social policy of the State in internal affairs bodies and the methodology for its formation and implementation in the economic security system]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 11, no. 47 (2015): 25–39.
10. Rossiiskaia politsiia: tri veka sluzheniia Otechestvu: materialy iubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 300-letiiu rossiiskoi politsii (23–25 apreliia 2018 g.) [Russian police: three centuries of service to the Fatherland: Proc. Intern. Sc. Conf. dedicated to the 300th anniversary of the Russian police (April 23–25 2018)]. Ed. Nizhnik N. S. Saint-Petersburg, 2018.
11. *Militsiia Belogor'ia: gody i liudi* [Militia Belogorie: years and people]. Ed. Puchkov V. V. Belgorod: Istoki, 2002, 256.
12. *Liudi dolga i otvagi: orlovskoi militsii posviashchaetsia* [People of duty and courage: Orlov's militia is dedicated]. Ed. Savchenko I. P. Orel: Orelizdat, 1997, 256.
13. Zakhartsev S. N. *Bor'ba s prestupnost'iu organov militsii i ugovnogo rozyska Tambovskoi gubernii v 1921–1928 gg.* [The fight against the crime of the police and the criminal investigation of the Tambov province in 1921–1928]. Saint-Petersburg: Nestor, 2005, 102.
14. Smirnykh V. M. Krim-inform: 70 let nazad [Crim-inform: 70 years ago]. *Voronezhskii kur'er = Voronezh courier*, November 9 (1995).
15. Morukov Iu. N. *Istoriia organov pravoporiadka Rossii v tochnykh datakh: khronologicheskii spravochnik* [The history of law enforcement in Russia in exact dates: a chronological reference book]. Moscow: Ob"edinennaia redaktsiia MVD Rossii, 2007, 192.
16. Gorod Kursk [Kursk city]. *Raboche-krest'ianskaia militsiia = Worker and peasant militia*, no. 5 (1924): 23–24.
17. *Otpushchennikov E. P. Revoliutsionnaia zakonnost' i kurskaia militsiia* [Revolutionary Legality and Kursk Militia]. Kursk: izdanie Administrativnogo otdela Kurskogo gubispolkoma, 1926, 61.
18. Smirnykh V. M. *Pochti voennaia organizatsiia: ocherki istorii Voronezhskoi militsii 20-kh godov 20 veka. K 200-letiiu MVD Rossii* [Almost a military organization: essays on the history of the Voronezh militia of the 1920s. To the 200th anniversary of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 2002, 190.
19. Shchendrigin E. N., Bulzhkin A. V. *Orlovskaa militsiia (1917–1928 gg.): istoriko-pravovoi ocherk* [Orel police (1917–1928 gg.): historical and legal essay]. Orel: Trud, 2003, 199.



МАРИНА ИГНАТЬЕВНА СМЫЧКОВА:

наш учитель, наставник и коллега

2 января 2018 г. ушла из жизни Марина Игнатьевна Smychkova. С ее именем неразрывно связан основной этап становления и развития юридического факультета Кемеровского

государственного университета (ныне Юридического института). История юридического факультета КемГУ начинается с 1974 г. Первые годы (1974–1978 гг.) он существовал как экономико-правовой. Данный факультет был образован на базе У КП Томского государственного университета.

Марина Игнатьевна была в числе первых преподавателей факультета. Весь жизненный путь М. И. Smychkovoy – пример редкой самоотдачи, свойственной тем, кто пережил войну, прошел через послевоенные тяготы и лишения и упорным, честным трудом зарабатывал себе и другим право учиться, работать и достойно жить.

М. И. Smychkova родилась 25 августа 1940 г. на Украине в селе Чернацкое Сумской области в крестьянской семье. На ее жизненную долю выпали трагические события (немецкая оккупация) и голодные послевоенные годы. В 1947 г. вместе с родителями переехала на постоянное место жительства в Томскую область, где окончила среднюю общеобразовательную школу. С самого детства одним из главных ее устремлений было желание учиться. В 1959 г. поступила на вечернее отделение юридического факультета Томского государственного университета. В период обучения работала в различных организациях: на швейфабрике, делопроизводителем в суде, секретарем в облпрокуратуре, юрисконсультком.

В 1965 г. М. И. Smychkova успешно окончила юридический факультет Томского государственного университета, после чего работала в Госарбитраже при Томском облисполкоме в качестве арбитра. По воспоминаниям сокурсников Марина Игнатьевна в годы учебы активно участвовала в научном кружке, делала доклады, рефераты, свидетельствующие о большом интересе к изучаемым дисциплинам, и особенно к гражданскому и арбитражному процессу. Как перспективную в научном плане выпускницу ее пригласили работать преподавателем на кафедру гражданского права и процесса ТГУ.

В ноябре 1967 г. она была избрана по конкурсу на должность ассистента кафедры гражданского права и процесса ТГУ. Вела занятия по основному курсу «Гражданский процесс» и спецкурс «Арбитраж в СССР». В 1972 г. М. И. Smychkova окончила заочную аспирантуру при Томском государственном университете и в этом же году успешно защитила кандидатскую

диссертацию на тему «Возбуждение дел в государственном арбитраже».

В 1974 г. в связи с передачей Кемеровского У КП Томского государственного университета Кемеровскому государственному университету и образованием экономико-правового факультета была переведена на работу в Кемеровский государственный университет. В числе первых преподавателей Марина Игнатьевна принимала активное участие в становлении и развитии юридического факультета. Начал факультет свое существование в тяжелых условиях. В университете не было достаточного количества аудиторий, не было необходимого количества квалифицированных кадров, наблюдалось почти полное отсутствие обеспечения нормативными актами, методической литературой и в такой же степени учебной литературой – все это накладывало определенные обязанности на преподавателей, учитывая, что лекции являлись чуть ли не основными учебными пособиями. Лекции Марины Игнатьевны отличались глубокими познаниями в области римского права, гражданского и арбитражного процесса, умением просто и доходчиво объяснять сложные вопросы теории и практики применения законодательства. Невозможно переоценить вклад, который внесла Марина Игнатьевна в подготовку профессиональных юристов в течение без малого 36 лет работы на юридическом факультете. Ее высокое профессиональное мастерство снискало уважение и признательность всех студентов и преподавателей, учившихся и работавших на факультете.

На протяжении нескольких лет (с 1977 по 1980 гг.) Марина Игнатьевна была зав. кафедрой уголовного права и процесса, а затем с 1980 по 1992 гг. заведовала кафедрой гражданского права и процесса. Под руководством М. И. Smychkovoy кафедра гражданского права и процесса формируется в высококвалифицированный творческий коллектив, один из ведущих на факультете. У нее был настоящий дар определять способных и трудолюбивых студентов, прививать им потребность и любовь к учебе и науке сначала в студенческих научных кружках, а затем в аспирантуре. Она многое делала для продвижения своих учеников на научном поприще. С этой целью кафедрой был заключен договор о научном содружестве с Томским государственным университетом, Свердловским юридическим институтом. В специализированных советах этих ведущих учебных заведений страны за период с 1985–1991 гг. было защищено 6 кандидатских и одна докторская диссертация. Ее ученики, преподаватели кафедры, «остепенившись», с огромной благодарностью отмечают пройденную под ее руководством научную и педагогическую школу и всю свою последующую жизнь

стремятся не снижать заданную их учителем и наставником профессиональную планку.

Педагогическую деятельность в университете Марина Игнатъевна сочетала с активной работой в общественно-политической жизни города, университета, судейского сообщества: являлась членом Совета правовых университетов при горкоме КПСС, членом координационно-методического Совета по правовой пропаганде Центрального райисполкома г. Кемерово, членом комиссии партийного контроля при университете, членом экзаменационной комиссии Кемеровской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи.

Очень высок авторитет М. И. Смычковой был и среди юристов-практиков, которые часто обращались к ней за консультациями по наиболее сложным вопросам, возникающим в их деятельности, и получали квалифицированную помощь. Она читала лекции судьям, работникам правоохранительных органов, нотариусам.

Плодотворна и многогранна научная деятельность М. И. Смычковой. Ею опубликовано свыше 50 научных статей в различных научных изданиях, основной сферой ее научных интересов было исследование проблем арбитражного процесса. Кроме того, она приняла участие в коллективной монографии «Экологическая опасность и борьба за ее преодоление» (1988), подготовленной Кузбасским политехническим институтом, и коллективной монографии «Тенденции и предлагаемые меры повышения эффективности дисциплинарной ответственности морального и материального воздействия» (1990), подготовленной институтом государства и права АН СССР.

С декабря 1992 г. по декабрь 2006 г. (до ухода в отставку) Марина Игнатъевна работала судьей арбитражного суда Кемеровской области в судебном составе по разрешению споров, вытекающих из администра-

тивных и иных публичных правоотношений. Как судья Марина Игнатъевна принимает активное участие в обучении судей, проведении и обобщении судебной практики, разработке методических рекомендаций по вопросам судебной деятельности, контроле за исполнением судебных решений.

Будучи уже судьей Арбитражного Суда Кемеровской области она продолжала до 2010 г. вести преподавательскую деятельность на юридическом факультете, читала спецкурс «Арбитражные Суды», осуществляла руководство дипломными работами и научной работой студентов.

За заслуги перед Кузбассом, Кемеровским государственным университетом, судебной системой Марина Игнатъевна Смычкова имела многочисленные благодарности, была награждена почетными грамотами Министерства образования и науки РФ, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, медалями: «Ветеран труда», «Победитель социалистического соревнования 1979», «За особый вклад в развитие Кузбасса III степени», «За служение Кузбассу», «70 лет Кемеровской области», «За заслуги перед судебной системой Российской Федерации», «Арбитражному суду Кемеровской области 15 лет 1992–2007», нагрудным значком «За отличные успехи в работе», почетным золотым знаком «За особые заслуги перед юридическим факультетом I степени».

Марина Игнатъевна строго следовала своим жизненным принципам, была принципиальным, требовательным к себе и к другим и в то же время удивительно чутким человеком, справедливым и добропорядочным. С этой оценкой, вне всяких сомнений, согласится любой, кто учился у Марины Игнатъевны, работал с ней или просто был знаком. Светлая память о Марине Игнатъевне Смычковой навсегда сохранится в сердце каждого, кто знал, уважал и любил этого человека.

Этина Татьяна Степановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Кемеровского государственного университета;

Халиулин Александр Германович, доктор юридических наук, профессор, выпускник юридического факультета КемГУ 1979 г., заведующий кафедрой Университета прокуратуры Российской Федерации, государственный советник юстиции 3 класса.

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Гуманитарные и общественные науки.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series:
Humanities and Social Sciences. Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
главный редактор;
Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор.
Тел.: 8(384-2)58-13-01
Факс: 8(3842)58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Editor-in-Chief;
Lyudmila S. Starikova
Technical Editor.
Tel.: 8(3842)58-13-01
Fax: 8(3842)58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

16+

Редакторы выпуска:
Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 02.07.2018. Формат А 4.
Дата выхода в свет 13.08.2018.
Печать офсетная. Бумага Sveto Сору. Усл. печ. л. – 14,8. Уч.-изд. л. – 14.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, [http: //kemsu.ru](http://kemsu.ru).
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Мичурина, 13А.